

Переводчик: Н.В. Федуро
Редакторы: И.В. Терехова, В.С. Волкова
Корректор: М.А. Антипов

Роман-хроника для молодежи

Убийца любви

Отвечая на вопрос: Почему настоящая любовь ждет?

Джош Макдауэлл, Боб Хостетлер

Благодарности

Мы хотим выразить благодарность замечательной команде, которая сотрудничала с нами, чтобы осуществить эту работу. Мы благодарим Марка Маранта из отдела исследований служения Джоша Макдауэлла за многие часы, которые он провел за уточнением данных и составлением глав, посвященных болезням, передающимся половым путем, и контрацепции. Выражаем благодарность Съюзи Роджас и Эндрю Стегеру за их ценное мнение и критику черного варианта рукописи; Дэвиду Н. Вессу за его профессионализм, который помог сформировать сюжетную линию романа в его окончательной форме; Стиву Грисинжеру и Терезе Камингс из судебной программы Принстонской высшей школы за помощь в описании технологий и механизмов дебатов; Нигелу Хорриджу за то, что он просветил нас в отношении британской культуры и подсказал реалистичные диалоги и комичные ситуации для персонажа Брэда Стюарта; Джо Паула из корпорации Word, который не только поверил в этот роман, но также хранил видение относительно серий и эффективно руководил проектом; и, наконец, Дэву Беллису, который работал с нами последние 16 лет, за творческий дизайн и оформление романа, за концепцию основной сюжетной линии и за упорство в достижении цели, благодаря которому работа была завершена.

Джош Макдауэлл,
Боб Хостетлер

1

Крайстел через «К»

Очередное замечание Джейсона Видерса так рассмешило Крайстел, что ей пришлось закрыть рукой рот, чтобы удержать содовую, которую она пила.

Джейсон с громким хлюпаньем втянул в себя напиток, надул щеки, передразнивая Крайстел, и приблизил нос к ее лицу. Его глаза были расширены в притворном ужасе.

Внезапно Крайстел вскочила со своего места у лагерного костра и бросилась к деревьям. Она вернулась

через несколько секунд с покрасневшим лицом, вытирая рот и кашляя.

— Большое спасибо, Джейсон, — поблагодарила она с иронией. — Это прочистило мой нос и все остальное.

— А что я сделал? — спросил юноша с абсолютно невинным видом.

Крайстел слегка похлопала его по плечу и подняла с земли банку содовой. Она начала было потягивать напиток, но, взглянув с подозрением на Джейсона, поставила банку обратно.

— Что тебя так насмешило? — спросила Амбер Локвуд, сидевшая по другую сторону от Крайстел.

Крайстел покачала головой.

— Ничего, — ответила она, переводя взгляд на Джейсона.

Крайстел, Джейсон и Амбер сидели вокруг горящего костра у озера Гиллиган. Здесь собралось более дюжины ребят из церкви «Весткасл Комьюнити». За два уикенда до начала школьных занятий Лиз и Дуэйн Каннингемы, лидеры молодежной группы, организовали ночной пикник точно так же, как и в прошлые годы.

День был наполнен плаванием, катанием на лодках и водных лыжах. Теперь друзья расположились вокруг костра и по очереди рассказывали смешные истории.

Амбер устроилась рядом со своим другом Уиллом Макконнелом, который вспомнил, как он потерял свои плавки, катаясь на водных лыжах в прошлом году. По другую сторону костра сидели Дарсел Дэвис, Бастер Годд и Джой Акияма — трое старшекурсников. Они были лидерами молодежной группы, которая превратилась в прошлом году в Команду Освобождения. В нее входили христиане-студенты, посвятившие себя поиску новых путей евангелизации и стремящиеся делиться своей верой с друзьями в школе.

Некоторые из ребят, расположившихся вокруг колеблющегося пламени, не принимали участия в прошлогодних пикниках. Среди них была Хиллари Путнэм, которой помогла прийти в группу дружба с Амбер, а также Ким Холмс и Дебби Уайт, члены команды ралли. Чуть поодаль Грег Хупер и Билли Максвелл, закончившие школу в июне прошлого года, сидели рядом с Регги Спенсером, который говорил с ними о доверии Христу.

— Помните, как Джимми Ходжес чуть не отравился тортом в день рождения? — спросила Джой Акияма. — Когда вечеринка в ресторане подошла к концу, он почувствовал тошноту, поэтому он просто взял остатки торта, купленного его мамой в супермаркете, и...

Кое-кто из ребят захихикал, слушая рассказ Джой. Крайстел, однако, перестала улыбаться при упоминании имени Джимми. Она-то помнила. На самом деле, думала Крайстел, никто в этом кругу даже не имел понятия, как хорошо она помнила. Только она знала правду о Джимми Ходжесе. Ни у кого, кроме нее, не было таких близких отношений с этим человеком.

Крайстел познакомилась с Джимом Ходжесом на вечеринке в день Хеллоуина в восьмом классе. В тот вечер она надела длинное облегающее черное платье с широкими рукавами и разрезом сбоку. Она покрасила волосы в черный цвет и сделала пробор посередине, чтобы выглядеть как, Мортисия Адамс. Увидев это, мама чуть не заставила ее остаться дома. Крайстел знала: мать подумала, что наряд слишком «взрослый». Но Крайстел совсем не чувствовала себя взрослой, она лишь ощущала себя немного глупо. «Я не настолько высокая, чтобы смотреться, как Мортисия», — подумала она.

— Красивый наряд, — сказал Джимми, покинув центр школьного спортзала и подойдя к Крайстел. Юноша пренебрег деловым костюмом, отдав предпочтение спортивному стилю. Его короткие каштановые волосы были тщательно причесаны. Густые ресницы оттеняли глаза, которые пристально смотрели на Крайстел. Чувственно полные и яркие губы казались слишком красивыми для лица парня. Все вместе представляло собой сочетание, перед которым нельзя было устоять.

— Ты из Весткасла?

Она кивнула в ответ, мягко добавив: «У-гу».

— Мне кажется, я не замечал тебя раньше. — Его глаза ласкали Крайстел, откровенно любуясь. — А я всегда замечаю девушек, подобных тебе.

— Ну, я... — Ей очень не хотелось продолжать этот разговор. Она не могла смотреть в лицо Джимми и отвернулась. — Я учусь в восьмом классе.

Крайстел почувствовала, как краснеет. Она украдкой взглянула в глаза Ходжеса, все еще направленные на нее, и потом снова отвернулась.

В зале тем временем продолжались танцы. Но многие студенты скромно стояли у стен или слонялись вокруг столов с закусками.

— В восьмом классе?

Крайстел пала духом. Она взглянула на Джимми и увидела проблеск сожаления в его глазах. Он скрылся в толпе, однако через секунду вернулся и осмотрел девушку с ног до головы.

— Я бы никогда не подумал, что ты в восьмом классе. Ты выглядишь действительно старше своих лет.

Крайстел улыбнулась и снова взглянула на парня. Он не смотрел ей в глаза.

— Меня зовут Джим, — продолжал он, — Джим Ходжес. Я первокурсник.

«Первокурсник! — Крайстел открыла рот. — Первокурсник! Он на самом деле учится в колледже, — подумала она. Слабый вздох сорвался с ее губ. — Он первокурсник, и он сказал, что я выгляжу старше своих лет! Его не волнует, что я лишь в восьмом классе».

Крайстел и до этого флиртвала с мальчиками; она даже ходила на свидания. В прошлом году мама разрешила

ей отправиться в кино с Джастином Митчеллом при условии, что *она* будет их сопровождать. Крайстел умоляла маму остаться дома и позволить им пойти вдвоем. Бесполезно! Мама, однако, согласилась сесть «не ближе чем за шесть рядов от них». Но в кинотеатре миссис Уэйн прицепилась к Джастину, как липучка, и когда они заняли места, мама Крайстел каким-то образом вклинилась между ними. Крайстел заставила Джастина пообещать, что он никогда никому не расскажет об их «свидании».

Из-за плеча Джимми Ходжеса она внимательно наблюдала за тем, как протекает вечеринка. Казалось, везде, куда бы она ни посмотрела, она видела симпатичных девушек, стоящих в одиночестве. Они были взрослее и выше Крайстел, многие выглядели, как студентки-второкурсницы и первокурсницы. Но Джимми не разговаривал ни с кем из них, даже с блондинкой, в которой Крайстел узнала девушку с ралли. Она быстро осознала все это и почувствовала, как внутри разливается тепло, словно она глотнула горячего шоколада в холодный день.

Джимми смотрел на нее спокойно, прямо в глаза. Крайстел вопросительно взглянула на него. Но он как будто ожидал от нее каких-то слов.

«Мое имя! Ах, да, я не сказала ему, как меня зовут».

— Крайстел, — выпалила она и тут же осознала, что это прозвучало слишком внезапно и чересчур громко. «Тише, глупая. Возьми себя в руки», — сказала она себе. — Крайстел Уэйн, — повторила она.

— Крайстел, — улыбнулся Джимми.

— Через «К», — добавила она, тотчас засомневавшись, нужно ли это говорить.

— Крайстел через «К», — повторил он. — Итак, Крайстел-через-«К», не хочешь ли ты пойти прогуляться?

Она кивнула головой, изобразив что-то среднее между «да» и «нет». Джимми слегка обнял ее за плечи, а потом положил руку на середину ее спины, когда они направились к выходу.

Они медленно шли через парковку. Сюда еще доносились звуки музыки и шум вечеринки. Джимми задавал Крайстел вопросы, на которые она смущенно отвечала. Он положил руку ей на плечо, затем крепко обнял девушку за талию и круговыми движениями начал поглаживать поясницу.

Они остановились на крохотном пятачке между маленьким пикапом и темным двухместным спортивным автомобилем. Джимми повернул Крайстел лицом к себе. Она оперлась спиной о машину. Он близко наклонился к ней и пристально взглянул прямо в глаза перед тем, как поцеловать.

Это продолжалось лишь пару секунд. Они оторвались друг от друга. Крайстел задрожала и скрестила руки на груди.

— Холодно, — сказала она. В ее голосе звучала тревога. — Я забыла пальто.

Джимми поцеловал ее снова, легко и быстро.

— Почему бы нам ни прокатиться? — прошептал он.

Крайстел молча кивнула, боясь, что если она снова начнет говорить, он сможет понять по ее голосу, какие сильные чувства разбудил в ней его поцелуй.

Джимми обошел девушку и открыл дверцу машины.

— Нет, — сказала она, — подожди.

Он замер, держа дверь открытой.

— Мои родители должны приехать за мной, — объяснила она, подумав, насколько по-детски это звучит.

Он посмотрел на свои часы:

— Когда они должны быть здесь?

— Ну, в одиннадцать часов.

— Здорово, — сказал он, как будто бы не было никаких проблем. — Мы вернемся до этого. У нас уйма времени.

Крайстел заколебалась, но улыбка Джимми убедила ее. Она скользнула на низкое сиденье машины и подобрала длинное платье, пока Джимми закрывал дверь.

Машина стремглав неслась в Брэкетс Ледж, возвышающийся над парком Восходящего Солнца. Наконец они завернули на стоянку, и Джимми заглушил мотор.

Внизу под обрывом раскинулся Весткасл в зареве электрического света. Небо, усеянное звездами, казалось поверхностью тихого озера, отражающего белые и желтые огни города. Молодые люди сидели несколько секунд в тишине, пока Джимми не положил руку на плечо Крайстел, и она не склонилась в его объятия.

Они говорили тихо и часто целовались. Поцелуи становились все более долгими и страстными, а разговоры постепенно смолкли.

Наконец, испуганная Крайстел вырвалась из объятий Джимми.

— Который час? — спросила она, понимая, что вряд ли услышит что-нибудь утешительное. Ведь они сидели в машине уже довольно долго.

Джимми в темноте посмотрел на часы, затем подвинулся на своем сиденье и наклонился к приборной панели. Он включил свет и еще раз внимательно взглянул на циферблат.

— Ух ты! Уже за полночь, — сказал он, доставая ключи.

Мама, папа и сестра Кэти пристально смотрели на Крайстел, пока она закрывала дверь за собой.

— Где ты была, молодая леди? — встретила ее вопросом мать. — Ты знаешь, который час?

Отец Крайстел подошел к большому окну и отодвинул занавеску, но машина Джимми уже уехала.

— Кто это был? — требовательно спросил отец.

«О, просто здорово, — простонала про себя Крайстел. — Команда в сборе. Начнем игру в пятнашки».

— Кэти приехала на вечеринку в одиннадцать часов, чтобы забрать тебя, — продолжала мама, — но тебя и след простыл. Где ты была? С кем ты была? Что ты делала?

— Мы только...

— Мы? — подпрыгнул отец. — Кто это «мы»?

— Ты дашь мне договорить? Не успела я войти, как вы все набросились на меня.

Крайстел все еще стояла у двери.

— С кем ты была, Крайстел? — вступила в свою очередь мама. Крайстел представила, как мама и папа на большом ринге для рестлинга пожимают друг другу руки, пока их противник пытается оправиться от удара.

— Я ушла с Джимми...

— Джимми? — спросила мама.

— Джимми Ходжесом.

— С Джимми Ходжесом? Кто такой Джимми Ходжес? Ты знаешь что-нибудь о нем?

— Просто какой-то мальчик. Я познакомилась с ним на вечеринке, понятно? Все, что мы делали, это...

— Ты хочешь сказать, что не встречала его до сегодняшнего вечера? Откуда он взялся? Где он живет?

— Это он был в машине? — отец кивнул головой в сторону окна. — Сколько ему лет?

Крайстел прошла между родителями и сестрой и остановилась в центре гостиной. Она обернулась, чтобы посмотреть им в лицо.

— Я не знаю, где он живет. — Крайстел сама удивилась своему ответу. — Я *просто* встретила его на вечеринке.

Она пожала плечами и отвела в сторону руку Кэти:

— Ничего не случилось, ясно? Я встретила Джимми, мы немного прогулялись по парковке, а потом поехали покататься. — Она завладела вниманием родных. Никто не перебивал ее. — Мы просто *разговаривали*, понятно? — Она остановилась на секунду. — Мы забыли, что уже поздно. Когда мы увидели, что уже за полночь, он отвез меня домой. Это все.

— Это все? — голос матери напоминал скрежет ногтей по стеклу. — Крайстел Мэри, когда мы привозим тебя куда-либо на вечеринку, мы не можем предполагать, что ты укажишь с каким-то парнем. Мы доверяли тебе и думали, что ты подождешь сестру.

— Хорошо, я сожалею, понятно? — она уже почти кричала. — Вы ведете себя так, как будто бы я совершила что-то на самом деле ужасное. Все, что я сделала, — просто поехала прокатиться, а вы...

— Следи за своим тоном, когда говоришь со мной, юная леди, — мама тоже повысила голос. — Как ты можешь разговаривать со своей матерью подобным образом!

— Ты права, мама! Я *не могу*. В этом вся проблема. Я не могу говорить со своей матерью, я не могу говорить со своим отцом, я не могу говорить ни с кем, потому что все,

что вы хотите, — это кричать на меня. А с меня уже хватит ваших криков!

Крайстел повернулась и побежала вверх по лестнице в свою комнату. Она захлопнула за собой дверь, села на край кровати и сорвала обертку с коробки бумажных платков, лежавшей на столике возле кровати.

Когда Крайстел услышала, как открывается дверь спальни, она поняла, что пришла сестра. Крайстел утерла слезы, бегущие ручьем, и высморкалась, не поднимая глаз. Она почувствовала, как прогнулась кровать, когда Кэти села рядом с ней.

Кэти подождала несколько секунд, прежде чем начать говорить.

— Они скоро остынут, Крайстел. Родители просто беспокоятся о тебе.

Крайстел посмотрела на свою сестру:

— Почему ты всегда поддерживаешь их? Почему ты не можешь хоть *однажды* встать на мою сторону?

Джимми подошел к ней на следующий день, и Крайстел рассказала ему, что случилось прошлым вечером.

— Они заявили мне сегодня утром, — с трудом выдавила из себя она, — что я должна буду сидеть дома в течение месяца.

Внутри у нее все сжалось, когда она произнесла эти слова. Крайстел боялась, что это погубит их отношения. Ей казалось, что, если они не смогут видеть друг друга целый месяц, все рухнет, и она потеряет Джимми.

— Это сурово, — сказал Ходжес. Они поговорили еще немного, но Крайстел по-прежнему думала, что Джимми найдет себе кого-нибудь еще, какую-нибудь девушку, которой не запрещено выходить из дома, более симпатичную — и уж наверняка старше, чем Крайстел.

На следующий день Крайстел была расстроена и не могла сосредоточиться на занятиях, так как постоянно думала о Джимми. «Я должна была знать, — говорила она себе. — Нет причины, по которой я должна ему действительно нравиться. Он, вероятно, думает, что я маленький ребенок, особенно если судить по тому, как мои родители обращаются со мной. Как он может захотеть встречаться со мной, когда в школе так много девочек, которые гораздо старше и опытнее, чем я?»

Крайстел показалось, что она узнала машину Джимми, припаркованную рядом с флагштоком, когда школьники расходились по домам вечером. Но место водителя было пусто. Потом она заметила, что Джимми идет к ней. Благодаря стройной фигуре он казался выше, чем был на самом деле.

Джимми приветствовал Крайстел поцелуем, его сильная рука обвилась вокруг ее талии.

— Как долго продлится твой обед?

Поцелуй и вопрос застали ее врасплох.

— С 11.30 до 12.15, — ответила она.

— Хорошо, встретимся завтра прямо здесь.

Он приезжал к ней каждый день на этой неделе и на следующей тоже. Крайстел осторожно выскальзывала из боковой двери кафе, пересекала холл и садилась в ожидавшую ее машину. Иногда они оставались на стоянке или гуляли вместе в парке; порой они находили уединенное место, где никто не мог побеспокоить их.

Наказание Крайстел длилось уже вторую неделю. В пятницу родители вошли в ее комнату. Девушка сразу поняла по серьезному выражению их лиц: они узнали о том, что происходит между ней и Джимми. Они также выяснили, что ему почти семнадцать лет и он учится на первом курсе в высшей школе. После очередного состязания в крике отец Крайстел перечислил свои условия по пальцам.

— Во-первых, ты больше не увидишь этого Джимми Ходжеса. Во-вторых, твое наказание продлевается еще на месяц. В-третьих, ты будешь обедать под присмотром опекуна, пока у нас не появится достаточно оснований, чтобы доверять тебе снова.

Крайстел плакала и выкрикивала возражения, но ее родители твердо стояли на своем.

— Я не могу поверить, что вы делаете это со мной! Вы поступаете так, словно я совершила какое-то ужасное преступление!

Она бросилась к телефону.

— Что ты делаешь? — спросил отец.

— Я должна позвонить Джимми и рассказать ему все, разве нет?

— Нет, — ответил отец. Он вырвал трубку из рук Крайстел. — Ты не должна общаться с ним совсем. Если он позвонит, я скажу ему это сам. И добавлю также еще кое-что. Я обещаю, что сделаю это.

В жизни Крайстел наступила серая, холодная полоса, которая тянулась несколько недель. Она не видела Джимми и не разговаривала с ним с того дня, когда они последний раз пообедали вместе. Она даже не знала, звонил ли Джимми и говорил ли с ним ее отец.

Срок наказания Крайстел подходил к концу, когда она приняла решение. Однажды утром она собрала кое-что из одежды и других предметов первой необходимости в портфель и весело бросила «пока» своим родителям, садясь в школьный автобус.

Крайстел не появилась в классе в тот день. Вместо этого она пустилась в дальний путь из средней школы в Эйзенхауэр-Хай. Перегруженный портфель, казалось, становился тяжелее с каждым шагом, но, в конце концов, она опустила его на тротуар перед школой.

Оставив там свои вещи, Крайстел прошагала через парковку, разыскивая маленькую черную машину Джимми. Найдя ее, она подошла и дернула за ручку. Дверь

открылась. Девушка вернулась за своей сумкой и швырнула ее на сиденье водителя перед тем, как самой забраться внутрь.

Крайстел продремала почти весь день в машине Джимми. Она искала его глазами, когда начался обеденный перерыв, и студенты толпой стали выходить из дверей. Одни направились к своим машинам, другие слонялись вокруг школы и «стреляли» сигареты друг у друга и случайных прохожих. Когда толпа рассеялась, и студенты вернулись обратно в школу, Крайстел все еще сидела, замерзшая и одинокая, ожидая, когда вся школа начнет расходиться по домам.

Когда дверь со стороны водителя, наконец, закрипела, Крайстел подскочила от неожиданности. Она издала звук, напоминающий что-то среднее между словом и хрюканьем. Джимми столкнул ее портфель со своего сиденья.

— Мне кажется, я уснула, — объяснила она, перекладывая портфель к себе в ноги.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джимми. Он оставил свою дверь открытой и сидел вполоборота к Крайстел.

Она попыталась встретиться с ним глазами и прочесть по его лицу, что он думает.

— Я убежала, — ответила она.

Джимми смотрел на нее не мигая и, казалось, не дышал.

— Куда?

— К тебе, — сказала она.

Оба снова замолчали, и Крайстел охватил сильный приступ страха. Она с ужасом ждала, что скажет Джимми. Девушка склонила голову. Лишь на миг она решилась поднять на него глаза, а потом снова уставилась на правую ступню Джимми, которая находилась на педали тормоза.

— Подожди здесь. Я сейчас вернусь.

Джимми выпрыгнул из машины так быстро, что Крайстел испугалась, как бы он не ушиб голову. Она наблюдала за ним, пока он шел к краю парковки. Он приблизился к девушке в джинсовом пиджаке. Ее каштановые волосы были подстрижены короче, чем у Джимми. Он взял ее за руку и ловко повернул так, так что теперь они оба смотрели в сторону от машины. Они о чем-то говорили в течение нескольких минут, близко склоняясь друг к другу. Потом Джимми повернулся и побежал трусцой к машине. Девушка исчезла за углом здания.

Джимми заговорил снова, когда они выехали на дорогу:

— Что ты собираешься делать? — Он сделал паузу. — Что вообще происходит?

— Я не знаю, я просто хотела выбраться оттуда и увидеть тебя. Я подумала, что у тебя может возникнуть какая-нибудь идея.

Джимми выкрутил руль, чтобы не дать машине уйти влево, и резко вернул ее назад двумя быстрыми

движениями. Крайстел не сводила глаз с его лица, но он, казалось, был поглощен наблюдением за дорогой и не встречался с ней взглядом.

— Джимми, ты скучал без меня? — наконец спросила она. — Ты пытался позвонить мне или увидеться со мной? Ты интересовался, как у меня идут дела?

Он быстро повернулся к ней:

— Да. Конечно, Крайстел. Я просто удивился, увидев тебя, вот и все.

Он посмотрел назад на дорогу.

— Ты убежала из дома, да?

— Я захватила кое-какие вещи с собой в портфеле, — сказала Крайстел. Ей становилось неудобно. Она не так представляла себе их воссоединение. Из мыслей не выходила девушка в джинсовом пиджаке. «Может быть, я нарушила его планы», — подумала она.

— Ты... — начал он, колеблясь. — У тебя есть какие-нибудь друзья, у которых ты могла бы остановиться?

Опустив голову, Крайстел ответила:

— Нет. Мои родители знакомы с их родителями.

— Родственники?

Она ответила уверенно:

— То же самое. Они никогда не позволят мне остаться, не сообщая ничего моей семье. — Крайстел подняла голову, чтобы выглянуть в окно и посмотреть, где они находятся. Они были на какой-то боковой улице, которую она не могла узнать.

— Ладно, — произнес Джимми, по-видимому, окончательно приняв решение, — я думаю, в таком случае мы что-нибудь придумаем.

Он подъехал к бордюру и выскочил из машины. Крайстел смотрела из окна на двухквартирный дом с двумя гаражами посередине. Джимми открыл дверь с ее стороны.

— Отнеси свой портфель в дом, — сказал он.

Они вошли через заднюю дверь, которая была не заперта. Крайстел смущенно оглядела кухню, чистую, но загроможденную разной утварью. Она поставила портфель на пол, но Джимми прошел в дверь в конце комнаты и сказал:

— Возьми сумку с собой.

Он исчез за дверью, Крайстел последовала за ним вниз по лестнице в подвал, отделанный панелями.

Постеры — большинство из них изображали группы, исполняющие тяжелый рок, — покрывали стены. В дальнем углу стояла неубранная кровать. Одежда, обертки из-под продуктов, коробки от CD и кассет, большие флаконы крема после бритья загромождали пол. Провода свисали со стен, лежали на полу и вели от дальних колонок к массивной стереосистеме в одном из углов.

— Я должен прибраться здесь немного, — сказал Джимми, отпихивая груды предметов к стене.

Крайстел подошла на цыпочках к кровати, села и положила портфель на колени. Джимми стоял перед ней.

Каждый из них как будто ожидал, что другой начнет говорить.

— Ты можешь остаться здесь, — сказал Джимми и медленно добавил: — По крайней мере, пока.

— А как насчет твоих родителей?

— У меня только мама. Она будет дома поздно вечером. Вряд ли она зайдет сюда. — Он взглянул в широко открытые глаза девушки, направленные на него. — Я могу даже рассказать ей о тебе. Она не такая, как большинство родителей.

— Что она будет делать?

— Это зависит от того, что я ей скажу. Но она обычно не слишком-то вмешивается в мои дела. — Он сел рядом с Крайстел, обвил рукой ее плечи и притянул к себе. — Она не будет возражать против этого.

Крайстел сидела без движения в его объятиях. «Все идет не так, как я себе представляла, — подумала она и немедленно обвинила себя: — А как ты себе все представляла?» Она поняла, что ей было нечего ответить.

Когда Джимми помог Крайстел снять пальто, портфель упал на пол с сильным грохотом. Ходжес заключил девушку в свои объятия и откинулся вместе с ней на спину. Ее ноги, согнутые в коленях, перегибались через край кровати.

Джимми целовал ее долго и страстно, и то возбуждающее тепло, которое девушка ощутила при первой встрече, переполнило ее разум и тело. Они забралась полностью на кровать, и Крайстел уступила на секунду натиску Джимми, когда они лежали в объятиях друг друга и целовались.

Когда рука Джимми скользнула под блузку и начала играть с застежкой лифчика, она заставила себя сообразить, что происходит, и что ей следует делать. Но мысли путались, и ей казалось, что она пытается развязать запутанный шнурок, прыгая на одной ноге. Крайстел попробовала просунуть ладонь между их телами, но Джимми сжимал ее крепко в сильных руках и удерживал очень близко к себе.

«Мне не нравится происходящее», — подумала девушка. Ее мысли были противоречивыми. Она хотела, чтобы Джимми остановился, но боялась разрушить их близость. Она не хотела заходить так далеко, но не решалась сказать об этом. Опасалась, что он может сказать или сделать после этого. «Если он выйдет из себя и прогонит меня, единственное, что мне останется, — это вернуться домой».

Она почти собрала свою волю в кулак, чтобы остановить Джимми, когда тот выдвинул ящик в тумбочке, стоящей рядом с кроватью, достал небольшой пакетик и вытащил из него презерватив. Он должен был заметить выражение сопротивления на лице Крайстел, но он снова притянул ее к себе, погладил по волосам и прошептал:

— Это всего лишь мера предосторожности, Крайстел. Я *всегда* пользуюсь этим. Это защитит нас обоих.

Тогда она позволила этому произойти. Она была готова к происходящему, но ее сердце мучилось от страха и неприятных предчувствий.

Она оставалась с Джимми в течение пяти дней, которые, пролетели, как сон. Это было романтическое время, напоминавшее Крайстел детскую игру в дом, в которую она играла, казалось, еще вчера. Они спали рядом. Утром Джимми уходил в школу, а она оставалась одна и смотрела телевизор или слушала его коллекцию CD. Они ели в комнате Джимми. Еду они приносили вниз из кухни, а иногда заказывали пиццу. Они отправлялись на прогулку на машине каждый вечер, но держались подальше от тех мест, где их могли увидеть.

За все время Крайстел встречалась с матерью Джимми лишь однажды. Это произошло вечером на второй день после того, как Джимми рассказал ей о своей госте. Она спустилась вниз и поприветствовала Крайстел без энтузиазма, вяло.

— У нее своя личная жизнь, — объяснил Джимми.

С каждым днем, однако, Крайстел становилась все более подавленной. Она понимала, что привыкла к Джимми, и когда он целовал ее, чувствовала себя великолепно. Но у нее усиливалось ощущение, что его поцелуи лишь прокладывали дорогу к «первоклассной вещи». С того первого раза, когда он привел ее в свою комнату и уложил в постель, ему, казалось, не хотелось ни говорить, ни шутить, ни развлекаться вместе. Его интересовало только одно. Крайстел не было скучно, но она чувствовала, что ее используют.

Крайстел оставила записку на кровати Джимми перед тем, как уйти. Она знала, что дома будет скандал, и не хотела переживать еще одну сцену с Джимми.

После этого она не видела Джимми Ходжеса в течение многих недель после. Он не звонил. Она предполагала, что он в депрессии, но когда они, наконец, встретились снова, он улыбался и весело болтал.

* * *

Ребята вокруг костра сменили тему и теперь оживленно обсуждали планы грядущего мероприятия под названием «Встретимся у флагштока». Христиане-студенты из Эйзенхауэр-Хай хотели собраться перед школой в круг молитвы, а потом свидетельствовать у флагштока. Но Крайстел не слышала их разговора; она сидела тихо, вспоминая Джимми.

Спустя некоторое время после того, как закончился их короткий роман, Джимми уехал из Весткасла, и однажды до Крайстел дошел слух — она пыталась теперь вспомнить, как она узнала об этом, но не могла, — что Джимми умер на последнем курсе от СПИДа.

Прошло примерно три недели после того, как она узнала о смерти Джимми, пока она, наконец, решилась

пойти — одна, испуганная, движимая паникой и униженная, — в клинику сдать кровь на анализ.

Результаты оказались отрицательными, и девушка вспомнила слова Джимми: «Это всего лишь мера предосторожности, Крайстел. Я *всегда* пользуюсь этим. Это защитит нас обоих».

Даже сейчас, окруженная многочисленными друзьями, Крайстел содрогнулась. После разрыва с Джимми все шло хуже и хуже. У нее появилось много сексуальных партнеров. Потом она попала в ужасную компанию в Эйзенхауэр-Хай и стала одним из самых удачливых торговцев наркотиками в школе. Товар она брала (а иногда воровала) у своего отца, который сам стал наркоманом.

Все изменилось в прошлом году, когда Крайстел стала христианкой. В этом ей помогли некоторые из ребят, что сидели сейчас вокруг костра. Крайстел с облегчением вздохнула.

«Довольно неприятно даже вспоминать об этом, — сказала она себе. — Я бы не смогла пережить последние три года, все время мучаясь вопросом, не больна ли я СПИДом».

2

Джеймс Бонд и Эйзенхауэр-Хай

— Я не могу поверить, что ты уговариваешь меня сделать это, — Крайстел наклонилась в проход между партами.

— Что? — В голосе Джейсона Видерса звучало негодование. — Я не предлагаю ничего особенного, Крайстел. Это всего лишь дискуссионная группа. Мы будем блистать в ней.

Крайстел зажала нос, как будто Джейсон сунул пару грязных носков ей в лицо:

— По-моему, глупо присоединяться к команде для обсуждений, учась на старшем курсе.

— О, так это ниже твоего достоинства, да?

Крайстел раздраженно прищелкнула языком и начала говорить, но Джейсон перебил ее.

— Послушай, — сказал он. — Если тебе это не нравится, можешь оставить меня здесь одного.

Он тряхнул головой и завращал глазами, чтобы показать на остальных студентов в комнате:

— С этой группой.

Крайстел засмеялась. Джейсон сел за парту рядом с ней. Он был в футболке, украшенной словами «Гимнастика Господа», на которой была нарисована фигура Христа в мантии, в терновом венце и с массивным крестом на спине. Другая фраза под рисунком гласила: «Крест сделает тебя сильнее». Поверх футболки Джейсон носил камуфляжный армейский жилет и джинсы, порванные на коленях так сильно, что штанины готовы были в любой момент оторваться и упасть у ног своего хозяина. Его ярко-красные кроссовки с зелеными полосками щеголяли задранными носами.

Школа Эйзенхауэр-Хай была большой, но Джейсон Видерс всегда находил способ выделиться. Он обладал более живым чувством юмора, чем у кого-либо из знакомых Крайстел, и был настолько артистичным, что в прошлом году, учась на втором курсе, стал звездой театрального клуба.

Крайстел заметила, что, за некоторыми исключениями, другие мальчики в комнате носили футболки с изображениями животных или буквами. Девушки предпочитали «шотландки». Она снова засмеялась.

— Ладно, Джейсон. Я пойду с тобой. Но только для того, чтобы тебя защищать, — она понизила голос, — от них.

При этих словах Крайстел выразительно приподняла бровь.

Мистер Детвейлер громко прокашлялся и, отсчитав необходимое количество пакетов с материалами, вручил их нескольким ученикам.

— Передайте их по рядам как можно быстрее, — сказал он.

Голоса в комнате затихли, пока студенты читали инструкции, вводящие их в курс занятий и описывающие, как работает дискуссионная группа. Лишь звук переворачиваемых страниц раздавался в классе. Однако через несколько минут тишину нарушил мужской голос в конце комнаты:

— Нам позволят самим выбирать темы для дискуссий, или их назначит учитель?

Благодаря отчетливому британскому акценту этот голос звучал подобно музыке. Все головы в классе повернулись в сторону говорившего.

Он приподнял подбородок и подался вперед, как будто пытаясь догнать вопрос, сорвавшийся с губ. Его каштановые волосы были тщательно причесаны, а голубые глаза излучали уверенность в себе, когда он, скрестив руки на груди, обводил взглядом лица людей, уставившихся на него. Узкий черный галстук молнией пересекал накрахмаленную белоснежную рубашку. Его длинные, стройные ноги были вытянуты вперед и скрещены у лодыжек.

Джейсон повернулся, чтобы взглянуть на Крайстел. Он не сводил с нее глаз несколько секунд, в то время как она, не поворачиваясь на своем месте, вытянула шею, чтобы рассмотреть молодого человека в конце комнаты. Джейсону показалось, что он заметил намек на одобрительную улыбку на губах новичка.

Мистер Детвейлер поднял брови:

— Вы не из Весткасла, не правда ли, мистер...

— Стюарт, — ответил студент. — Брэд Стюарт.

Джейсон и Крайстел обменялись взглядами. Джейсон прошептал ей, мастерски передразнивая акцент Стюарта: «Бонд. Джеймс Бонд».

Крайстел громко хихикнула и прикрыла рот рукой. Она посмотрела на мистера Детвейлера. Тот метнул на ученицу суровый взгляд, но потом снова обернулся к новичку.

Учитель направился было к своему столу, но остановился между партами Крайстел и Джейсона и снова повернулся.

— Должно быть, у вас есть какие-то предложения, мистер Стюарт? — спросил он.

— О, — ответил юноша, — вообще-то да. Могу ли я предложить, например, такую тему: «Распространение презервативов в американских школах»?

Крайстел и Джейсон обменялись быстрыми взглядами. Реакцией на предложение Брэда был низкий гул, прошедший по комнате.

Мистер Детвейлер снова прокашлялся:

— Это определенно спровоцирует, хм, чересчур оживленную дискуссию. — Он прокашлялся снова. — Да. — Он, казалось, с трудом подбирал слова.

— Вот именно. Я лишь хотел предложить актуальные темы. Такие, как устаревшая пуританская этика секса и взаимоотношения между полами. Или даже родительское вмешательство в сексуальную жизнь подростков.

— Да, благодарю вас, мистер Стюарт, — учитель повернулся снова и вернулся к своему столу.

— На самом деле есть два ответа на ваш вопрос, — продолжал Детвейлер, медленно двигаясь в сторону Стюарта. — Это зависит от того, участвуете ли вы в дискуссии или в И.М. (индивидуальные мероприятия). Участники дискуссии каждый год выбирают темы путем голосования, поэтому пожелания одного человека не принимаются во внимание. В И.М. вы можете сами подыскать себе тему. Действительно, некоторые индивидуальные мероприятия требуют оригинального подхода. Я предполагаю, однако, что даже в ходе дискуссии вы вольны обсуждать любую тему. — Лукавая улыбка скользнула по его лицу. — Однако если это не та тема, которую вам назначили, вы, конечно же, проиграете.

— Окей, — сказал юноша, и его акцент придавал фразе особенную выразительность. — Спасибо.

Несколько студентов обменялись взглядами. Один из мальчиков, который носил белую футболку с голубой «D», испустил тихое «ох», потрясенный отполированной вежливостью Брэда Стюарта.

Мистер Детвейлер прокашлялся еще раз и громко спросил:

— Есть ли еще какие-нибудь вопросы по поводу материалов, которые находятся в ваших руках?

Крайстел и Джейсон покинули комнату вместе, когда Детвейлер отпустил всех, и остановились перед шкафчиком Крайстел.

Джейсон пошутил, копируя акцент Брэда:

— О, могу ли я предложить дискуссию о том, почему секс — единственное, о чем я могу думать и говорить?

— Ш-ш-ш, — Крайстел подняла глаза, набирая шифр своего шкафчика, и осмотрелась по сторонам. — Не так громко, он может услышать тебя.

— Или, вероятно, — продолжал Джейсон, — мы могли бы провести веселую, интересную дискуссию, которая покажет всем, какой я замечательный?

— Стоп, — сказала Крайстел, слегка хлопнув Джейсона по плечу. Она потянула за ручку и открыла дверь.

— Ладно, я извиняюсь, — сказал Джейсон. — Но это слишком для меня — выносить такое. Думаю, что мне нужен перерыв! Кем он себя возомнил?

Девушка захлопнула дверцу шкафчика и повернула ключ в замке.

— Ты сам уже ответил, Джейсон. Он Джеймс Бонд.

Брэд стал темой дискуссии, когда Крайстел встретила с Амбер Локвуд и Дарсел Дэвис после занятий. Хотя Дарсел и Крайстел были ровесницами, Дарсел вела себя почти как старшая сестра Крайстел. Она была первой афроамериканской девочкой, ставшей президентом курса в Эйзенхауэр-Хай. В прошлом году ее выбрали вице-президентом класса и членом национального почетного общества. Когда Крайстел стала христианкой, Дарсел, казалось, была рядом всегда, если Крайстел нужна была жилетка, чтобы выплакаться. Когда ситуация в семье настолько ухудшилась, что Крайстел должна была уехать, она переселилась к Дарсел и ее маме.

Амбер была младше своих подруг, но все трое сблизилась в последние месяцы, вместе посещая молодежную группу в церкви и стараясь привести своих школьных друзей к Христу. Среди тех, кто развил настоящие живые отношения с Христом при помощи молодежной группы, была и Янис Харли. Она всю свою жизнь посещала большую каменную церковь на углу Вайн и Симпсон вместе со своими родителями, но лишь прошлой весной Дарсел произнесла с ней молитву о спасении. Янис все еще посещала родительскую церковь, но уже стала частью того, что дети Весткасла называли Командой Освобождения — группы студентов, которые встречались, чтобы молиться за спасение своих семей и школьных товарищей.

— Он посещает один из твоих классов, Крайстел? — Дарсел улыбнулась широко, словно в рекламе зубной пасты.

— Нет, — ответила Крайстел. — Я обратила на него внимание на собрании нашей дискуссионной группы.

Амбер, капитан команды ралли, встала рядом с Крайстел:

— О! Итак, ты заметила его, а?

— Стоп. Я даже не знала, что он там, пока он не задал мистеру Детвейлеру вопрос. Студенты потоком обходили троицу подруг, стоявших у школьного входа и державших в руках книжки.

— Да, у него восхитительный голос, не правда ли? — Амбер и Дарсел обменялись многозначительными взглядами.

— Прекратите! Кроме того, Амбер, я не думала, что ты будешь обращать внимание на чей-то голос. Это не сделает Уилла счастливее.

Отношения Уилла и Амбер росли и углублялись, начиная с прошлой весны. Они были одной из тех пар, которые, по всеобщему мнению, будут вместе всю жизнь.

— Я не говорю, что *мне* интересно, Крайстел. Я лишь думаю, что, может быть, *ты*...

— Не знаю, куда ты клонишь. Я едва разглядела этого парня! — Она вспомнила, как Джейсон потешался над Брэдом. — Это Джейсон, не правда ли? Он разболтал что-то, да?

— О, значит, *в этом* что-то есть? — Амбер подмигнула Дарсел, которая не переставала улыбаться.

— Нет! Хватит! Я не шучу.

Амбер и Дарсел взорвались смехом. Крайстел покраснела:

— Вы обе невыносимы.

— Ладно, Крайстел, — сказала Дарсел. — Мы просто шутим. Джейсон рассказал нам о вашем дискуссионном классе. Он мне все так расписал!

— Ты должна согласиться, однако, — сказала Амбер, — что он сообразительный.

— Кто, Брэд? — спросила Крайстел.

Амбер закатила глаза:

— Нет, Стив Уркел. О ком мы, по-твоему, говорим?

— Ну, не знаю.

— О, да ладно тебе, Крайстел. Он сообразительный. Но что такого в том, чтобы признать это?

— Ничего, я просто не думала об этом.

— Ты хочешь сказать, что ты не заметила. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Ну ладно, он довольно сообразительный, о'кей?

Амбер была удовлетворена. Дарсел, казалось, довольствовалась лишь тем, что слушала своих подруг. Ее голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто она наблюдала за игрой в теннис.

— Ты хочешь сказать, что, если он пригласит тебя на свидание, ты ответишь «нет».

Крайстел раздраженно вздохнула:

— Я даже не разговаривала с этим парнем.

— Если бы он пригласил тебя прогуляться с ним прямо сейчас, ты бы сказала «нет»?

— Вот именно! В чем твоя проблема, Амбер? Почему ты так сильно этим интересуешься?

В этот момент Брэд Стюарт, который только что показался из школьных дверей, подошел к ним. Он кивнул Амбер и Дарсел, потом обратился к Крайстел.

— Привет, ты Крайстел, верно?

— Что? — Все три девочки были шокированы его внезапным появлением. Рот Амбер захлопнулся, а улыбка

Дарсел стала еще более широкой, чем обычно. Крайстел лишь смотрела на парня в изумлении.

— Как у тебя дела? — начал Брэд со своим правильным отрывистым акцентом. — Как насчет того, чтобы съесть вместе несколько бургеров как-нибудь в выходные? — Он сделал паузу, но Крайстел ничего не ответила. — Может быть, в эту пятницу?

Пространство и время исчезли для Крайстел. Она могла бы показаться статуей, если бы не моргание недоверчивых глаз.

— Я мог бы позвонить тебе, скажем, в половине шестого, если это удобно для тебя.

Амбер и Дарсел вытянули шеи по направлению к Крайстел, как птицы, которые выискивают в траве червей.

Крайстел, наконец, нарушила нелепое молчание.

— Ну, — она открыла рот, потом закрыла и открыла снова. — Ну да, это будет нормально, я думаю. Я живу на Уайтвотер-драйв.

— Да, я это уже знаю. Хорошо. В половине седьмого. В пятницу. Увидимся!

Брэд зашагал прочь к парковке. Крайстел неподвижно стояла между своими подругами. Девушки наблюдали, как Брэд уходит, не оглядываясь. Когда он исчез среди машин, подруги одновременно повернулись к Крайстел.

Амбер заговорила первая. Она прокашлялась и сказала:

— Ты что-то говорила, Крайстел?

* * *

Волосатое чудовище двигалось через пещеры далеко внизу под Весткаслем и Эйзенхауэр-Хай. Это создание, подобно всем демонам ада, обладало уродливым телом мутанта. Такую жестокую, невеселую шутку сыграл сатана со своими последователями — ангелами, которые взбунтовались вместе с ним и поэтому потеряли свое небесное величие.

Демон Нефариус, о котором мы говорим, обитал в вонючем теле гориллы с головой моржа и горящими красными глазами. Один из желтых клыков в его пасти был наполовину сломан.

Он хромал по покрытым илом туннелям, ворча себе под нос неопределенную мелодию. Проход становился все темнее по мере того, как демон удалялся от пересечения туннелей, пока не стало совсем темно. Нефариус вдруг ударился о стену с глухим звуком, его нос и лоб покрылись слизью и сажей, наросшими на стенах пещеры. Демон пробормотал утробное проклятие, дотянулся рукой до покрытого грязью пола и медленно пошел вдоль коридора, пока не достиг пункта своего назначения.

Свернув в боковой проход, он прохромал через неровную арку, пересек огромную мастерскую и вошел

сквозь одно из многочисленных отверстий в стене в командный центр Субсектора 477. Здесь кипела работа.

Неуклюжий карлик из команды обслуживания прошел мимо Нефариуса, задев его ногой с когтями на конце чешуйчатых пальцев. Нефариус замахнулся своей толстой рукой, но карлик был уже далеко позади. Демон снова выругался, затем повернулся и осмотрелся.

Пещера сильно изменилась со времени «катастрофы в Весткасле», как обитатели ада называли события прошлой весны. Ретсбэйн потерпел поражение, пытаясь разрушить «связь силы» между Святым и Уиллом Макконнелом, Амбер Локвуд, Джейсоном Видерсом и другими христианами в Эйзенхауэр-Хай. В результате палата самого сатаны была потрясена, и такие люди, как Крайстел Уэйн, освободились от господства ада.

На стенах командного центра сияли более пятидесяти компьютерных экранов. Отвратительный мутант в наушниках горбился перед каждым монитором, стуча по клавиатуре, прислушиваясь к командам и бормоча ответ в микрофон. Во всех направлениях по полу змеились связки проводов, соединенные с Импульсным Трандьюсером адского Зла — гигантской консоли с пятьюдесятью пятью маленькими экранчиками и сотнями циферблатов, кнопок, измерительных приборов и световых дисплеев. Это гигантское сооружение возвышалось на платформе в центре пещеры. Барьер из металлических поручней окружал платформу, размыкаясь только в том месте, где располагалась лестница.

Исчезли старые, грубые каменные трубопроводы, которые прежде тянулись от клавиатуры ИТЗ к скалистому потолку. Когда-то они передавали невидимые импульсы от демонов, работающих с ИТЗ, к целям, расположенным в Субсекторе 477 — студентам школы Эйзенхауэр-Хай в Весткасле. Каменные трубы были разрушены прошлой весной молитвами студентов и вмешательством небесных сил в ответ на их молитвы. В результате капитального ремонта были установлены более совершенные системы для передачи злых мыслей и советов, благодаря которым отдел искушений Субсектора получил возможность влиять на группы и семьи так же, как и на отдельных людей. Эта система была разработана и впервые протестирована в Субсекторе 90210, работники которого сфокусировали дьявольское воздействие на некоторых областях южной Калифорнии.

Новая технология передавала демонические внушения в виде радиоволн, которые подхватывали пылинки или споры. Человеческое ухо воспринимало такие рассеянные в воздухе импульсы как мысли, идеи или смутные впечатления.

Нефариус поднялся по лестнице и подошел к прорабу.

— Докладывай, ты, никчемный морж. — Сверкающие глаза демона пристально смотрели на

Нефариуса с огромной головы древесного муравья, которая качалась на плечах бородавчатого тела гигантской жабы.

— Прораб Рэтсбэйн, — Нефариус распростерся ниц перед прорабом Субсектора 477, — у меня срочная директива из Сектора 87, ваше злорадство.

Негнувшиеся пальцы протянули начальнику маленький компьютерный диск.

Рэтсбэйн пробормотал нечто одобрительное. Он слегка повернул голову в сторону и сплюнул на пол платформы, едва не попав в другого демона. Нефариус посмотрел на вонючий пар, который поднимался от темного плевка.

— Я люблю подобные вещи, — сказал Рэтсбэйн, с улыбкой разглядывая дискету. Он быстро посмотрел на Нефариуса, который отпрянул от его вопросительного взгляда. — Я хочу сказать, что они экономят мне много времени и сил. — Он встретился глазами с Нефариусом. — Я не люблю. Я не люблю ничего. Это всего лишь оборот речи, и если ты когда-нибудь повторишь это какому-нибудь демону в аду, я сделаю закуску из твоих глазных яблок, ты, косматая куча червивого мусора.

Он замахнулся, чтобы ударить подчиненного, но Нефариус увернулся и отскочил на лестницу, оказавшись за пределами досягаемости Рэтсбэйна.

— Отлично, — проскрипел прораб, наблюдая за побегом Нефариуса. Он повернулся к огромной консоли ИТЗ и вставил диск в дисковод. — Давайте посмотрим, что это такое.

Компьютер щелкнул и зажужжал, монитор замерцал, и сообщение, написанное кроваво-красными буквами, появилось на экране:

Директива 27656

Могущественный и бесчестный Терион настоящим приказывает, чтобы демон Рэтсбэйн, бывший прораб Субсектора 477, был назначен в Субсектор 1122 для стажировки под командованием и наблюдением прораба Маллуса. Приказ подлежит исполнению немедленно.

Рэтсбэйн отвернулся от гигантской консоли с экранами на платформе ИТЗ и откинул назад свою блестящую голову муравья.

— Стайгиос! — Попытался он закричать, но его горло издало лишь низкое кваканье, подобное отрыжке бычьей лягушки. Он сердито закашлял, чтобы прочистить горло, и повторил. — Стайгиос!

На этот раз у него получилось громче, но его голос сорвался с кваканья на писк после первого же слога имени его помощника.

Рэтсбэйн ударил по консоли ИТЗ:

— Будь проклято это разложившееся ублюдочное тело!

Он скосил свои стеклянные черные глаза на мутантов, присматривающих за терминалами ИТЗ по всей пещере.

Наконец Стайгиос, помощник Рэтсбэйна, со скрюченной пеликаньей головой и приземистым телом бобра, появился на платформе. Он тяжело дышал, его мешковатый клюв раздувался и опадал, так как демон бегом проделал путь от входа пещеры до платформы ИТЗ.

— Я здесь, — важно объявил Стайгиос.

— Я это вижу, ты, бесхвостая масса вонючих свиных потрохов, — сказал Рэтсбэйн. Стайгиос слегка наклонил голову, усмехнулся, насколько позволял ему клюв, и больше не спускал глаз с Рэтсбэйна.

— Я получил новое назначение, — проинформировал тот своего помощника. — Я должен уйти немедленно. Ты будешь за главного, пока не появится замена.

— О нет, мой бывший начальник, — заявил Стайгиос. — Твоя замена здесь, — он широко ухмыльнулся. — Я новый прораб Субсектора 477. Ты должен покинуть мою станцию ... немедленно.

Отступление:

Мы прерываем эту программу

«Мы прерываем эту программу для специального выпуска новостей...»

Возможно, вы слышали это объявление, когда смотрели телепередачу или слушали радио. Это означает, что управление станции решило: определенная информация является достаточно срочной или важной, чтобы прервать обычную программу специальным выпуском новостей.

Книга, которую вы читаете сейчас, больше, чем роман; это Роман-хроника. Сюжет романа позволяет авторам прерывать повествование в ключевых точках и сообщать важную информацию в так называемых отступлениях. Вас может настолько заинтересовать история Крайстел Уэйн и ее друзей из Эйзенхауэр-Хай, что у вас возникнет искушение быстро просмотреть или пропустить эти разделы. Это, однако, лишит вас всех преимуществ подобного жанра, который не только является увлекательным рассказом, но также сопоставляет вымышленную историю с *вашей* жизнью.

Если вы читали первую книгу, то вы уже знакомы с некоторыми персонажами, которые появились в первых двух главах этой книги. Для тех, кто не встречался с ними (или нуждается в том, чтобы возобновить знакомство), проведем беглый обзор группы ребят из церкви «Весткасл Комьюнити» в Эйзенхауэр-Хай, которая называет себя Командой Освобождения:

Крайстел Уэйн: старшекурсница. Бунтовала против «совершенной старшей сестры», чтобы найти свое предназначение, пробовала все (наркотики, секс и т.д.), пока не доверила свою жизнь Иисусу Христу сразу после

поездки в лагерь с молодежной группой. Продолжительная борьба с низкой самооценкой мешает ей достичь полного успеха в своей христианской жизни.

Джейсон Видерс: учится на младшем курсе, вечный клоун. Джейсон держал свои проблемы и неудачи в тайне, пока он и Уилл Макконнел не приняли решение открыться друг перед другом. С этого времени духовный рост Видерса происходил со скоростью запуска челнока NASA.

Дарсел Дэвис: старшекурсница, вечно улыбающийся студенческий лидер. Живет с мамой, никогда не знала отца. Пережила аборт и выкидыш в восьмом классе. Она стала христианкой на летней конференции перед первым курсом.

Уилл Макконнел: студент младших курсов, специалист по компьютерам. Живет с мамой. Встречался с Амбер Локвуд несколько месяцев, что позволило ему разобраться с сильным чувством отверженности, возникшим в результате развода его родителей.

Амбер Локвуд: ученица младших курсов, девушка из команды ралли, которая взбунтовалась против суровых родителей. Амбер полностью посвятила себя Христу, побывав в лагере в прошлом году, поделилась верой со многими из своих друзей, включая Хиллари Путнэм и Ким Холмс.

Бастер Год: старшекурсник, «салага» и гений в механике. Бастер вырос в сильной христианской семье, пришел в Весткасл на втором курсе. Не обладая яркой индивидуальностью, Бастер спокойно и уверенно говорит о своей вере.

Джой Акияма: старшекурсница. Воспитана приемными родителями, которые ее били и психологически давили на нее; начала избавляться от своей боли и гнева, но наладить отношения с родителями было нелегко. Она простила их, но все еще проводит большую часть времени со своими друзьями и старается находиться подальше от дома, насколько это возможно.

Регги Спенсер: Регги закончил учебу в прошлом году и помог своим друзьям по футбольной команде, Тони Ортизу и Ти Колеману, отдать жизнь Христу. Тони и Ти сейчас учатся в колледже. Регги работает с Дуэйном Каннингэмом на стройке.

Дуэйн Каннингэм: 27 лет, плотник. Дуэйн добровольно занял позицию лидера в молодежной группе Весткасла год назад. Он вел, обучал и наставлял своих подопечных, пока они не превратились в Команду Освобождения — группу молодежи из высшей школы, посвятившую себя тому, чтобы эффективно делиться своей верой с друзьями.

Лиз Каннингем: 26 лет, работает на полставки клерком по продажам. Жена на полную ставку. Она познакомилась с Дуэйном в молитвенной группе в колледже. Лиз очень помогла духовному росту Амбер, Джой, Дарсел и Крайстел, обучая их. Сейчас она проводит много времени с Хиллари Путнэм, Дебби Вайт и Ким Холмс.

Это далеко не все люди, с которыми вы встретитесь на страницах нашей книги. В их числе также Дженис Харли и Марлон Траск — студенты Эйзенхауэр-Хай, доверившие свою жизнь Христу в результате действий Команды Освобождения. Они входят в молодежную группу, но посещают другую церковь.

И, конечно же, обитатели ада, Рэтсбэйн и его демонические коллеги, будут также появляться перед нами, пытаясь разрушить связь силы между Крайстел, ее друзьями и Богом. По мере того, как дьявольская интрига разворачивается, вы увидите, почему главная цель демонов состоит в том, чтобы разрушить коммуникативную связь (связь силы) между Святым и Его детьми и удерживать ее в таком состоянии.

3

Пара проходит очищение

Крайстел вздрогнула, когда застекленная дверь захлопнулась за ней. Она стояла на кухне, ожидая, что мать позовет ее.

Крайстел покинула дом и переехала к Дарсел Дэвис, стремясь убежать от напряженной семейной ситуации — особенно от влияния отца, поработанного наркотиками. С тех пор она иногда, от случая к случаю, заезжала домой, обычно планируя время своих визитов так, чтобы не встретиться с отцом. И хотя Крайстел никогда не оставалась надолго, она всегда чувствовала, как пробуждаются прежние чувства и воспоминания.

Она прошла на цыпочках через кухню в столовую. Старшая сестра Кэти сидела за столом. Ее длинные рыжие волосы были собраны на затылке пестро раскрашенным шарфом. Разноцветные бумаги и принадлежности для рисования были разбросаны перед ней по столу.

— Работаешь над домашним заданием по рисованию? — спросила Крайстел. Кэти училась на старших курсах и занималась рисованием в колледже Рамсдэйл.

Кэти подняла глаза от своей работы и сдержанно улыбнулась:

— Привет, Крайстел. Я уже собиралась звонить тебе.

Крайстел взяла со стола один из предметов и повертела его в руке, внимательно рассматривая. Затем положила его и опустилась на стул.

— Зачем? — Она, наконец, посмотрела сестре в глаза.

— Чтобы сообщить, что я выхожу замуж.

Крайстел хотела попросить Кэти повторить то, что она сказала, но потом поняла, что расслышала все правильно. Несколько секунд обе девушки сидели молча, глядя друг на друга.

— Выходишь замуж? — переспросила Крайстел.

Кэти кивнула головой:

— После выпускного. В июне.

Крайстел пристально смотрела на нее. Казалось, она разделилась на две половины: одна Крайстел сидела без движения, не способная произнести ни звука, а другая яростно кричала: «Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь! Сделай что-нибудь! Задай вопрос». Она отчаянно пыталась вспомнить, с кем встречалась ее сестра. «Я знакома с этим парнем?» — спросила она себя.

Крайстел, покинув дом после скандала, нечасто общалась со своими родителями и еще реже разговаривала с сестрой. Она всегда считала, что Кэти симпатичнее и умнее — лучше во всех отношениях, чем Крайстел могла бы когда-либо стать. «Ей всегда все давалось легко, — жаловалась она иногда другим. — У нее никогда не было таких проблем, как у меня». С тех пор, как она стала христианкой, Крайстел начала понимать, что ее сестре все давалось легче, потому что она всегда избегала неправильных решений, в отличие от Крайстел. Кэти никогда не увлекалась алкоголем или наркотиками, встречалась только с «положительными мальчиками» и вращалась в том обществе, которое мама называла «хорошим» и постоянно сравнивала с друзьями Крайстел, которых она считала «плохим обществом».

Наконец, Крайстел отказалась от попыток вспомнить, кто был приятелем Кэти.

— Я знаю его? — спросила она.

— Ну конечно, Крайстел, — сказала Кэти. Крайстел поразились, как сильно интонации сестры напомнили ей мать. — Это Билл, Билл Фулер, — Крайстел все еще не могла сообразить, о ком речь. — Мы встречались почти два года.

— О! — Память Крайстел внезапно прояснилась. — Да, я вспомнила его. Конечно, Билл Фулер.

«Неудивительно, что я забыла о нем», — подумала Крайстел. Насколько она могла оценить, Билл был не просто занудой — он находился практически в коматозном состоянии! Он пришел на ужин в День благодарения, когда они с Кэти только начали встречаться. Крайстел думала, что вся семья вот-вот заснет прямо за столом. Несколько оживил обстановку лишь один момент, когда Билл взял свою тарелку и приборы, чтобы помочь убрать со стола, пошел к выходу, нечаянно стянув скатерть на пол, и тащил все, что было на ней, почти до самой кухни.

Кэти улыбнулась снова той снисходительной улыбкой, которая напоминала Крайстел их мать:

— Билл сделал мне предложение пару недель назад.

«Что он сделал, — подумала Крайстел, — прислал тебе записку?»

— Ты знаешь, что он сделал? Он прислал мне записку! — Кэти почти визжала от восторга. — Он взял красивую маленькую открытку, написал на ней стихи и послал мне во время урока.

Крайстел закрыла рот как раз вовремя, чтобы не засмеяться. Она взяла себя в руки, чтобы сохранить серьезное выражение лица, и сказала:

— Это так красиво, Кэти!

— О, я знаю! Не правда ли? — из глаз Кэти хлынули слезы. «Снова мама, — подумала Крайстел. — Я бы хотела, чтобы она услышала себя со стороны».

— Как бы то ни было, Крайстел... — Кэти справилась со своими чувствами, и ее голос снова зазвучал спокойно: — Я хотела спросить тебя... — Их глаза снова встретились. Они смотрели то друг на друга, то в сторону в течение всего разговора. — Не хочешь ли ты быть моей свидетельницей?

Расческа в руке Крайстел двигалась так медленно, что на ней легко могла бы образоваться паутина. Она сидела перед зеркалом, готовясь к свиданию с Брэдом Стюартом, но думала о разговоре с Кэти. Она размышляла, почему они с сестрой такие разные. Кэти была очень похожа на мать, а Крайстел («К несчастью», — подумала она) была дочерью отца во многих отношениях. Большую часть их жизни сестры ссорились: Кэти, казалось, вечно воспитывала Крайстел или пыталась удержать ее от каких-то поступков. Точно так же, как мама постоянно читала мораль отцу. «Я всегда чувствовала, — думала Крайстел, взяв другую расческу, — что у меня две матери — мама и Кэти».

Крайстел положила расческу и повернула голову, чтобы посмотреть на свой затылок. Она осознала вдруг, что, услышав впервые о предстоящей свадьбе, она даже не подумала о том, чтобы прийти. «Наверное, я должна пойти, — сказала она себе. — Но почему она хочет, чтобы я была свидетельницей? Мы на самом деле никогда не были близки. Я имею в виду, я поступала с ней довольно низко до того, как стала христианкой. Должно быть, именно так обычно делают люди. Если у тебя есть сестра, считается, что она должна быть свидетельницей на твоей свадьбе. И если сестра просит тебя прийти на ее свадьбу, ты должна сказать “да”».

Звонок в дверь отвлек Крайстел от размышлений. «Мама Дэвис», как она называла мать Дарсел, позвала ее. Крайстел снова посмотрела на себя в зеркало. Она уделила много внимания своему внешнему виду, готовясь к свиданию с Брэдом. Она хотела выглядеть наилучшим образом, но была осторожна, не желая слишком наряжаться: «Это просто обычное свидание. Он не должен думать, что я отношусь к этому вечеру слишком серьезно». Она надела черные джинсы и белую водолазку под красный свитер. Две тонкие нити бус лежали поверх водолазки, одна с единственной жемчужиной, а другая — с кулоном в виде летящего серебряного голубя. Брэд распахнул перед ней дверцу, когда она садилась в его черную спортивную иномарку.

— Я с нетерпением ждал этого вечера, — промурлыкал он перед тем, как закрыть дверь. — Я бы хотел, — продолжал он со сладким акцентом, — чтобы ты провела время как можно лучше.

Мгновение спустя Брэд Стюарт и Крайстел Уэйн помчались на свое первое свидание.

* * *

Рэтсбэйн тяжело дышал, когда входил в Субсектор 1122. Он ожидал увидеть что-то похожее на Субсектор 477, и не был готов к тому, что открылось перед ним. Техническое оснащение пещеры ИТЗ походило на то, которое он так хорошо знал, но это было единственным сходством.

«Все здесь такое сияющее», — подумал Рэтсбэйн, вспомнив грязную промозглую пещеру, которую он только что покинул. Блестящий слой серебра, казалось, покрывал все в зале: столы, компьютеры, механизмы.

Импульсный Трансдьюсер адского Зла возвышался на платформе, в три раза большей, чем та, которая была в прошлом Субсекторе. Рэтсбэйн прикинул, что на поверхности ИТЗ не меньше двухсот мониторов. Огромная клавиатура, напоминающая орган, растянула клавиши в злобной улыбке. В этой новой модели ИТЗ не было циферблатов или кнопок, но вся она была усеяна деревянными переключателями, подушечками для пальцев и разноцветными линиями световых диодов.

Внезапно внимание Рэтсбэйна привлекла темная фигура, которая спускалась к нему с потолка пещеры. Он громко вскрикнул, когда голова огромной змеи упала как раз перед его лицом.

— Ты кто? — спросила змея. Она отчетливо произносила слова, несмотря на то, что голос сопровождался слабым шипением, которое, казалось, исходило откуда-то со стороны.

— Я... я демон Рэтсбэйн из Субсектора 477. Я должен подать рапорт прорабу Маллусу.

Змея отпрыгнула, и Рэтсбэйн увидел, что ее чешуйчатая голова была соединена с телом огромной цапли — птицы с длинной шеей и широкими крыльями.

— Я Маллус, — сказала существо. Змея-птица забралась на платформу с механизмами, которая висела на длинной стреле, прикрепленной к базе консоли ИТЗ. Такое устройство позволяло Маллусу легко подбираться к любому экрану, клавиатуре или контрольным панелям, разбросанным по поверхности консоли.

Рэтсбэйн постоял в замешательстве секунду, наблюдая, как Маллус перебирается на платформу ИТЗ. Наконец, решив, что ему позволено следовать за ним, Рэтсбэйн поскакал за змеей-птицей.

Маллус посмотрел на один из мониторов ИТЗ:

— Кто отвечает за это?

— За что, могущественный Маллус?

Рэтсбэйн повернулся, чтобы посмотреть на спрашивающего, и увидел огромные наушники с маленьким микрофоном на костлявой плоской голове броненосца.

Белчабуб, демон, который ответил на вопрос Маллуса, обитал в теле броненосца; однако его длинный хвост был откушен и съеден одним из старших демонов, которому не угодил Белчабуб. Теперь броненосца-мутанта при ходьбе так качало из стороны в сторону, что он рисковал отклониться слишком далеко назад и перевернуться на спину. Несмотря на то, что он использовал кое-какие технические приспособления, отсутствие хвоста было источником бесконечных огорчений демона.

— Я хочу знать, кто отвечает за это! — прокричал Маллус, ткнув пальцем в один из экранов.

— Что-то не так? — протрещал Белчабуб.

— Она надела водолазку! — Маллус указал на изображение Крайстел Уэйн на экране компьютера и свирепо посмотрел на демона-броненосца, который бессмысленно уставился в пол.

Рэтсбэйн, узнав Крайстел, чуть не заорал, как последний идиот: «Эй, я знаю ее!» Но он сдержал импульс.

— Она надела водолазку, — повторил Маллус. — И свитер поверх нее!

Белчабуб молчал, и Маллус бросился на него, шелкая ужасными клыками. Младший демон ловко увернулся от нападения и отступил как раз настолько, чтобы быть вне досягаемости Маллуса, если тот захочет ударить снова.

— Это твоя работа — следить за подобными вещами, но ты некомпетентен, — прошипел Маллус. — Водолазка, да еще свитер поверх нее! Мы могли бы с таким же успехом одеть ее в костюм из брони поверх гипса! Как, по-твоему, наш маленький британский бульдог сможет действовать, когда она одета подобным образом! Убирайся с глаз моих!

Он снова приблизился к Белчабубу, но бесенок бросился бежать по ступенькам, потерял равновесие и скатился на костлявой спине вниз по лестнице.

Маллус пристально посмотрел на Рэтсбэйна змеиными глазами:

— Теперь ты понимаешь, почему мне нужен новый помощник. Вот поэтому тебя назначили ко мне.

* * *

По дороге в ресторан «Четыре ветра» Брэд непринужденно болтал и расспрашивал Крайстел о ее семье, друзьях и Эйзенхауэр-Хай. Когда они вышли из машины, и он взял ее под руку, провожая в ресторан, она поняла, что они говорили только о ней.

«Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь рассказывала столько о себе на свидании, — подумала она, — а мы были вместе лишь пятнадцать или двадцать минут. Он уже знает многое о маме, папе, Кэти, обо мне и обо всем остальном. Он, должно быть, подумал, что все, что я могу, — это говорить о себе».

Как только они вошли в холл ресторана, Крайстел почувствовала смущение.

— Мне кажется, я неподходяще одета для этого места, — прошептала она Брэду, бросая взгляд на свои джинсы и черные ботинки. «Четыре ветра» не считался лучшим рестораном в городе, но не был и забегаловкой.

— Ерунда, — прошептал Брэд в ответ. — Ты выглядишь замечательно.

Крайстел заметила, что сам Брэд надел слаксы, бледно-голубую рубашку и полосатый галстук. Его-то костюм был как раз к месту.

Администратор предложил им меню и провел их к столику в углу, объявив, когда они садились:

— Ваш официант подойдет к вам немедленно.

Крайстел схватила меню обеими руками и положила его перед собою. Она наклонилась через стол к Брэду и спросила:

— Почему ты не сказал мне, что мы идем сюда? Я бы оделась немного по-другому.

Она осознала, что в ее голосе слышался небольшой намек на раздражение. «Ладно, я действительно вышла из себя», — призналась она себе.

Крайстел заметила, подняв голову после благодарственной молитвы за еду, что Брэд пристально смотрит на нее.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Нет, — ответил он поспешно. — Все в порядке.

Она взяла вилку и начала есть салат.

— Ты знаешь, — начал он, — вы, американцы, более открыты в своей религии, чем мы, британцы.

Крайстел захрустела салатом и подняла брови, чтобы показать, что слушает с интересом.

— О да, — продолжал он. Еда перед ним оставалась нетронутой. — Американцы говорят о религии гораздо свободнее, чем британцы.

Он прокашлялся и отодвинул тарелку с салатом обратной стороной ладони.

— Я заметил, что ты не боишься рассказывать другим о своих чувствах. Британцы обычно не говорят о своей религии; тех, кто это делает, презрительно называют «святыми Джо».

Официантка вернулась к столу Брэда и Крайстел и спросила, все ли в порядке. Они кивнули, и та ушла. Крайстел потыкала вилкой салат и отодвинула его.

— Какие еще различия у нас?

Он задумался на несколько секунд:

— Ну, когда я начал рассказывать моим друзьям, что мы собираемся переехать сюда, люди объяснили мне, чего ожидать от Америки. Теперь я ловлю себя на мысли, что не рискну в одиночку пойти по магазинам или даже прогуляться из страха, что на меня нападут. Конечно же, я узнал, что процент подобных случаев невелик.

Она улыбнулась. Официантка вернулась и спросила Крайстел, закончила ли она есть. Крайстел кивнула, и официантка убрала ее тарелку. Затем она задала тот же вопрос Брэду.

— Закончил? — спросил он, на его лице было удивление. — Я еще даже не начал. — Он смотрел то на Крайстел, то на официантку. — Мы ждали, когда принесут наши блюда.

Официантка, заикаясь, пробормотала спутанные извинения и стремглав побежала на кухню.

— В чем дело? — спросил Брэд у Крайстел.

— Она ждала, когда ты съешь салат.

— Съем салат? — Он посмотрел недоверчиво в сторону открывающихся и закрывающихся дверей кухни, через которые только что прошла официантка. Внезапно он поднял глаза вверх и слегка шлепнул по столу ладонью.

— О, — воскликнул он. — Мне кажется, я понимаю.

Крайстел с улыбкой ожидала объяснения.

— Вы подаете салат сначала, правда?

Крайстел удивленно подняла брови и кивнула.

— И главное блюдо не приносят, пока не закончили с салатами, так?

В ответ она утвердительно наклонила голову.

— В Англии, — продолжал он, — в ресторане подают салат только вместе с главным блюдом.

Он поднял свою тарелку с салатом и поставил ее перед собой.

— Ха! — закричал он, хватаясь за вилку. — Я мог бы долго ждать, пока мне принесут основное блюдо сегодня, а?

Крайстел тихо рассмеялась. Брэд подмигнул ей и начал быстро закидывать салат в рот.

* * *

*

Змея-птица Маллус стегнул Рэтсбэйна своим раздвоенным языком.

— Ты знаком с Импульсным Трансдьюсером Главного Зла?

Рэтсбэйн выпрямил свою бородавчатую спину и задрал нос.

— Я был прорабом Субсектора 477, прежде чем придти сюда, — похвастался он.

— Да, — ответил Маллус, — я знаю это. Но ведь именно ты не мог сломать связь силы у той команды из Эйзенхауэр-Хай?

— Я разрушил их связь силы! — кричал Рэтсбэйн. Его черные, похожие на луковицы глаза пристально смотрели на Маллуса. Он приготовился отразить атаку, когда прораб помахал крылом перед его лицом.

— Неважно, — объявил он небрежно. — Я научу тебя всему, что нужно, и не имеет значения, какие результаты у тебя были раньше.

Он повернулся, чтобы посмотреть на консоль из компьютерных экранов.

— Твоим главным заданием в Субсекторе 477 было разрушение связи силы путем предотвращения молитв, так ведь? — спросил он.

Рэтсбэйн кивнул.

— Как и Субсектор 477, мы должны предотвращать любые целенаправленные молитвы, — Маллус начал говорить медленно, подчеркивая каждое слово. — Потому что целенаправленные молитвы соединяют их с источником силы — нашим Врагом.

Мороз пробежал по уродливому позвоночнику Рэтсбэйна. Маллус продолжал:

— Но *наша* основная задача здесь, в Субсекторе 1122, — не только разрушить связь силы. Она в том, чтобы осуществлять разветвленную стратегию, которая будет *удерживать эту связь разрушенной*.

— Как?.. — начал Рэтсбэйн.

— Для объяснений еще будет время, — ответил Маллус. — Прямо сейчас мы должны закончить срочные дела.

Маллус вновь уставился на монитор, сфокусированный на Крайстел Уэйн.

— Вот, — сказал он, указывая пером на экран. — Возьми наушники и дай мне взглянуть, как ты работаешь за клавиатурой.

Рэтсбэйн сорвал наушники с крюка на консоли и закрепил их вокруг своей сияющей головы.

— Уменьши кадр, — приказал Маллус. — Я хочу увидеть всю эту комнату в ресторане. Ты можешь это сделать?

Рэтсбэйн не ответил, но лишь сгорбился над клавиатурой ИТЗ и пробурчал резкие команды в микрофон. Через несколько секунд изображение на экране уменьшилось, и Крайстел стала маленьким пятнышком в углу комнаты.

Маллус уткнулся своей чешуйчатой головой в монитор и пристально посмотрел на картинку.

— Ага! — выпалил он, наконец. — Вон там! На стене!

Он держал кончик пера возле экрана, пока Рэтсбэйн работал на клавиатуре, нацелившись на объект внимания Маллуса.

— Термостат, — сказал Маллус. Узкие глазки щелочки пробежали по дисплею еще раз, длинный язык нервно хлестал, высовываясь изо рта и возвращаясь обратно.

— О, слава Богу! — Маллус шлепнул концом крыла по своему рту и в ужасе взглянул на Рэтсбэйна. Он покрутил своей змеиной головой вокруг, чтобы посмотреть, слышал ли кто-нибудь из демонов поблизости его восклицание. Потом он повернулся и, сильно замахнувшись, шлепнул Рэтсбэйна крылом, так что жаба-муравей отступил к металлической ограде, окружавшей платформу ИТЗ.

Прежде чем Рэтсбэйн смог двинуться, Маллус накинулся на него снова, схватив его жабые тело обеими руками, и швырнул его обратно к консоли ИТЗ. Он прижал

Рэтсбэйна к стене компьютерных экранов и злобно прокаркал ему в лицо:

— Ты никогда не слышал этого, не правда ли, мой маленький жаба-муравей? Я никогда не говорил того, что, как тебе померещилось, я сказал. Ты понял?

Рэтсбэйн в страхе кивнул. Маллус ткнул его лицом в монитор, чтобы тот взглянул на изображение еще раз, и указал кончиком крыла:

— Вот. Рядом с дверью на кухню. Ты видишь этого мужчину в костюме? Он, должно быть, управляющий, или хозяин, или что-то вроде того, — он слегка двинул пером. — Взгляни, он стоит прямо рядом с термостатом. Пошли ему несколько импульсов. Скажи ему, что он чувствует холод, а его клиенты замерзли. Если мы сможем заставить его включить обогреватель на полную мощность, то, возможно, мы добьемся своего.

Рэтсбэйн повернул голову и ухмыльнулся Маллусу:

— Я вижу, куда ты клонишь: ты хочешь разжечь огонь любви.

Маллус ударил Рэтсбэйна по затылку.

— Ты, кретин! Это не касается любви, это касается секса! — Его голос становился все громче с каждым словом. — Что с тобой, Рэтсбэйн, разве ты новичок? Нет ни одного демона в аду, который хотел бы, чтобы люди, особенно эти омерзительные подростки, влюбились. Любовь — это стратегия Врага, и она не имеет ничего общего с адом. Мы подделываем ее, да, и выдаем другие вещи за любовь; и мы используем эти подделки, как извинение и оправдание, но единственная вещь, которую мы ценим, — это ненависть.

Маллус перестал кричать и глубоко вдохнул. Он снова указал на мерцающий монитор:

— Если мы нагреем этот ресторан достаточно сильно, чтобы заставить ее снять свитер, то одним препятствием на пути Ромео будет меньше. Я не хочу, чтобы они влюбились; я хочу, чтобы они оказались в ловушке!

Крайстел провела пальцем по воротнику своей водолазки. «Мне кажется, я слишком тепло оделась сегодня, — подумала она. — Все-таки это свидание оказалось гораздо лучше, чем я ожидала». Она накрутила на вилку последнюю порцию языка и улыбнулась Брэду. Ее первоначальное раздражение из-за того, что он не предупредил ее одеться соответственно данному месту, растаяло: он оставался великолепным собеседником в течение всего ужина.

— Я, должно быть, рассказала тебе то, чего не знают обо мне даже самые близкие друзья, — сказала она, отвечая на последний вопрос Брэда. — Я чувствую себя так, как будто бы мы весь вечер обсуждали только мою жизнь. Почему бы тебе ни рассказать немного о себе?

— Ну, хорошо, — согласно кивнул он, тщательно выговаривая каждый слог. — Хорошо. Давай начнем. Я из

Дерби в Англии, — он произнес это как «Дарби». — Это в Дербишире. Мой отец — инженер «Ролс-Ройс». Он работает на авиазаводе в Хогане.

— Это недалеко от Лондона? Я имею в виду Дерби.

— Примерно 135 миль к северу от столицы, мне кажется. Дерби находится прямо в центре Англии. Это место называется Мидлэндс.

— У тебя есть подружка? В Дерби? — невольно сорвалось с уст Крайстел, и она смутилась, что спросила об этом. «Ты говоришь так, как будто хочешь занять ее место», — отругала она себя.

— Нет, я никогда не встречал девушку, которая привлекла бы мое внимание надолго, — сказал Брэд. Он многозначительно посмотрел на Крайстел. — В Дерби, — добавил он.

Брэд отодвинул стул Крайстел, когда они выходили из-за стола. Ночной воздух был холодным. Она вспомнила, как тепло было в ресторане, и подумала, что то же самое происходит с ее чувствами к Брэду.

«Его поведение чуть не оттолкнуло меня сначала, — призналась она себе, — но он оказался джентльменом и очень вырос в моих глазах».

Благодаря тому, что он открывал перед ней двери, заказывал еду и оплачивал счет в ресторане, он казался ей гораздо старше, более взрослым, чем парни, с которыми она когда-либо встречалась.

«Он заставил меня почувствовать себя единственной девушкой в мире».

* * *

Маллус сердито смотрел на сияющую линию мониторов на консоли ИТЗ.

— Эта девчонка невыносима! — воскликнул он. — Как она могла оставаться в этом свитере в такую жару!

— Все не так уж плохо, прораб Маллус, — сказал Рэтсбэйн. — Посмотрите сюда.

Он набрал несколько команд и откинулся от клавиатуры. На экране появилась картинка, изображающая двух врачей скорой помощи, которые выкатывали носилки из ресторана.

— Эта старая леди за столиком рядом с ними не выдержала жары и упала в обморок. У нее проблемы с сердцем.

— Иди и утопись в огненном озере, тупица! Я не дам и понюшки серы за эту старуху. У нас есть работа, которую мы должны сделать, ты слышишь меня?

Маллус хлопнул Рэтсбэйна по подбородку.

— Где они теперь? — спросил он. — Что происходит?

Рэтсбэйн вызвал изображение Брэда и Крайстел в машине.

— Адский огонь! — простонал Маллус.

— Что? — спросил Рэтсбэйн. Он взглянул на экран, потом снова уставился на Маллуса. — Что опять не так?

— Ковшеобразные сиденья! В машине Ромео ковшеобразные сиденья. О, я собираюсь составить письменную жалобу об этом. Почему бы нам ни установить несколько кактусов между этими двумя? Это не ухудшило бы ситуацию!

Рэтсбэйн наблюдал, как Брэд остановил машину на поляне рядом с проселком далеко от Весткасла.

* * *

Смущение Крайстел стало явным, когда Брэд свернул с дороги. Теперь они сидели в темноте на маленькой полянке, окруженные лишь деревьями.

— Что мы тут делаем? — спросила она.

— Расслабься, Крайстел, тебе здесь понравится.

Беспокойство девушки усилилось. Ей не нравилось то, как все это выглядело и звучало.

— Я не хочу оставаться здесь, Брэд, — сказала она твердо.

— Это не займет много времени, Крайстел, просто седи тихо.

4

Образование Брэда Стюарта

Паника охватила Крайстел, и она отчаянно затеребила дверную ручку. Брэд схватил ее за запястье.

— Ш-ш-ш! — сказал он.

Она пыталась одновременно вырвать у него руку и открыть дверь.

— Смотри! — прошептал Брэд и включил фары. Крайстел застыла и уставилась на двух оленей, замерших в лучах света не далее чем в 15 метрах от машины. Животные стояли абсолютно спокойно, словно загипнотизированные. Крайстел отпустила ручку двери. Брэд все еще держал девушку за запястье.

— Не правда ли, они великолепны? — спросил он.

— Они прекрасны, — ответила Крайстел, глубоко вздохнув и откинувшись на сиденье. «Спокойно, дорогая, — сказала она себе, — ты позволяешь своему воображению разгуляться». Она посмотрела на Брэда, который не двигался с места, зачарованный зрелищем. «Ты явно судила о нем неправильно», — отругала она себя.

Несколько мгновений спустя, когда они сидели, не произнося ни слова и наблюдая за оленями, Крайстел подвинулась и положила голову на плечо Брэда.

* * *

— Я думал, мы получим ее через минуту, — признался Рэтсбэйн Маллусу.

— Идиот, — сказал Маллус, хотя он тоже с надеждой наблюдал за происходящим между Брэдом и Крайстел. — Это слишком примитивно, на мой вкус.

Демоны погрузились в молчание, наблюдая за парочкой в машине. Рэтсбэйн, наконец, нарушил тишину.

— Ты хочешь, чтобы я попытался послать несколько импульсов в... ?

— Ты хотел сказать «в парня», идиот?

— Верно, — сказал Рэтсбэйн. Он исследовал экран и начал печатать, в то время как Маллус диктовал стратегию.

— Да, это здорово, — сказал Маллус. — Это здорово. Она опустила голову ему на плечо. Ладно, Ромео, ты хочешь привести ее в горизонтальное положение как можно скорее, хорошо, хорошо. Рука вокруг ее плеча. Великолепно!

Рэтсбэйн яростно печатал и рычал команды в микрофон. Пара на экране начала обмениваться поцелуями.

— Ах, — прошипел Маллус. — Она поддается. Он все делает как надо, все в порядке, — демон наблюдал, притопывая птичьей ногой и высовывая язык. — Ладно, Рэтсбэйн, скажи ему, чтобы он двигался теперь к застёжке лифчика.

Рэтсбэйн склонился над дисплеем. Маллус наблюдал за происходящим в машине.

— Хорошо, хо, хо, — сказал Маллус, когда рука Брэда начала гладить спину Крайстел. Парень крепко обнял девушку, лаская ее спину обеими руками.

— Чего ты ждешь? — проворчал Маллус в экран.

— Я делаю все, что могу, — ответил Рэтсбэйн.

— Этого недостаточно. Продвигайся к лифчику! — он снова кричал. — Ты ничего не добьешься, пока она закована во все эти слои одежды.

Крики и проклятия Маллуса так и сыпались на голову помощника, пока Брэд и Крайстел обнимались и целовались, не продвигаясь, однако, в том направлении, в котором Рэтсбэйн пытался вести их через волны ИТЗ.

— Этого, скорее всего, не произойдет, ваше злорадство, — Рэтсбэйн вздохнул, когда Брэд потянулся за ключами, чтобы завести машину.

Маллус прокричал серию непристойностей и отвесил подзатыльник Рэтсбэйну.

— Я думаю, он был... — Рэтсбэйн потер лысую поверхность головы, затем продолжил: — Я думаю, он был немного обескуражен тем, что с ее стороны не было никаких движений, ну, или тем, во что она была одета, сэр.

— Ты некомпетентен! Я заставлял мужчин преодолевать больше слоев одежды, чем у мумии в саркофаге! Это не он потерпел поражение, а ты, жалкая пародия на демона! — взорвался Маллус.

Рэтсбэйн сплюнул сгусток крови на пол, наблюдая, как его начальник гордо прошествовал с платформы ИТЗ на пол пещеры.

Брэд крепко обнял Крайстел за талию, когда провожал ее к двери дома Дэвис.

Когда она приготовилась пожелать ему спокойной ночи, она почувствовала себя так, как будто в ее груди появился воздушный шарик, наполненный теплой водой. Ощущение было чудесным и в то же время причиняло легкое неудобство.

— У меня был замечательный вечер сегодня, Брэд, — она намеренно пыталась сдержать порыв эмоций.

Он усмехнулся, и оттенок его голубых глаз, казалось, отражал всю глубину ночного неба. Крайстел закрыла глаза, ожидая, что ее могут поцеловать в любой момент.

— Могу я заскочить к тебе в следующую пятницу?

Воздушный шарик в груди Крайстел внезапно лопнул, и она почувствовала, как он шлепнулся в живот. Ее глаза широко раскрылись.

«Что он сказал? — подумала она. Брэд стоял перед нею, невинно моргая. — Я правильно его расслышала?» Панический холод вытеснил прочь всякое ощущение теплоты. Она приготовилась резко отказать ему и гордо проследовать в дом, когда он спросил:

— Ты в порядке, Крайстел?

— Ты... — Она задохнулась. — Что ты сказал?

Его брови приподнялись домиком над глазами:

— Я сказал что-то не так? Я слишком поспешил, приглашая тебя на свидание в следующую пятницу?

— Я думала, ты сказал... — Она не собиралась повторять это. Она не могла.

— Что? Все, что я сказал, было: «Могу я заскочить к тебе в следующую пятницу?» Здесь что-то не так?

— Ты — ты не видишь ничего неправильного в этом?

Брэд пристально посмотрел на нее:

— Боюсь, что я тебя не понимаю.

Крайстел покраснела и отвела глаза.

— Это означает, — выговорила она, прокашлявшись, — это означает сделать девушку беременной.

Брэд опять моргнул несколько раз, потом разразился хохотом.

Крайстел оглянулась на дом, уверенная в том, что миссис Дэвис могла услышать Брэда даже наверху.

— Что здесь такого веселого? — оборвала она его. — Я не думаю, что это смешно.

Брэд с трудом взял себя в руки. Даже в тусклом свете фонаря было видно, что его лицо стало ярко-красным от смеха.

— Я сожалею, — произнес он между приступами хохота. — Я понятия не имел, — он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Я понятия не имел, — повторил он и начал смеяться еще громче.

Крайстел было не до смеха. «Он что, думает, что этим не оскорбляет меня?» Сердце девушки замерло, когда она подумала, что Брэд уже мог услышать сплетни о том,

кем она была до того, как стала христианкой, — что она была одной из самых крутых студенток в школе, наркоманкой, сексуально активной с восьмого класса. Стыд за свое прошлое поведение, с которым она боролась, даже став христианкой, проснулся в ней снова. «Может быть, он предложил мне прогуляться с ним при первой же встрече, — подумала она, — потому что слышал, кем я была раньше». Весь ее гнев и негодование на Брэда начали стихать, в то время как самооценка стремительно покатила вниз.

Брэд взял себя в руки, глубоко вздохнул и с улыбкой, ослепительной даже при свете фонаря, успокаивающе обратился к Крайстел.

— Я прошу прощения за недоразумение, — сказал он и подавил хихиканье. — Я понятия не имел, что я говорю. Ты знаешь, там, откуда я приехал, «могу я заскочить к тебе в следующую пятницу?» — это старое выражение, означающее «могу ли я зайти за тобой и пригласить на свидание?» — Он сделал движение кулаком, как будто стучит в дверь:

— Я не собирался вкладывать в свои слова что-либо неприличное. Я все еще изучаю язык.

Крайстел пристально смотрела на него широко открытыми глазами, как тот олень, которого они увидели на поляне сегодня вечером. Поток противоречивых эмоций бушевал в ее душе.

Брэд снова тепло улыбнулся, обнял ее и наклонился к ее лицу.

— Могу ли я пригласить тебя на свидание вечером в следующую пятницу, Крайстел Уэйн? — Их разделяло лишь несколько дюймов. — Я все сказал правильно?

Крайстел закрыла глаза в знак согласия. Их поцелуй длился долго.

* * *

Крайстел влетела в офис мистера Детвейлера — маленькую комнатку, в которой теснились стол, стул и книжный шкаф. Книги, бумаги и переполненные папки покрывали все доступные поверхности в боксе.

— Я пришла первой? — спросила она, прежде чем заметила, что мистер Детвейлер зажимает телефонную трубку между плечом и ухом. Она пробормотала «извините» и пожала плечами. Учитель пригласил ее в классную комнату рядом с маленьким офисом кивком головы.

Пока мистер Детвейлер говорил по телефону, к Крайстел присоединились остальные студенты: Стенли, разговорчивый первокурсник, который всегда таскал с собой сумку, набитую книгами; Чейз Эверетт, «любимчик» мистера Детвейлера в дискуссионной группе; Лианн, блондинка, одежда которой, казалось, состояла из дюжины слоев; Джейсон Видерс и другие.

Каждый студент входил в классную комнату по-разному, некоторые — шаркая, некоторые — почти вприпрыжку. Но как только они оказывались внутри, все принимали деловой вид, как будто были созданы в Овальный кабинет Белого дома, чтобы встретиться с президентом.

Крайстел наблюдала, как Джейсон тихо проскользнул в комнату и встал в круг позади остальных. Он словно случайно поднял портфель Стенли и прошагал к месту, где Лианн поставила свой.

«Я никогда не замечала, что у них одинаковые портфели, — подумала Крайстел и улыбнулась. — Но Джейсон, очевидно, заметил».

Джейсон поставил портфель Стенли рядом с вещами Лианн, затем поднял ее сумку и отнес на место Стенли. Подмена была совершена за секунду. Джейсон даже не улыбнулся. Он не посмотрел ни на одного человека в комнате, кроме Крайстел, которая встретила с ним глазами. Тогда он подмигнул ей. Он выполнил свою задачу с беззаботностью мальчика, пинками подгоняющего склянку вниз по пустой улице.

— Ты простишь меня за тот вечер? — Брэд подошел к Крайстел сзади и положил руку ей на плечо.

— Простить тебя? За что? — спросила она и покраснела, вспомнив ответ на свой вопрос. — Ах да, — выдохнула она тихо. На ее лице вспыхнула смущенная улыбка.

— Я знаю, что мне предстоит еще многое узнать, — сказал Брэд. — Я все-таки постепенно учусь говорить «по-американски». Я больше не спрашиваю учителей, как пройти в уборную.

— Куда?

— В уборную, — он засмеялся, но уже не так громко, как раньше. — Все они тоже были озадачены — как ты сейчас, — он подмигнул ей. — Дома в Англии, мы так называем туалет.

Крайстел нахмурилась, чтобы показать свое смущение:

— Уборная? Почему вы называете это *так*?

— Ну, а почему вы зовете ее *ванной комнатой*? Вы, американцы, поднимаете руку, учитель вызывает вас, и вы говорите: «Могу я выйти в ванную комнату?» — Брэд скопировал высокий женский голос. — Попробуйте показать мне хоть одну ванну хотя бы в одной *уборной* во всей школе! Вы *не сможете!* Там только туалеты и ни одной ванны!

— Ш-ш-ш! — попыталась успокоить его девушка, но ее предостережение послужило лишь поводом для звонкого смеха.

— И «комната отдыха» не лучше! Я видел немного людей, которые бы *отдыхали* там. Может быть, в женской комнате по-другому?

Остальные ребята с интересом слушали страстную речь Брэда.

— Теперь я понимаю, почему ты в дискуссионной группе, — прошептала Крайстел.

— Ладно, я надеюсь, ты хорошо провела вечер в прошлую пятницу?

— О да. Как... — она остановила себя, опасаясь, что снова говорит слишком быстро и чересчур возбужденно. — Как ты узнал, что там могут быть олени?

— Я не знал. Друг моего отца, его зовут Тед, рассказал нам, как однажды ночью он возил туда своих детей. Я подумал, это могло бы быть, довольно романтично.

Крайстел почти выкрикнула:

— О, так и было!

Но тут мистер Детвейлер вошел в комнату и откашлялся с важным видом. Крайстел села на свободный стул рядом с Джейсоном, а Брэд вернулся на свое место в конце комнаты.

— Что происходит между тобой и Джеймсом Бондом? — спросил подругу Джейсон.

— Что происходит? — переспросила она, не желая стать мишенью для его шуточек. — Ничего, понятно?

— Он уделяет тебе потрясающе много внимания. Расскажи мне, — продолжал он, в то время как мистер Детвейлер бросил несколько взглядов в их направлении, — в его «Астин-Мартин» есть катапульта?

— Что? — спросила она. Затем, осмыслив его шутку, решительно заявила: — Стоп!

— Я просто думаю, что следует тебя предупредить: если ты потянешь его за ухо, его голова превратится в большой желтый спасательный плот.

— Мисс Уэйн, — мистер Детвейлер говорил громко и строго, — у вас какая-то проблема?

— Нет, сэр, — ответила Крайстел. Она взглянула на Джейсона, который зажал свой нос и покраснел, когда Крайстел слегка шлепнула его по руке.

— Я хочу, чтобы вы все поняли, — сказал мистер Детвейлер, — что дискуссионный клуб не похож на любое другое внеаудиторное мероприятие в этой школе. В действительности наши заседания могут считаться аудиторными занятиями, потому что, в отличие от футбольной или теннисной команды, дискуссионный клуб укрепляет ваши знания и содействует усвоению того, что вам преподают в классах. Он требует много времени, он требует интеллектуального напряжения и также требует, — он бросил еще один взгляд в направлении Крайстел и Джейсона, — зрелого поведения. Но вы будете вознаграждены в тысячекратном размере. Я вас заверяю. Теперь, — продолжал Детвейлер, — давайте рассмотрим две области нашей деятельности: дискуссии и И.М. При проведении дискуссии вам предлагается тема...

Брэд Стюарт приподнял руку, не отрывая локтя от парты. Мистер Детвейлер увидел его движение и кивнул.

— Тему *всегда* предлагаете вы?

— Да, — ответил мистер Детвейлер.

— Какой, например, может быть типичная тема?

— Это зависит от уровня дискуссии. Существует три уровня — начальный, для младших курсов, и для студентов университета. На первом этапе вы можете обсуждать тему «Потребление угля в Китае» или «Карьера женщины в странах третьего мира».

Брэд снова посмотрел на мистера Детвейлера. После паузы он сказал:

— Вы шутите?

— Нет, мистер Стюарт, — ответил учитель оскорбленным тоном, — я не шучу.

— Я не хочу показаться грубым, — сказал Брэд, — но предлагаются ли темы, которые действительно актуальны?

— Актуальны? Для кого?

— Для меня, — он оглядел комнату. — Для всех нас. Я хочу сказать, что очень важно, конечно же, обращаться к проблеме потребления угля в развивающихся странах, но не будет ли более интересным и полезным обсуждать темы, подобные той, которую я предложил несколько дней назад? «Распространение презервативов в общественных школах», например?

— Почему это, — вмешался Джейсон Видерс, — тебя так волнуют презервативы? Ты вложил все деньги в акции компании, производящей противозачаточные средства?

Несколько студентов захохотали, но Джейсон на этот раз не шутил. Его лицо оставалось серьезным.

Брэд уставился на Джейсона, как будто никогда его раньше не видел.

— Ничего подобного, — ответил он. — Я лишь удивлен тем, насколько вы, американцы, отстали в этом вопросе. — Все головы в комнате были обращены к Брэду, но никто ничего не говорил. — В моей стране все понимают, что люди нашего возраста должны заниматься сексом; это реальный факт, и не следует замечать его под ковер и делать вид, что секса для подростков не существует.

Джейсон открыл рот, но закрыл его, так и не начав говорить.

— Я говорю, что важно и нужно, так как подростки все равно занимаются сексом, защитить их, научить их предохраняться.

— Раздавая презервативы в коридоре? — вопрос Джейсона был окрашен сарказмом.

— Да, — выразительно произнес Брэд. — И показывая, как правильно пользоваться презервативом.

— И, я предполагаю, ты окажешься первым добровольцем для показа, правильно?

— Послушайте, — спокойно продолжал Брэд. — Что бы вы предпочли: чтобы ваша сестра практиковала безопасный секс или подвергалась риску заболеть СПИДом?

Крайстел наблюдала за перепалкой между двумя юношами, переводя взгляд с одного на другого, как зритель теннисного матча. Она беспомощно молчала, в то время как

ее друг Джейсон все более распалялся, споря с Брэдом. «Ну, кто он тебе, в конце концов? — спросила она себя. — Он не твой бой-френд. Вы лишь прогулялись вместе однажды». Отвлеченная дискуссией между Брэдом и Джейсоном, девушка не могла придумать, как завершить свою мысль. «Итак, может быть, он еще не бой-френд, — решила она. — Но он уже кто-то. Это точно. Он мне не чужой».

Крайстел и Дарсел ехали домой к Дуэйн и Лиз Каннингэм.

Дуэйн и Лиз стали молодежными лидерами в церкви «Весткасл Комьюнити» примерно год назад, когда члены Команды Освобождения еще только начинали кампанию по освобождению своих школьных товарищей от влияния сатаны. Состав группы сильно изменился по сравнению с прошлой осенью. Бастер Тод и Дарсел Дэвис, Амбер, Уилл, Джейсон и Джой, конечно же, оказались активистами. Рядом с ними трудился Тони Ортис, который раньше назначал свидания Амбер Локвуд. Теперь он стал первокурсником, получив стипендию в государственном университете. Одним из самых пылких и эффективно действующих членов команды был Регги Спенсер, бывший приятель Крайстел, который окончил школу прошлой весной и теперь работал в бригаде Дуэйна.

Среди новых членов Команды Освобождения была Крайстел, ставшая христианкой благодаря деятельности группы; Марси Смол, которая уверовала в Христа и пришла в Команду Освобождения с помощью Джейсона Видерса; Хиллари Путнэм и два других члена команды ралли, которых Амбер привела к Христу, — Ким Холмс и Деби Вайт. Янис Харли, хотя и посещала другую церковь, также принимала участие в работе команды.

В начале собрания каждый человек сказал несколько слов о своих успехах и падениях, о событиях, которые произошли в его жизни в течение последней недели, затем Дуэйн предложил помолиться за своих неверующих друзей.

Крайстел поджала губы, когда подошла ее очередь. Она колебалась секунду, прежде чем начать.

— Ладно. Эта неделя была довольно запутанной.

Она посмотрела вокруг на всех, кто сидел рядом. Когда она встретилась глазами с Джейсоном, он комически поднял глаза к потолку. Крайстел улыбнулась.

— Я думаю, вы все знаете немного обо мне и моей сестре Кэти. На днях она сказала мне, что собирается выйти замуж в июне, — Крайстел начала нервно тереть свои бусы. — Сестра попросила меня прийти на свадьбу, — она снова поморщилась. — Я, ну, я думаю, я должна радоваться этому, но я не знаю ... и не понимаю, что я чувствую. И, — продолжала она, — я встречалась с Брэдом Стюартом в прошлую пятницу. С этим студентом-новичком из Англии.

Она вопросительно посмотрела на своих друзей. Окружающие кивнули, показывая, что они понимают, о ком она говорит.

— Он не христианин. Мне кажется, все прошло довольно хорошо, но... — она громко вздохнула и выпустила бусы из рук. — Я не знаю, что и думать об этом.

После долгой паузы Лиз заговорила первой.

— Почему ты думаешь, что он не христианин? — поинтересовалась она.

Крайстел бросила взгляд на Джейсона. Они оба улыбнулись.

— Я просто знаю, — ответила она с нервным смешком.

— А этот молодой человек знает, что *ты* христианка? — спросила Лиз.

Крайстел перевела взгляд с Лиз на других ребят в комнате, но думала она не о них. Она напрягала память, пытаясь найти ответ на вопрос подруги.

— Да, кажется да, — она заметила, как и все в комнате, что в ее голосе была нотка неуверенности. — Я хочу сказать, что я благословила еду в ресторане, и он начал мне рассказывать, что американцы более открыты в своей религии, чем англичане. Но на самом деле мы почти не говорили об этом. Он мог подумать, что я всего лишь «религиозная», так как мы практически не обсуждали мою веру.

Крайстел заметила, как Лиз и Дуэйн обменялись взглядами. В разговор вступил Дуэйн:

— Может быть, это твоя задача. На этой неделе ты могла бы попытаться найти способ поделиться своей верой с ним и дать ему понять, чем ты живешь.

После того, как каждый получил возможность высказаться, они склонили головы (а некоторые даже встали на колени рядом со стулом) и помолились за все проблемы, о которых только что упоминали. Амбер Локвуд, которая сидела справа от Крайстел, молилась за нее. Когда Амбер упомянула свадьбу Кэти, чувства Крайстел к своей сестре и потом продолжила молиться за Брэда, Крайстел осознала, что сама она не обращалась с этим к Богу до настоящего момента.

Однако когда Амбер молилась, Крайстел почувствовала, что неприятно поражена тем, как группа отреагировала на ее взаимоотношения с Брэдом. «Это мои друзья, — подумала она. — Почему я чувствую себя так, будто они подсмеивались надо мной? Мне кажется, что они осуждают меня, словно я делаю что-то неправильное».

Она попыталась отогнать назойливые мысли и сконцентрироваться на совместной молитве, но почувствовала, что вдруг потеряла способность молиться, как студент, забывший все выученное.

— Крайстел, дорогая, подойди к телефону. Это тебя, — мама Дэвис на секунду заглянула в дверь и тут же исчезла.

Крайстел протерла глаза и посмотрела на цифры на электронных часах: 11:57. «Кто может звонить мне так поздно?» — удивилась она.

Девушка подняла трубку и приложила к уху, хрипло прошептала:

— Алло?

— Крайстел, это я, Джейсон.

— Джейсон? Что случилось? Все в порядке? Что с тобой?

— Крайстел, я совсем забыл об этом.

— Что? Забыл о чем?

— Портфели. Я забыл сказать Стенли и Лианн, что я поменял местами их портфели! Я собирался признаться им, если бы они не обнаружили подмену перед собранием, но у меня полностью вылетело это из головы из-за... — он внезапно остановился. Крайстел знала, почему. — Из-за моего спора с Брэдом, — закончил он.

— Уже за полночь, Джейсон. Вряд ли ты сможешь что-либо предпринять до утра.

— Я думаю, ты права, — он сделал паузу. — Крайстел?

— Хм-м-м? — пробормотала она сквозь сжатые губы.

— Ты все еще встречаешься с этим парнем?

Ей казалось, она знает, о чем думает Джейсон, задавая этот вопрос: Брэд зазнайка, он не христианин, и он, кажется, таит какие-то нехорошие мысли.

«Но он ведет себя иначе, когда он со мной, — хотела она возразить. — Он совсем другой». Крайстел внезапно осознала, почему она пребывала в таком странном состоянии духа со времени встречи в доме Дуэйна и Лиз.

— Джейсон? — она выдохнула его имя, чтобы удостовериться, что он ее слушает, затем продолжила, не ожидая его ответа: — Я никогда не чувствовала такого раньше.

Между двумя друзьями на несколько долгих секунд воцарилась тишина, пока Джейсон наконец ни заговорил.

— Извини, что я разбудил тебя, — сказал он. — Спокойной ночи, Крайстел.

5

Влюбляясь и теряя любовь

Крайстел схватилась за ручку стеклянной двери, не решаясь повернуть ее.

«Ты должна поговорить с ней, — сказала Дарсел. — Расскажи своей сестре то, что ты рассказала мне. Просто признайся честно в своих чувствах».

Теперь Крайстел стояла у дверей и призывала всю свою храбрость. Наконец, она повернула ручку и зашла на цыпочках внутрь, пытаясь не произвести никакого шума. Она остановилась у порога и прислушалась. Из столовой доносились голоса — женские голоса.

Она прокралась через кухню и прислушалась, стоя у двери, ведущей в столовую.

— У тебя еще есть немного времени, чтобы принять верное решение, дорогая.

Это говорила мать. Крайстел наклонилась к двери и немного приоткрыла ее.

— Но он всегда был так добр ко мне. Он никогда...

Другой голос принадлежал Кэти, которая начала шмыгать носом и высморкалась. Она еще несколько раз всхлипнула и начала снова:

— Откуда мне знать, мама? Как я могу быть в чем-то уверена? Я не хочу погубить всю свою жизнь.

— Я знаю, дорогая, — сказала мама.

— Как ты поняла, что хочешь выйти замуж за папу?

Крайстел слушала. Последовала долгая пауза. Крайстел забеспокоилась: вдруг мать и сестра поняли, что она прячется за дверью, и смотрят в ее сторону, ожидая, когда она покажется. Наконец мама заговорила дрожащим голосом:

— Я никогда не рассказывала тебе этого раньше, дорогая, но если ты хочешь, чтобы я была честной... — Она снова замолчала. — Я не знаю, правильно ли я сделала, согласившись выйти замуж за твоего отца.

В комнате повисла тишина. В горле у Крайстел запершило, но она сдержалась и не кашлянула.

— Тогда, — продолжала мать, — я думала, что мы созданы друг для друга. Но во многих отношениях я оставалась маленькой девочкой, очень наивной. О некоторых вещах я даже не подозревала!

Крайстел не могла расслышать вопроса своей сестры, произнесенного шепотом, но мать ответила:

— Я знаю об этом не больше, чем ты, Кэти. У мам нет ответов на все вопросы, ты же понимаешь.

— Да, — прошептала Кэти. Потом, после еще одной долгой паузы, она заговорила снова, и ее категоричность потрясла Крайстел: — Я думаю, что мне следует выйти замуж за Билла. Мы подходим друг другу.

— В твоих устах это звучит, как смертный приговор.

— Да? Что ж, я думаю, это так. Я хочу сказать, он замечательный парень, но... — она остановилась. — Я не знаю, я просто не знаю, действительно ли это моя судьба.

— Кэти, почему ты считаешь, что обязательно должна принять решение сейчас? Почему бы тебе ни подождать еще какое-то время? Лучше не торопиться и все хорошенько обдумать сейчас, чтобы потом не мучиться всю жизнь.

Крайстел не стала ждать, пока сестра ответит. Она осторожно закрыла дверь и направилась через кухню к выходу.

— Крайстел! — Янис отвела Крайстел в сторонку. — Ты слышала, что сделал твой дружок?

Крайстел прикусила язык.

— Он не мой дружок, — настойчиво сказала она.

— Ты знаешь, о ком я говорю, ведь так? — усмехнулась Янис.

Крайстел скорчила презрительную гримасу.

— Как бы то ни было, — упорствовала Янис, — я слышала, что Брэд подошел к Бренде Маккэйн — она ходит на первый урок вместе с ним — и попросил у нее *резинку*! Прямо так, как будто бы в этом нет ничего особенного: «Пожалуйста, могу я одолжить резинку?» Так и сказал! Ты можешь в это поверить? — она содрогнулась от отвращения.

— Я не верю слухам, — сказала Крайстел.

— Да это обсуждает вся школа. Все говорят об этом.

Джейсон Видерс вышел из-за угла, протиснувшись между двумя девушками. Он бесцеремонно растолкал их в стороны, как кегли для боулинга.

— Вы слышали? — начал он.

— Да, — вздохнула Янис. — Но Крайстел не верит в это.

— Верь, — убежденно заявил Джейсон. — Ты знаешь, у него какой-то сдвиг по отношению к презервативам. Я говорю тебе, Крайстел, парень озабоченный. Откажи ему по всем статьям.

Крайстел упрямо скрестила руки на груди.

— Бросьте его в канаву, — продолжал Джейсон. — Пошлите его за вещами, вышвырните его, укажите ему на дверь, дайте ему билет в один конец, и пусть летит назад в Англию.

— Он не мой приятель. Но я бы хотела, чтобы вы дали ему шанс. Он не великан-людоед, каким вы его считаете.

— Великан-людоед тут как тут, — Джейсон присвистнул. Девочки подняли глаза как раз в тот момент, когда подошел Брэд и положил руку на плечо Крайстел.

Юноша приветливо улыбнулся всем троим. Крайстел покраснела и слегка сжалась, почувствовав руку Брэда, но он не убрал ее.

— Я вам помешал? — спросил Брэд, чувствуя, что друзья чем-то смущены.

Джейсон и Янис взглянули на Крайстел одновременно. Их взгляды уткнулись в пол, и вопрос повис в воздухе.

Крайстел, наконец, нарушила нелепую тишину.

— Люди говорят, — она бросила вызывающий взгляд на Джейсона, — что ты попросил у Бренды Маккэйн резинку сегодня утром.

Она покраснела еще гуще.

Брэд согласно кивнул.

— Ну да, — признался он и захихикал.

Крайстел стряхнула его руку с плеча и повернулась к нему лицом. Брэд добродушно смотрел на нее.

— Я сказал ей, что верну резинку назад, как только закончу, — объяснил он. Его взгляд искрился весельем, и все поняли, что Брэд изо всех сил сдерживает смех. —

Крайстел глубоко вздохнула, как будто бы проглотила грейпфрут.

Янис, Джейсон и Крайстел пристально смотрели на хихикающего мальчика, обладающего таким утонченным произношением. Брэд проглотил смешок, рвущийся с губ, и попытался дышать спокойнее.

— Ты думаешь, это смешно? — требовательно спросил Джейсон. Его пальцы сжались в кулаки.

— О, ладно. Спокойно. Я лишь немного над вами посмеялся. Это было абсолютно невинно, я вас уверяю. Вы знаете, в Англии «резинка» — это то, что вы называете ластиком! Я лишь хотел исправить ошибку. Я попытался извиниться, но я боюсь, что Бренда мне не поверила. Она не... — Брэд остановился, чтобы позволить себе ухмыльнуться. — Она не разрешит мне даже приблизиться к ней, чтобы объясниться.

— Итак, все это произошло из-за... ластика? — в голосе Крайстел прозвучало облегчение.

Брэд поднял ладони вверх, чтобы показать свою беспомощность. Крайстел довольно посмотрела на своих друзей. Джейсон кивнул Янис, и они пошли прочь вместе.

— Не беспокойся, Брэд, — сказала Крайстел, крепко взяв его за руку. — Они примут тебя, — он посмотрел на нее с сомнением, и она добавила: — Рано или поздно.

Крайстел и Дарсел встретились после школы на том же месте, где и всегда.

— Ты в порядке? — спросила Дарсел, когда Крайстел отстала от нее по пути к машине. Вечер был ясным. Легкий ветерок звякал шнуром флагштока.

— Иди вперед, — сказала Крайстел, указывая головой в направлении парковки. — Я должна встретиться кое с кем. Я приду позже.

— Брэд? — спросила Дарсел.

— А? — рассеянно переспросила Крайстел. Только через пару секунд до нее дошел смысл вопроса. — О да, — призналась она.

— Ты знаешь, Крайстел, — начала Дарсел, которая уже направилась к машине, но остановилась, чтобы посмотреть на подругу, — мы не смогли поболтать с тобой в прошлый раз. Я думаю, было бы здорово, если бы мы нашли возможность поговорить о Брэде.

Крайстел ничего не сказала. Холодный бриз раздурмянил ее щеки.

— Я думаю, мне хотелось бы надеяться... ну, ты понимаешь, что отношения между вами не станут слишком серьезными, но, кажется, у вас все идет полным ходом, не правда ли?

Крайстел пожала плечами.

Дарсел глубоко вдохнула:

— Послушай, если это не мое дело, прости меня, но я обеспокоена. Библия говорит, чтобы мы не входили «под

одно ярмо с неверными», твои отношения с Брэдом, кажется, попадают под эту категорию.

— Дар, — сказала Крайстел, называя ее ласковым именем, которое использовала только семья Дарсел. — Я ценю твою заботу, но ни ты, ни Джейсон, ни кто-нибудь из ребят — никто даже не пробует дать Брэду шанс. — Румянец на ее щеках стал ярче. — Я знаю его, а ты нет. Как бы я хотела, чтобы ты провела столько же времени, пытаясь стать его другом, сколько ты тратишь, критикуя его.

Дарсел подняла вверх ладонь, как бы защищаясь:

— Крайстел, я на самом деле не...

— Вот и он идет, — прервала ее Крайстел, показывая на Брэда, который с радостным видом приближался к ним. Она прощально помахала подруге и взяла Брэда за руку. Рука об руку они пошли к школьной парковке, оставив Дарсел наблюдать за ними и слушать звяканье шнура флагштока, отбивающего свой ритм на ветру.

Крайстел глубоко вдохнула. Ее лицо было в нескольких дюймах от лица Брэда, и она пыталась понять, что за запах шел от него.

Они сели друг напротив друга за квадратный библиотечный стол, заваленный книгами и бумагами. Зеленое, пышно разросшееся растение, которое они убрали из центра стола, чтобы освободить место для учебных материалов, стояло на полу рядом с ними. Свет заходящего солнца проник через узкие окна за спиной Брэда и нарисовал светлые и темные полосы на полу и мебели.

— Это «*Fixation*»? — Попыталась начать разговор Крайстел.

— Прости? — переспросил он.

— Туалетная вода, которой ты пользуешься, — это «*Fixation*»?

— Я не знаю, — сказал он, уходя от ответа. — Я привез ее с собой из дома. Из Англии.

— Расскажи мне больше об Англии, — попросила Крайстел. — И о себе. Какая твоя самая любимая группа?

Он ухмыльнулся:

— Ты никогда не слышала о них, я уверен.

— Кто они?

— Ладно, — сказал он. — По крайней мере, мы сейчас не едим.

— Почему ты так сказал?

— Моя любимая группа называется «Раздавленный большой палец».

— «Раздавленный большой палец»? — повторила она.

Он кивнул и от души расхохотался. Они посмеялись вместе, потом Брэд обнял Крайстел. Они поцеловались.

— Я думаю, твой акцент звучит очень романтично, — хрипло прошептала она.

— Я не единственный, кто говорит с акцентом, — сказал он, и они снова захихикали.

— Расскажи мне что-нибудь еще, — попросила она.

— Что-нибудь еще?

— Об Англии. О различиях между нами.

— Ладно, дай мне подумать. Когда ты идешь куда-то поесть, ты берешь жареную картошку к основному блюду, верно? — Крайстел кивнула. — А мы нет. Мы заказываем чипсы.

— Как, картофельные чипсы?

Он покачал головой:

— Нет, они похожи на то, что ты называешь «картофель фри», но тоньше, и мы едим это практически со всеми блюдами.

Она улыбнулась:

— А еще?

— Еще? Хорошо. Все, что находится по эту сторону океана, гораздо большего масштаба. Понимаешь, Англия — остров, поэтому пространство там очень ценится — особенно пространство для строительства. Так что все у нас дома довольно маленькое и компактное. В Штатах у вас слишком много свободного места, так что вам нет нужды ограничивать себя. Некоторые здания гораздо больше, чем нужно.

— А как выглядят девушки?

Он наклонился к ней, так что их губы почти соприкоснулись:

— Ни одна из них не сравнится с тобой.

Крайстел задержала дыхание.

— Как долго, — спросила она, когда справилась со своими эмоциями, — как долго твоя семья собирается оставаться здесь?

— Э-э-э... у моего отца здесь ограниченная рабочая виза.

— И что это значит?

— Вероятно, около года.

Крайстел покрутила свои бусы в пальцах, обдумывая его ответ.

— Это не очень долго, ведь так?

Толстенький белобрысый мальчик с отверткой обогнул угол и толкнул животом их стол. Он застонал и, пошатываясь, пошел прочь, держась за место ушиба, лишь на пару шагов опередив девушку, которая следовала за ним.

— Я надеюсь остаться подольше, — сказал Брэд, гипнотизируя Крайстел глубокими голубыми глазами. — Или снова вернуться сюда. Может быть, учиться здесь в университете.

Она улыбнулась и опустила глаза.

— Мне бы этого хотелось, — сказала она тихо.

Брэд отвез Крайстел домой из библиотеки. Она знала, что опоздала на ужин, но это не имело значения для нее.

Брэд остановился у бордюра перед домом Дэвисов, и разговор начал стихать. Он наклонился через сиденье, нежно прикоснулся к щеке Крайстел и поцеловал ее.

Еще не стемнело, и девушка подумала, что Дарсел или мама Дэвис могут увидеть их через окна дома, но она чувствовала себя совершенно свободно.

Она слышала, что люди, попавшие в снежную бурю, часто ложатся на землю, выбившись из сил. Вскоре им становится тепло, и они засыпают, чтобы никогда не проснуться. Крайстел никогда не понимала этого феномена до настоящего момента. Целуя Брэда в машине, пребывая в его объятиях и принимая его ласки, она чувствовала, что ей становится все теплее, и полностью отдавалась этому чувству. Она совершенно не беспокоилась о том, что их могли застать вместе.

Крайстел осознавала, что в ней растет желание. Она не могла разобрать, было ли это физическое или эмоциональное желание. Она чувствовала, что ее принуждают, однако какой-то голод рос внутри нее. Теперь она мечтала, чтобы Брэд отвечал ей смелее в физическом смысле. Пространство между сидениями и рычаг передач раздражали ее; она бы хотела, чтобы они с Брэдом были ближе друг к другу.

Ее грудь вздымалась, дыхание становилось чаще и глубже, а они все еще целовались, страстно и долго. Крайстел была готова отдаться во власть эмоций. Несколько раз она продвигалась к запретным зонам, но каждый раз останавливалась, желая, чтобы он проявил инициативу первым.

Она долго, с переменным успехом боролась со своими противоречивыми желаниями, пока синее небо не стало серым, и не сгустились сумерки. Наконец, к ее удивлению, Брэд разорвал объятия и прокашлялся.

— Э-э-э, — сказал он и прокашлялся снова, — я думаю, мы должны остановиться. — Он посмотрел на дом. — Они могут ждать тебя к ужину.

Крайстел резко выдохнула. Она положила ладонь на грудь сразу под шеей. Опустив глаза на приборную панель, она ответила:

— Да, я тоже так думаю.

Она встретила взглядом с Брэдом и снова посмотрела на панель.

— Спокойной ночи, — сказала девушка. Она взялась за ручку двери и, нагнувшись к Брэду, поцеловала его и вышла.

Крайстел почти ничего не говорила, когда Миссис Дэвис разогревала для нее ужин в микроволновой печи. Хотя она не совершила ничего такого, чего бы она ни делала раньше, она чувствовала испуг и стыд.

«Что я натворила? — удивлялась она. — Я потеряла над собой контроль. Если бы он не остановился, я бы продолжала дальше! Прямо перед домом! И я называю себя христианкой!»

Она съела свою еду в молчании, лишь изредка отвечая на вопросы мамы Дэвис. В остальное время Крайстел беспокойно размышляла: «Что мне делать? Если быть с ним значит потерять голову, но я не могу перестать видеться с ним. Что мне делать?»

Она закрылась в комнате на весь оставшийся вечер и легла спать рано, все еще мучаясь вопросом: «Что мне делать?»

6

На обочине

Дарсел вошла в квартиру Дуэйна и Лиз Каннингэм одна. Большинство членов Команды Освобождения уже толпились в гостиной, которая, казалось, становилась все меньше с каждым собранием.

Джейсон сидел на полу возле дивана, который делили Уилл, Амбер и Джой. Дарсел опустилась на ковер рядом с Джейсоном и скрестила ноги.

— А Крайстел придет? — спросил Джейсон у Дарсел.

Она покачала головой.

— Где она? — настаивал он.

Дарсел пожала плечами:

— Она сказала, что ей нужно сегодня кое-что обдумать.

Дуэйн начал собрание, прервав допрос Джейсона. Но, хотя Джейсон следил за ходом его мыслей и пытался изо всех сил сконцентрироваться во время молитвы, Крайстел ни на секунду не покидала его разум.

Когда собрание закончилось, и ребята разбрелись по комнате, Джейсон остановил Уилла, хлопнув его по колену.

— Пойдем, поговорим на кухне, — сказал он негромко.

Джейсон проскользнул через дверь на кухню, почти сбив с ног Лиз и Хиллари, которые немедленно прервали свой разговор.

— Извините, — пропел он, совершил плавный пируэт и проследовал обратно через дверь.

— Там не удастся поговорить, — сказал Уилл, резко остановившись, чтобы избежать столкновения с Джейсоном при его внезапном появлении из кухни. — Пойдем.

Два друга, наконец, смогли уединиться на лестничной клетке, сразу за дверьми квартиры Лиз и Дуэйна.

— Что случилось? — спросил Уилл, когда они с Джейсоном сели плечом к плечу на самой верхней ступеньке.

Джейсон несколько раз попытался начать и, наконец, произнес:

— Ты знаешь, что у меня репутация клоуна, но я очень хочу стать серьезным человеком.

Он глубоко вздохнул, и друзья сидели молча несколько секунд. Когда Джейсон снова начал, он говорил медленно и размеренно:

— Я хочу знать, как сделать так, чтобы люди воспринимали меня серьезно.

— Как сделать так, чтобы люди воспринимали тебя серьезно? — повторил Уилл.

— Да, — кивнул Джейсон, затем задумался. — Особенно девушки. Как сделать так, чтобы девушки принимали меня всерьез?

Пришла очередь Уилла вздохнуть.

— Я не знаю, Джейсон, — сказал он. — Почему ты меня спрашиваешь?

— Как ты заставил Амбер принять тебя всерьез? Особенно после того, как ты потерял плавки в озере?

Если бы разговор был менее напряженным, приятели могли бы разразиться смехом. Однако они лишь улыбнулись друг другу.

— Я не знаю, — повторил Уилл. Джейсон сидел тихо, понимая, что Уилл честно пытается вспомнить все и искренне хочет помочь. — Я думаю, это произошло, когда мы начали работать вместе. Когда мы стали молиться и делиться нашей верой с Тони и Марлоном.

Джейсон уставился на друга, он почти слышал, как крутятся шестеренки в голове Уилла.

Брэд взял за руку Крайстел, когда они пробирались через бушующую толпу на стадионе.

— Откуда ты знаешь так много о футболе? — спросила она Брэда. Это был тихий осенний вечер; Крайстел надела пальто, но Брэд оставался в пиджаке. — Я думала, в Англии другие правила игры.

— Американцы, — сказал Брэд, закатывая глаза в притворном гневе. — Вы думаете, что если вы изолированы от остального мира, то все другие тоже, — он едва избежал столкновения с большим мужчиной, несущим переносную радиостанцию. Он отпустил руку Крайстел, увернулся от столкновения и снова взял ее за руку. — Американский футбол стал очень популярным дома. Большинство британцев не признавали американский футбол «пристойной» игрой до недавнего времени, но это изменилось довольно быстро. Мы с товарищами видели «Медведей» и «Гигантов» на показательной игре в прошлом году.

— Ох, — сказала Крайстел, улыбаясь его произношению и употребленному им слову «товарищи». Она все еще любила слушать, как он говорит; за те две недели, в течение которых они встречались, ее восхищение Брэдом только выросло. Когда она была с ним, она испытывала блаженство. Крайстел была уверена, что никто в мире не чувствовал ничего подобного.

Наконец они подошли к машине Брэда. Он открыл дверцу перед девушкой и, когда она двинулась за ним, запечатлел легкий поцелуй на ее губах. Она остановилась — дверь машины была между ними — и ответила поцелуем, который был более долгим и страстным.

Когда Брэд скользнул за руль, их губы снова встретились. Когда он тронулся с места и вывел машину на дорогу, Крайстел с удовольствием откинулась на сиденье и

наблюдала, как он ведет автомобиль в пробке, которая растянулась на мили от стадиона.

— О чем ты думаешь? — спросила она его, пытаясь освободить свои руки из рукавов пальто.

Брэд взглянул на нее, потом опять на дорогу. После секундного обдумывания он ответил:

— Я не хочу везти тебя домой так рано.

Она улыбнулась:

— И не надо. Поехали куда-нибудь.

Он повернул голову и внимательно посмотрел ей в лицо, как будто пытался прочитать по нему некое тайное сообщение.

Они съехали с главной дороги и помчались по сельской местности, незнакомой Крайстел.

— Ты знаешь, где мы? — спросила она.

— Ну, в общем, похоже, что да.

Они проехали мимо скошенных полей со стогами сена. Крайстел казалось, что дорога, состоящая из двух полос, будет тянуться вечно, без единого перекрестка на многие мили вперед. Она взяла правую руку Брэда и прижалась к его плечу, пока ровное движение машины не замедлилось. Потом автомобиль прыгнул вперед и после нескольких толчков начал тормозить.

Крайстел выпрямилась и отпустила руку Брэда.

Он переключил передачу, выключил зажигание и попытался завести мотор. Крайстел некоторое время надеялась на лучшее, но скоро поняла, что машина не тронется с места. Она посмотрела на приборную панель. Стрелка уровня бензина указывала на ноль.

Машина Брэда остановилась на травянистой обочине сельского проселка, на котором было лишь две полосы. С одной стороны дороги раскинулось засеянное зерном поле, которое, казалось, простиралось на мили, а с другой стороны была широкая полоса леса.

— Я даже не знаю, как тебе это сказать, — начал Брэд.

— Я знаю, — вздохнула Крайстел. — У нас кончился бензин.

Они серьезно смотрели друг на друга, пока легкий смешок не сорвался с губ Крайстел. Тогда Брэд улыбнулся, и они оба расхохотались.

— Ладно, — сказала она. — Что мы будем делать?

— Я думаю, у нас есть несколько вариантов. Я мог бы пойти пешком и попытаться найти дом фермера, чтобы попросить о помощи. Или мы могли бы... — он повернулся и вытащил одеяло из-за сиденья. — Мы могли бы подождать, пока кто-нибудь не проедет мимо и не остановится.

— Сколько времени, по-твоему, это займет?

Брэд открыл дверьцу машины.

— Мы не узнаем, пока не попробуем, верно? — он вытащил из-за спины одеяло и закрыл дверь. Крайстел тоже вышла из машины и села рядом с ним, когда он расстелил одеяло на траве.

Заходящее оранжевое солнце осветило прощальными лучами осеннее небо. Воздух словно застыл вокруг них, как будто природа задержала дыхание ради юной пары.

Брэд окинул взглядом дорогу, потом обратил все свое внимание на Крайстел. Он улыбнулся ей. Она ответила ему улыбкой и легла на одеяло. Брэд быстро присоединился к ней и лег, опираясь на локоть. Он сорвал маргаритку и начал отрывать лепестки один за другим, многозначительно глядя на Крайстел.

Она засмеялась и лениво закрыла глаза. «Это так прекрасно, — подумала она. — Так романтично. Мне все равно, проедет ли здесь хоть когда-нибудь машина. Мы можем просто сидеть здесь и смотреть, как на небе появляются звезды».

Она открыла глаза, взглянула на Брэда, потом закрыла их снова. Она вспомнила свой телефонный разговор с Джейсоном. «Я никогда не чувствовала себя так раньше. Я встречалась со многими парнями, — боль пронзила ее сердце при воспоминании о том, как много их было. — Но ни один из них не был таким, как этот. Он такой... особенный, такой... настоящий. Бедная Кэти, я чувствую, что мне ее очень жаль. Она встречалась с Биллом несколько лет, но все еще не уверена, что это ее судьба».

Крайстел попыталась с закрытыми глазами ощутить близость Брэда, почувствовать его запах, услышать его дыхание, понять, что он рядом с ней, даже не прикасаясь к нему.

Она слегка вздрогнула, когда ее мысли были прерваны прикосновением губ Брэда. Девушка ответила, почти содрогнувшись от эмоционального отклика, который вызвало это прикосновение. Брэд, держа Крайстел в своих объятиях, положил ее на спину и лег рядом с ней. Они поцеловались, и он расчесал рукой ее волосы, поиграл в восхитительные маленькие игры с ее ладонью и провел подушечками пальцев по ее лицу, словно лепил его из глины.

Крайстел почувствовала, как будто бы теплые лучи осеннего солнца растворили ее в одеяле и в земле под ним.

Их тела согревали друг друга, и если бы машина приблизилась, то они бы не услышали.

«Я хочу быть еще ближе к нему, — поняла Крайстел не головой, а сердцем. — Я хочу быть частью его. Пусть он обнимает меня крепче, чтобы я забыла, что мы два человека».

Они целовались долго и страстно, с закрытыми глазами. Когда они оторвались друг от друга, Крайстел поняла, что Брэд снова смотрит на дорогу. Она открыла глаза.

— Кто-то едет? — спросила она, испугавшись, что их уединение будет нарушено. Она приподнялась, опираясь на локоть.

— Нет, — сказал он, и Крайстел улыбнулась ответу, который хотела услышать. Брэд вытащил что-то из кармана и показал девушке:

— Не пора ли нам воспользоваться этим?

Крайстел уставилась на лицо Брэда и пыталась совместить свои мысли с тем, что она видит. Она посмотрела на предмет в руке Брэда. Это был презерватив.

Ее взгляд метался, как мячик от пинг-понга, между презервативом и глазами Брэда, в надежде, что это какая-то ошибка. Наконец, больше не в состоянии смотреть на Брэда, не в состоянии произнести хоть слово, Крайстел уставилась на пластиковый пакетик с кольцом посередине.

После паузы, которая, казалось, продолжалась бесконечно, лицо Брэда приняло ласковое выражение.

— Прости меня, — сказал он. — Я понятия не имел, что это будет таким сюрпризом для тебя.

Крайстел оторвала взгляд от пакетика и снова, не мигая, посмотрела на Брэда. Она почувствовала, что краснеет.

— Я думал, — сказал он медленно, — что мы оба на одной волне. Момент показался мне как раз подходящим. А тебе? — настойчиво спросил он.

Она не ответила, и он продолжил:

— Послушай, Крайстел, мы становились все ближе в последние дни. Думаю, ты чувствуешь ко мне то же что и я. Я влюбился в тебя, Крайстел, иначе я не был бы так честен с тобой. Мы не дети, и если это то, чего мы оба хотим, то что нас останавливает?

Брэд подвинулся на одеяле, чтобы сократить последнюю небольшую дистанцию между ними. Он спрятал презерватив, сжав его в кулаке, и поднял подбородок девушки пальцем. Его голубые глаза настойчиво удерживали ее взгляд.

— Я хочу, чтобы мы были близки, Крайстел. Я люблю тебя, — он поцеловал ее.

Крайстел пыталась оправиться от шока, вызванного смелостью Брэда, с которой он предложил ей заняться сексом, в то время как она пыталась разобраться в своих собственных чувствах. «Если это то, чего мы оба хотим, что останавливает нас? Если он любит меня, и я люблю его, разве это не единственное, что имеет значение? В прошлом все было по-другому. Это особенное; не такое, как раньше. Мы могли бы быть еще ближе, как никогда прежде. Это все, чего ты хочешь, не правда ли?» — спрашивала она себя.

Крайстел удивила себя и Брэда, прервав поцелуй и вставая.

— Я думаю, нам лучше начать что-то делать, — сказала она. — Уже начинается темнеть, становится холодно, а нам нужно достать бензин.

— Крайстел...

— Наверное, мне лучше остаться здесь на случай, если кто-то проедет мимо.

* * *

Рэтсбэйн уставился на монитор, не веря своим глазам. Тот показывал неподвижную спортивную машину и Брэда, который уходил прочь от Крайстел. И они оба были все еще одеты.

Жабомуравей сидел, застыв на месте и думая о присутствии Маллуса в моторизованном кресле где-то над ним. Он боялся смотреть по сторонам, но еще больше он боялся того, что могло подкрасться к нему сзади.

Рэтсбэйн медленно повернул шею и украдкой поднял глаза. Его взгляд последовал за линией механической руки, состоящей из нескольких частей, и простирающейся от базы консоли ИТЗ, пока он не увидел сиденье, висящее в воздухе перед самым верхним рядом мониторов. Оно было пустым.

Демон облегченно вздохнул и снова повернулся к клавиатуре.

— Где я ошибся? — пробормотал он. — Я думал, все идет очень даже неплохо.

Внезапно сильный удар сзади заставил Рэтсбэйна уткнуться лицом в экран одного из компьютеров.

Маллус, спустившись вниз на бесшумных крыльях, выдернул голову своего подчиненного из разбитого стекла и развернул ее, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Ты, надутый идиот, — прошипел Маллус. Его крылья были полностью расправлены. — Ты просто заставил его выхватить презерватив и сказать: «Уже пора?» Для чего ты используешь свои мозги? Ты должен был все делать постепенно — использовать застежку лифчика, пряжку ремня или пуговицу, — чтобы уложить ее на спину как раз вовремя.

Муравьиное лицо Рэтсбэйна было покрыто порезами и искажено страхом, но демонический гнев вскипел и в нем. Они с Маллусом стояли нос к носу.

— Я не извиняюсь, — прокричал Рэтсбэйн в ответ дрожащим голосом. Сломанная антенна качалась перед его лицом. Он обозвал Маллуса всеми известными ему ругательствами. — Ты оставлял меня в неведении все время, пока я был здесь. Если ты хочешь, чтобы я лучше работал, обеспечь мне небольшое обучение; поставь меня в курс дела касательно твоей разветвленной стратегии.

— Я дал тебе... — проревел Маллус.

— Ты не дал мне ничего, — прервал его Рэтсбэйн, схватив сломанную антенну и размахивая ей перед лицом Маллуса, как оружием. — Я действовал по стандартной схеме, следуя каждому пункту учебника. Если ты хочешь увидеть, как я исполняю изысканные движения, тебе лучше преподать мне уроки танцев!

Маллус злобно выругался в лицо Рэтсбэйну, потом они долго и напряженно смотрели друг на друга с ненавистью. Наконец Рэтсбэйн заметил, что мускулы на длинной шее Маллуса немного ослабли.

— Еще одна катастрофа в Весткасле, — начал Рэтсбэйн примирительным тоном, — не принесет ничего хорошего нам обоим.

Маллус медленно сложил огромные крылья. Змеиная морда отодвинулась от носа Рэтсбэйна. Демон зашагал по платформе ИТЗ на длинных тонких ногах, то и дело высовывая язык, обдумывая план действия. Наконец он остановился перед Рэтсбэйном и утробно простонал:

— Ты глупый омерзительный демон ада!

— Спасибо, — ответил Рэтсбэйн польщенным тоном.

— Хорошо, я попытаюсь объяснить проще, чтобы это дошло до твоего муравьиного интеллекта, но я сделаю это только однажды. Ты слишком туп, чтобы понять все принципы разветвленной стратегии, так что я буду рассказывать лишь об одном направлении за один раз.

Он зашагал снова и начал говорить на манер профессора, читающего лекцию в студенческой аудитории.

— В течение столетий нашей задачей было держать источник силы Врага подальше от людей, используя их плотские желания. Итак, я использую секс для этого, ты, уродливый изверг, *секс!* Я поддерживаю их тягу к сексу, устремленную в любом направлении, кроме того, которое Святой определил для них. Таким образом, я не только удерживаю их от воссоединения с источником силы, но и убиваю все, что я так страстно ненавижу.

— А что ты страстно ненавидишь? — спросил Рэтсбэйн.

— Любовь, ты, слабоумный демон! — прокричал Маллус, — Я страстно ненавижу любовь!

Он продолжал метаться по залу.

— Итак, первая часть моей стратегии — убедить людей, что их похоть правильна и оправдана. Так что твоя работа здесь заключается в том, чтобы заставить их поверить в то, что «любовь оправдывает все». Понял? Ты должен заставить их поверить, что любовь оправдывает секс. Ты можешь полагаться только на похоть. Похоть существовала в мире с первого дня, или, по крайней мере, с шестого. Ты должен убедить их, что проявления похоти оправдываются любовью. Видишь, что делает такая стратегия? Она дает людям всех возрастов моральное оправдание, когда они совершают что-то безнравственное. Вот почему мы называем это «Великий Миг». Как ты понимаешь, наша стратегия действительно дьявольская. Убедив этих людей, что любовь оправдывает все, мы можем заставить их практиковать отношения, выходящие за рамки, которые Святой установил, чтобы сделать секс таким значимым для человека. А самое замечательное то, что ты видишь, как истинная любовь и близость умирают прямо перед твоими глазами-бусинками — и иногда любовь оказывается убитой навсегда! — скрежещущий голос демона повышался с каждым словом.

— Здесь, в Субсекторе 1122, — продолжал Маллус, — ты, как и я, научись быть убийцей любви!

Изумленный, Рэтсбэйн стоял, не произнося ни слова. Адский холод пробежал по его хребту, когда злобный смех демона отозвался эхом в огромной пещере.

Крайстел наблюдала, как солнце опускается за край поля, и вдыхала холодный воздух ночи. Она удивилась тому, как обращалась с Брэдом. Она, конечно же, не повиновалась своим чувствам. Но теперь она думала, что ее реакция была на 100% правильной.

Девушка завернулась в одеяло и сидела в машине с закрытыми дверями, размышляя, что может случиться в течение ночи.

«Я даже не знаю, где я нахожусь, — подумала она, легко обвиняя Брэда во всем. — Может быть, он специально растратил бензин. Может быть, это все было частью его плана. Пустынная сельская дорога, машина без бензина, у него даже были одеяла в машине, — поразила ее догадка. — Может быть, на самом деле у нас есть бензин! — она посмотрела на счетчик. — Он на нуле, это точно, но может быть, я смогу завести ее».

Крайстел стала перебираться на сиденье водителя, когда заметила, что в замке нет ключей. «Он взял ключи с собой! Вдобавок ко всему он взял ключи с собой! Даже если кто-то будет проезжать сейчас с канистрой бензина, я не смогу тронуться с места, потому что он взял ключи!»

Она протерла круг на окне, которое запотело от ее дыхания, и всмотрелась в опускающуюся темноту. «Почему его нет так долго? — Крайстел задрожала от страха. — Я здесь совсем одна. Что, если кто-то проедет мимо? Я окажусь полностью в его власти. Я, вероятно, должна буду сидеть внутри с закрытыми дверями и надеяться, что они уедут».

Она уткнулась лбом в стекло и сказала вслух:

— Мама Дэвис и Дарсел будут беспокоиться обо мне. Они, вероятно, поднимут на ноги даже национальную гвардию.

Девушка закрыла глаза. «Что я им скажу? — подумала она. Ее гнев на Брэда начал стихать, сменяясь разочарованием. — Я думаю, Джейсон был абсолютно прав. Я обманывала себя, думая, что между нами что-то особенное».

Буря чувств исказила ее лицо: «Брэд такой же, как все. Он просто говорит с акцентом, только и всего».

Крайстел задремала и потом уснула, не стерев слезы со своего лица.

Ее разбудил звук работающего мотора. Крайстел открыла глаза и подняла голову, но не сразу поняла, где находится, и что произошло. Вокруг было темно. Крайстел протерла стекло и выглянула наружу. Слабая дымка покрывала небо на востоке, но она не могла ничего увидеть со своей стороны машины.

Она перебралась через сиденье водителя и протерла другое окно, по дороге громыхал большой трактор. Брэд стоял рядом, пока человек в бейсболке наклонял огромную канистру с бензином, заполняя бак спортивной машины.

Крайстел перебралась на свое сиденье и откинулась на подголовник. Она еще раз передвинулась, чтобы открыть дверцу Брэду, затем села на место, закуталась в одеяло и опустила голову. Она слышала, как Брэд и фермер обменялись несколькими приглушенными словами. Трактор заскрежетал, изверг облако дыма и поехал прочь.

Когда Брэд забрался в машину, девушка притворилась, что спит. Он повернул ключ, двигатель ожил, и они поехали домой. По дороге назад они не обменялись ни единым словом.

Отступление: Любовь оправдывает

Я хочу задать читателям два вопроса.* Прошу вас ответить на каждый из них обдуманно, прежде чем вы продолжите чтение. Готовы?

Первый вопрос: Любовь оправдывает все? Представьте, что вы находитесь в близких отношениях с кем-либо и приходит время решить, займетесь ли вы сексом. Вы верите, что любовь оправдывает сексуальные отношения?

Второй вопрос: Что такое любовь? Как вы определяете ее? Не отмахивайтесь от моего вопроса, это важно. Мы используем это слово все время — «я люблю мою собаку», «я люблю шоколад», «я люблю этот фильм», «я люблю тебя, Эсмеральда», — но что это значит? Остановитесь на секунду, прежде чем продолжать чтение, чтобы составить определение. Что это значит, когда один человек говорит другому: «Я люблю тебя»?

Теперь я могу шокировать вас моим ответом на первый вопрос. Дело в том, что я верю, что любовь *оправдывает* все. Но вы не сможете понять меня правильно, если не прочтаете внимательно мой ответ на второй вопрос.

Многие пары приходили ко мне после того, как они вступили в сексуальные отношения, и говорили: «О, мы так любим друг друга, что просто не смогли остановиться». Я отвечаю: «Нет, это произошло не потому, что вы любите друг друга слишком сильно, а потому, что вы любите друг друга слишком слабо».

Многие люди подпишутся под словами, что если в каждой ситуации, сложной с моральной точки зрения, вы руководствуетесь любовью, вы поступаете правильно. Здесь есть лишь одна проблема: эти люди часто не могут определить, какая любовь оправдывает секс.

С другой стороны, Библия не только подтверждает, что любовь оправдывает все, она идет дальше, давая определение любви: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13:8). Другими словами, любовь

* Хотя «Убийца любви» имеет двух соавторов, для простоты чтения мы будем использовать местоимение в единственном числе «я» в разделах «Отступление». Конкретные случаи взяты из личного опыта Джоша.

оправдывает. Но то же место Писания продолжает, описывая любовь: «Ибо заповеди: “не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай чужого”, и все другие заключаются в сем слове: “люби ближнего твоего, как самого себя”. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Рим. 13:9, 10).

Вы видите, Библия говорит нам, что любовь оправдывает, но она также определяет, что такое любовь, и это очень важно. Слово «*любовь*» подобно линии в книжке-раскраске. В нем нет содержания. Закон наполняет любовь содержанием, заповеди придают цвет картинкам.

Итак, что такое любовь, согласно Посланию к Римлянам, главе 13? **Любовь — это когда счастье, защищенность, духовный рост и физическое здоровье другого человека важны для вас так же, как ваши собственные.** Помните, Библия цитирует заповедь «любите своего ближнего *как* самого себя»; она не говорит вам, что вы должны любить своего ближнего *больше*, чем себя. Мы должны любить нашего Бога больше, чем себя, но мы должны любить нашего ближнего, друга или партнера в браке, *как* себя.

Послание к Ефессянам (5:28) помогает нам понять природу любви еще лучше: «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя». Что значит любить ваше собственное тело, как заповедует Писание? Следующий стих объясняет: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, *но питает и греет ее*, как и Господь Церковь (курсив автора)».

Питать ваше тело означает вести его к зрелости, вести его к разумному счастью, защищенности, духовному развитию и физическому здоровью. Так поступал Иисус: «Иисус же преуспевал в премудрости, в возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лук. 2:52).

Слово «*греть*» часто используется в популярных песнях о любви. Оно вызывает в воображении представление о маленькой девочке с хвостиком, сжимающей плюшевого мишку. Истинный смысл слова далек от этого. Слово «лелеять» также не означает чего-то сентиментального и слащавого. Греть ваше тело буквально значит защищать его от негативных и разрушительных воздействий. Картинка, иллюстрирующая это, — птица-мать, пикирующая на свое гнездо и расправляющая крылья над птенцами, чтобы защитить их от приближающегося шторма.

Если мы истинно любим себя так, как Бог predetermined нам, мы воспитаем в себе зрелость физическую, духовную, эмоциональную, социальную и интеллектуальную. Мы также защитим себя от всего, что может препятствовать этому процессу взросления.

Когда моей дочке Кэти было шесть лет, она услышала, как я делюсь с людьми стихами из Евангелия от

Матфея (22:37-39) о том, что надо любить своего ближнего, как себя. На пути обратно к машине у нее был озадаченный вид. Я спросил: «Что случилось, дорогая?» Она ответила: «Папа, если ты не любишь себя, тогда твой ближний действительно имеет проблему».

Она была абсолютно права, потому что любить себя становится основой для того, чтобы любить кого-то еще. Девушка, если ты встречаешься с парнем, который не любит себя чистой, библейской любовью, тебе лучше быть осторожной. Я бы не хотел, чтобы такой парень оставался наедине с моей дочерью в комнате. Юноша, если ты проводишь время с молодой девушкой, которая не любит себя, тебе следует поостеречься.

С другой стороны, вы можете представить себе, что значит находиться рядом с кем-то, кто любит вас так же, как свое собственное тело? Представьте себе, что парень (или девушка), с которым вы встречаетесь, обеспокоен вашим духовным ростом, вашей зрелостью, вашим воспитанием. Он заботится о вас, когда вы идете на свидание, интересуется тем, что вы делаете, он следит за вашей речью и за тем, как вы одеты, потому что он лелеет вас, греет и хочет быть уверенным, что ничто не будет препятствовать вашему счастью, духовному росту, безопасности и физическому здоровью. Вы можете довериться такому парню? Держу пари, что да. Хотели бы вы вступить в брак с кем-то, похожим на этого человека? Я думаю, да, и я знаю, что другие согласятся с вами.

Вы видите что, если человек пытается поколебать ваши принципы в области секса, он или она не любит вас. Неважно, что этот человек может сказать, — он не любит вас слишком сильно, он любит вас слишком мало. И часто оттого, что мы любим себя слишком мало, мы позволяем другим передвигать наши стандарты за границы, определенные Богом. Вот почему я хочу так воспитать моих детей, чтобы они любили себя; пока они этому не научатся, они не ходят на свидания. Потому что они не готовы любить кого-то еще.

Позвольте мне проиллюстрировать сказанное. Бог дал такие заповеди, как «избегайте прелюбодеяния», потому что он хотел защитить нас, позаботиться о нас, воспитывать и греть нас. Библия говорит: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (1 Кор. 6:18).

Несколько лет назад были известны только пять болезней, передающихся половым путем. Три года назад их количество увеличилось до 38. Сейчас описано более пятидесяти болезней, которые люди передают через сексуальные контакты. И вы, вероятно, слышали о них. Но вряд ли вы задумывались, что, занимаясь сексом с кем-либо, вы занимаетесь сексом с каждым из партнеров, которые появлялись у этого человека в течение последних 15 лет. Отчасти поэтому, если вы истинно любите себя, вы не должны мечтать о том, чтобы вступить в сексуальные отношения с кем-то за пределами данных Богом границ

брака. И если вы по-настоящему любите другого человека, вы не будете стремиться склонить его или ее к тому, чтобы совершить прелюбодеяние. Это не значит заботиться о человеке и «греть» его; так вы не сможете защитить своего любимого.

Любовь оправдывает все. Абсолютно верно. Любовь — это исполнение закона. Любовь не приносит вреда ближнему. Любовь видит сексуальные границы, которые дал Бог, и соблюдает их. Поэтому любовь оправдывает ожидание вашей первой брачной ночи, пока вы не будете абсолютно уверены в моногамности (стремлению иметь связь лишь с одним человеком) мужчины или женщины в моногамных отношениях, исполненных взаимной любви. Какой уникальный дар вы сможете предложить вашему мужу или жене!

Любовь оправдывает ожидание, пока посвящение друг другу не подтверждено и верность не ставит печать на взаимоотношениях любви.

7

Усталый и разбитый

— Прости меня, Крайстел, — Джейсон Видерс был клоуном, но он знал, когда клоунада неуместна.

— За что ты извиняешься? Ты был прав, — ответила Крайстел без выражения.

— Я сожалею, потому что ты заслуживаешь лучшего.

— Нет, это не так, — ответила она. Они разговаривали в школьном коридоре. По обеим сторонам тянулись ярко-желтые шкафчики. Красные дверцы начинались там, где коридор сворачивал по направлению к школьному офису. Занятия уже закончились, и вокруг практически никого не было. Крайстел огляделась, затем опустила голову и призналась:

— Самое худшее в том, что, если бы он вел себя иначе, понимаешь, не был бы таким смелым... Я не знаю, как сказать тебе это, но, я думаю, если бы он действовал медленнее, я, вероятно, сказала бы «да».

— Ты не знаешь этого наверняка, Крайстел.

— Ладно, — ответила она саркастическим тоном и закатила глаза. — Как я могу объяснить это тебе? — Они пристально смотрели друг на друга, пока на глаза Крайстел не навернулись слезы. — До прошлого вечера, Джейсон, я думала, что это он. Я думала, что я нашла любовь, которую я перестала искать так давно.

— Да, я знаю. Вот почему я сказал, что сожалею.

Двое друзей смотрели в лицо друг другу в тишине. Нижняя губа Крайстел задрожала, Джейсон обнял девушку.

Они стояли так довольно долгое время, пока Джейсон не ослабил свои объятия и не кашлянул многозначительно. Крайстел отпрянула и посмотрела на него. Он что-то показывал ей в холле глазами и кивками головы.

Крайстел повернулась и увидела Брэда Стюарта, который шагал к ним, держа руки в карманах. Он выглядел так, как будто сошел со страниц журнала мужской моды.

— Ты хочешь, чтобы я остался? — прошептал Джейсон ей на ухо.

— Нет, — ответила она твердо. Затем добавила мягче: — Спасибо, Джейсон, увидимся позже, хорошо?

Брэд стоял рядом с ними. Джейсон ободряюще прикоснулся к плечу Крайстел и покинул их. Крайстел глубоко вздохнула и перевела свое внимание на Брэда.

— Мы можем поговорить? — спросил он.

Ее губы скривились, и она кивнула.

— Я очень сожалею, — сказал он, четко произнося каждое слово, — о том, что произошло в тот вечер. Могу ли я что-то сделать или сказать?..

Крайстел отвернулась, ее плечи затряслись. Брэд сделал шаг к ней и развел руки в стороны, чтобы обнять, но она отпрянула.

— Хм, это не очень удобное место, — сказал он — Мы можем пойти куда-нибудь?

— Нет, — ответила она.

— Крайстел, — умоляюще проговорил Брэд. — Я чувствую себя ужасно.

Она ничего не ответила.

— У меня не было намерения причинить тебе боль или оскорбить тебя, я просто подумал, что мы уже готовы, что ты разделяешь мои чувства. Я был не прав?

Он ждал ответа. Наконец, когда он попытался начать снова, Крайстел заговорила.

— Все не так просто, Брэд, — она почувствовала, что ее гнев стихает, и попыталась поддержать его. Ей не удалось еще раз рассердиться.

— Почему нет? Я люблю тебя. Что еще тебе нужно?

Крайстел в нетерпении топнула ногой.

— Хорошо, — сказала она. — Во-первых, я христианка.

— Ладно, — сказал он так, словно ждал, что будет сказано больше. — Ну и что?

— Ты не можешь ожидать от меня, что я просто прыгну с тобой в постель. Это неправильно.

— Почему нет? — настаивал он.

— Потому что мы не женаты.

— О, пожалуйста, Крайстел, ты только послушай, что ты говоришь. Ты рассуждаешь как ребенок. Я думал, что любовь — это как раз то, чему учит христианство. Пойми, мы любим друг друга, и именно это оправдывает все, а не какой-то кусок бумаги из магистратуры.

Крайстел ощутила, что ее аргументы рассыпаются в прах, но это чувство вновь зажгло в ней гнев. Брэд взял ее за плечи и приблизил к ней свое лицо.

— Если ты не хотела этого, — сказал он настойчиво, — если ты не хотела быть со мной так же, как я хочу быть с тобой, я оставлю тебя в покое и никогда не вернусь снова.

Все, что ты должна сделать, — это посмотреть мне в глаза и сказать, что ты не хочешь этого. Давай, сделай это.

Он пристально посмотрел ей в глаза. Крайстел то поднимала глаза на него, то отворачивалась.

— Видишь? Ты не можешь этого сделать. Почему ты борешься с чем-то, чего мы оба хотим?

— Дело не только в этом, — она дернула плечами, чтобы стряхнуть его руки. — Понятно? В ней поднимался гнев, и ей, казалось, доставляло удовольствие каждое сердитое слово, которое она произносила.

— У меня был друг, который умер от СПИДа, — объявила Крайстел сквозь сжатые зубы. — Я не пойду на этот риск — больше никогда.

— Я предохраняюсь, — сказал он, явно задетый ее словами. — Я всегда использую презерватив. Он был у меня с собой прошлым вечером, *помнишь?*

— Этого недостаточно. У него тоже он был, — Крайстел почти прорычала последние три слова. Она закрыла глаза, чтобы сдержать свою ярость.

— Итак, что ты предлагаешь? Ты хочешь, чтобы я сдал анализ?

Крайстел не понимала, к чему он клонит, но сознавала, что не хочет продолжать разговор. Она повернулась спиной к Брэду и бросилась прочь.

Он догнал ее и, взяв за локоть, развернул к себе лицом.

— Тогда ты будешь чувствовать себя лучше? — настаивал он. — Если я сдам анализы? Ладно, я пойду в клинику! Тебе это нравится?

Он растянул последнее слово, обращенное к ней, как будто бы ожидал услышать эхо. Крайстел завернула за угол коридора как раз в тот момент, когда прозвучал последний звук.

— Крайстел! Остановись сейчас же! — прокричал Уилл Макконнел с верхней ступеньки лестницы, ведущей к площадке Фостер-Холл, старого церковного здания, которое сейчас было частью церкви.

Босая нога Крайстел замерла над водой. Лиз Каннингом попросила молодежную группу прийти после школы и помочь осушить затопленную площадку перед церковью. Крайстел и Дарсел должны были приехать первыми; Дарсел, все еще снимая туфли и носки, сидела на ступеньках позади Крайстел.

— Не двигайся! — предостерег ее Уилл. Он перепрыгнул вниз через ступеньки и приземлился рядом с Крайстел. — Кто-нибудь уже входил в воду?

— Нет, — ответила Крайстел, на ее лице было написано изумление. — Я только собиралась.

— Пока не надо, — приказал он. — Мне нужно что-нибудь металлическое.

Уилл вопросительно посмотрел на девушек. Амбер, пришедшая следом за ним, спустились по лестнице следом за Уиллом. Никто не ответил ему.

— У кого-нибудь есть мелочь? — он сунул руки в карманы. — Нет, не надо; у меня есть.

Он вынул маленькое колечко от ключей и сунул его в воду у ног Крайстел. Затем пожал плечами.

— Ладно, теперь, я думаю, вы можете заходить, — он сел на ступеньки, чтобы снять носки и ботинки. Крайстел все еще с любопытством смотрела на него.

— Это чтобы убедиться, — объяснил он, — что нас не ударит током.

«Просто здорово! — Крайстел не хотела приходить сюда с самого начала. — Я не хочу ни с кем общаться, — сказала она Дарсел, — особенно с ребятами из церкви». Но Дарсел все же убедила ее прийти. Она не подумала о том, что их могло ударить током.

Дарсел посмотрела на затопленную площадку, потом снова на Уилла.

— Не глупи, Уилл, — сказала она. — Здесь ничего подобного нет. Кроме того, Лиз сказала, что пастор уже был здесь и все проверил.

Уилл улыбнулся, пожал плечами и вошел в воду, потом нагнулся, чтобы достать ключи. Вода уже почти достигла джинсов, которые он подвернул. Он остановился и закатал их выше колен.

— Заходите, вода замечательная! — он помахал девочкам, которые следовали за ним.

— Она холодная! — взвизгнула Крайстел.

— Не могу поверить, что здесь так глубоко, — добавила Амбер.

— Самое главное, что нам нужно сделать, — сообразить, откуда прибывает вода.

— Не лучше ли нам попытаться выяснить все, выйдя на сухое место? — спросила Дарсел.

— Да, конечно. Почему бы вам ни сделать этого, а я пока осмотрюсь.

Крайстел и Дарсел начали составлять стулья на столы, убирая все вещи с пола и пытаясь переместить все повыше. Когда Уилл и Амбер скрылись за углом, Дарсел заговорила тихим голосом:

— Ты не закончила рассказ о твоём разговоре с Брэдом.

Крайстел схватила пластиковый стул обеими руками и подняла его, чтобы забросить на стол. Она открыла рот, чтобы ответить Дарсел, но, поскользнувшись, потеряла равновесие.

Она приземлилась на спину. Стул, вырвавшийся у нее из рук, упал на нее через секунду после того, как она плюхнулась в воду.

Дарсел подскочила к ней, чтобы помочь, но пошатнулась на скользком полу и приземлилась рядом с ней, как игрок в бейсбол, достигающий второй базы. Они

обе с трудом поднялись на колени и помогли друг другу встать на ноги, промокнув до нитки.

— Отличное развлечение! Внимание, я иду! — Джейсон Видерс прошлепал вниз по ступенькам и плюхнулся в воду в ластах и маске. В руке он сжимал какой-то пищащий предмет. Когда он приблизился, подруги разглядели, что это резиновая уточка.

Обе девушки дрожали в объятиях друг друга. Крайстел почувствовала, что вот-вот заплачет из-за всех сегодняшних разочарований, когда они с Дарсел вышли из воды. Нелепый вид Джейсона заставил их улыбнуться. Крайстел игриво похлопала его по плечу в ответ на широкую улыбку.

— Вы выглядите, как пара мокрых куриц, — сказал он.

— Ты собираешься плавать или работать? — спросила Крайстел.

— Я надеялся позаниматься немного и тем, и другим, — ответил он, перемежая свои слова писком резиновой игрушки.

— Тогда вот, — сказала она, поднимая стул и вручая его Джейсону в руки. — Начни с работы.

Они трудились, составляя стулья, игрушки, книги и коробки на все доступные поверхности. Лиз Каннингем и Джой Акияма присоединились к ним вскоре после того, как пришел Джейсон. Вся группа усердно работала, обмениваясь лишь случайными словами.

— У меня есть две новости, хорошая и плохая, — объявил Уилл, когда вернулся туда, где работали девочки. — Мы нашли, откуда течет вода... плохая новость в том, что я не имею ни малейшего представления, что мы можем с этим сделать. Она сочится через стену и пол.

Группа последовала за ним к углу здания, где было заметно движение воды. Уилл указал на рубцы в полу и стене.

— Видите? — сказал он. — Я не знаю, прорвана ли здесь труба или случилось что-то еще.

— Я думаю, все, что мы прямо сейчас можем сделать, — это попытаться убрать как можно больше вещей с пола.

Внезапно Крайстел посмотрела на Уилла и Амбер, стоявших рядом с закатанными штанами, и почувствовала боль в груди. «Они выглядят такими счастливыми вместе, — подумала она, — в них действительно есть что-то особенное». Она вспомнила свою утреннюю сцену с Брэдом, и ей очень захотелось оказаться в одиночестве, чтобы поплакать.

Дуэйн Каннингэм и Регги Спенсер пошли прямо в церковь после того, как закончили работу на строительной площадке, и присоединились к ребятам. Дуэйн сделал несколько звонков, и вскоре приехал большой грузовик, выбросил длинный шланг на землю и начал выкачивать воду в канализацию на улице. Они работали еще некоторое время после восьми часов. Так как никто из них ничего не

ел, все решили пойти во «Дворец Пиццы», чтобы поужинать.

— Ты сегодня неразговорчива, — сказала Дарсел по дороге домой. — Ты в порядке?

Крайстел пожала плечами:

— Я не знаю. Может быть, я просто устала.

— Да, ты наверняка даже не сомкнула глаз прошлой ночью. Думаешь, тебе будет лучше завтра утром?

— Я не знаю, — ответила она ровным голосом. — Я просто хочу лечь в постель.

Крайстел откинула голову на спинку сиденья, и они проехали остаток пути домой, не говоря ни слова.

* * *

Рэтсбэйн знал, что за темная тень повисла над ним. Он ускорил шаги, направляясь к клавиатуре, и попытался выглядеть занятым как раз в тот момент, когда Маллус опустил на платформу ИТЗ, шумя крыльями. Он повернулся к Рэтсбэйну с шипением.

— У тебя есть какие-нибудь результаты?

Жабомуравей громко сглотнул, потом стал рассказывать Маллусу о нескольких делах, за которыми он следил лично, упомянув, наконец, номер дела Крайстел.

— 8463 продвигается просто замечательно. Скоро я заставлю ее убедиться, что любовь оправдывает все, и она займется этим с британцем. Мы могли потерпеть некоторый ущерб вечером: она была в церкви с этими юнцами. Ты знаешь, кого я имею в виду. Но я заставил ее следовать нашей линии и не дал возможности поделиться переживаниями с другими. Я не думаю, что эти студенты повредят.

— Как насчет тех двоих? Ты работал над ними?

— О да, и здорово, что я мог испробовать «Великий миг» на них, потому что они оба упрямо пытались противостоять всем демоническим искушениям и избежать греха. Но, думаю, я убедил их, что они уже не дети. «Если вы любите друг друга, — говорил я им, — и вы оба желаете этого, то ничего плохого в этом нет». Я думаю, они начинают верить мне.

— Великолепно, — прошипел Маллус. — Именно этого мы хотим. Как только мы заставим их поверить в эту ложь, мы сможем продолжать дальше и дальше, пока их разум не затуманится настолько, что они не смогут распознать правду, даже если она будет оттягивать их за волосы и кричать им в лицо. Мы лишь уговорили их пойти на небольшой компромисс здесь, допустить аморальность там — и уже можем разрушать всю эффективность этой отвратительной Команды Освобождения, пока они не превратятся в группу «теплых» церковных детей, а их друзья не станут пищей для адского огня.

Рэтсбэйн, взволнованный речью Маллуса, исполнил короткий демонический танец, сгибая и выпрямляя ноги в

лягушачьих прыжках, перемежающихся с громкими воплями, кваканьем и проклятиями.

— Перестань ты, несчастный! — потребовал Маллус. — Ты хочешь, чтобы кто-то сообщил тебе, что ты счастливчик? Я хочу видеть, что делают эти невыносимые люди. Выводи их на экран.

Маллус ждал, поворачивая свою змеиную голову из стороны в сторону и наблюдая за работой Рэтсбэйна то одним глазом, то другим. Рэтсбэйн колотил по клавиатуре бородавчатыми пальцами и, наконец, отошел от нее, когда проявились изображения на экране.

* * *

— Все кончено, Крайстел, — Крайстел не могла узнать голос на другом конце телефонной линии. Мама Дэвис позвала ее к телефону, прервав серьезный разговор, который они вели с Амбер, оставшейся ночевать с ней и Дарсел.

— Кто говорит? — спросила она.

— Кэти.

— Кэти? — Крайстел пыталась собрать рассеянные мысли. Внезапно туман рассеялся. «Кэти, моя сестра Кэти». — Прости меня, Кэти, я не узнала тебя.

— Я говорила с Биллом, — ровно произнес голос на другом конце линии. — Я разорвала помолвку.

— Разорвала? Почему?

В ответ воцарилось молчание.

— Кэти?

— Да, я еще здесь. Послушай, я прошу прощения, что беспокою тебя. Я поговорю с тобой позже, ладно?

— Нет, Кэти, все нормально... Кэти? — Крайстел медленно отвела трубку от уха и мягко опустила ее на рычаг. Она стояла в коридоре долгое время, пытаясь определить и понять, что она чувствует.

Крайстел вернулась в комнату Дарсел, чтобы вновь присоединиться к ней и Амбер. Она села, скрестив ноги, на пол рядом с ними.

— Что я упустила? — спросила она.

Амбер выдавила слабую усмешку и взглянула на Дарсел, которая улыбнулась в ответ и кивнула.

— Я просто говорила Дарсел, — сказала Амбер, — что мы с Уиллом... — Слезы наполнили глаза девушки, но она быстро взяла себя в руки. — Мы с Уиллом встретились с Дуэйном и Лиз после того, как все ушли из «Дворца Пиццы». — Еще одна пауза. — Это так тяжело, девочки, — пробормотала она.

Подруги Амбер одновременно протянули руки к ней; Дарсел сжала ладонь Амбер, а Крайстел осторожно прикоснулась к ее плечу.

— Мы сказали им, — продолжала она, имея в виду Дуэйна и Лиз, — что нам нужен кто-то, с кем можно

поговорить по душам, кто-то, с кем можно было бы посоветоваться, потому что уже начали испугаться того, куда мы идем.

Амбер отпустила руку Дарсел, повернулась и взяла бумажный платок со столика возле кровати.

— Это так смущает меня, — сказала она, потом снова замолчала. — Сначала мы с Уиллом не придавали этому никакого значения, — сказала она быстро, как будто бы она спешила выговорить все сразу. — У нас не было секса или чего-то такого, но мы делали некоторые вещи, которые, мы знаем, неправильны. Но теперь мы оба чувствуем себя ужасно, — она поднесла бумажную салфетку к носу, и слезы потекли потоком по ее щекам. — Я не могу поверить, что говорю вам это, — прошептала она.

«Я тоже», — подумала Крайстел.

Амбер продолжала:

— Я теперь знаю, что мы должны ограничивать себя, ведь так? — она снова высморкалась и вытерла нос. — Лиз объяснила, что мы не договорились о правилах поведения, когда начали встречаться, и в этом была наша ошибка... *одна* из наших ошибок, — сказала она, выделив голосом последнюю фразу. — И сейчас, когда прошло столько времени, — продолжала Амбер, — мы чувствуем себя виноватыми. Кажется, что теперь у нас не может быть обычных свиданий. Или что мы не можем оставаться самими собой, когда мы вместе.

Амбер глубоко вздохнула, убрав волосы назад.

Дарсел вступила в разговор, введя Крайстел в курс дела касательно остального, что она упустила, пока ходила к телефону разговаривать со своей сестрой.

— Дуэйн и Лиз сказали Амбер и Уиллу, что они должны исповедаться своим ближайшим друзьям, которые возьмут на себя обязанность не только держать это в секрете, но молиться за них и позволить делиться с собой происходящим. Ты знаешь, нужно спрашивать их постоянно, хранят ли они себя в чистоте, и тому подобные вещи.

Крайстел перевела взгляд с Дарсел на Амбер, которая кивнула. Первый раз с того момента, как она призналась во всем своим подругам, глаза Амбер встретились с глазами Крайстел.

— Я думаю, мы могли бы сделать это для нее, — продолжала Дарсел. Она обняла Амбер и протянула руку Крайстел. — Мы можем начать молиться прямо сейчас.

Крайстел взяла за руки своих подруг.

— Ты хочешь вести молитву, Крайстел? — спросила Дарсел.

— Нет, — быстро ответила она. — Начинай ты.

8

Время для дискуссии

Похоже, ее преследует привидение. Крайстел завернула за угол и вошла в офис мистера Детвейлера, нервно оглядываясь через плечо.

Несколько раз по пути от шкафчика визгливый, скрипучий голос, казалось, шептал ее имя. Она была почти уверена, что слышит его. Но когда она оборачивалась, чтобы увидеть источник звука, она не видела никого, кроме нескольких студентов, которые прогуливались по коридору, пили из фонтанчика или набирали комбинации шифров своих шкафчиков.

Крайстел остановилась и вывалила книги на стол мистера Детвейлера. Она боролась с собой, чтобы сдерживать бурные эмоции.

«Выгляну еще раз в коридор», — решила она, глубоко вдохнула и шагнула к дверному проему — где и столкнулась с вбегающим Джейсоном Видерсом. Он наскочил на нее, она отлетела назад и растянулась на полу.

— Крайстел! Извини, — воскликнул Джейсон, помогая ей снова встать на ноги.

Крайстел трясло, когда она встала; она прижалась к Джейсону, обвивая руками его шею.

— Ты в порядке? — спросил он, обнимая ее, чтобы поддержать.

Она кивнула:

— Я в порядке. Правда. Я не ушиблась, но ...

Ее перебил многозначительный кашель. Брэд Стюарт появился за спиной Джейсона, подождал секунду, глядя с намеком на молодых людей, которые оказались в объятиях друг друга. Наконец он обошел их и прошел в аудиторию.

Джейсон кротко улыбнулся Крайстел.

Она разомкнула объятия и медленно отступила.

— Я в порядке. У меня лишь немного закружилась голова...

— Эй! Мы начинаем. — Чэйз Эверетт, звезда школьных дискуссий, появился в дверях класса. Он, очевидно, хотел, чтобы студенты оставили все дела и ответили на его призыв.

Крайстел и Джейсон прошли в соседнюю комнату и заняли свои обычные места в начале класса. Брэд сидел в последнем ряду, вытянув ноги в проход.

— Пришло время, — объявил мистер Детвейлер, — определиться, в каком мероприятии вы будете участвовать. Кроме того, пора выбрать темы.

Крайстел бросила взгляд на Джейсона, по которому можно было прочитать: «Я понятия не имею, что я буду делать».

Джейсон уже решил, что будет участвовать в ЮИ — юмористической интерпретации, в которой он собирался представить десятиминутную юмористическую выдержку из литературных произведений. Крайстел ничуть не удивил его выбор, но у нее были проблемы с тем, чтобы сделать свой собственный.

— Могу я сказать, чем бы я хотела заняться? — спросила Лианн. Мистер Детвейлер кивнул. Энергичная блондинка понеслась по проходу на всех парах: — Я хочу заниматься прозой и поэзией Джима Моррисона. — На лице

мистера Детвейлера появилось растерянное выражение. — Вы знаете песни группы «Дорз»?

Учитель кивнул, но по его виду невозможно было определить, понял ли он, о чем говорит студентка.

— В любом случае, — продолжала Лианн с намеком на нетерпение в голосе, — я хочу использовать выдержки из его биографии «Никто не уйдет отсюда живым» и еще кое-какую прозу о Джиме Моррисоне и цитаты из его собственной поэзии. Я думаю, это будет *очень* круто.

Мистер Детвейлер откашлялся.

— Без сомнения, это будет круто, — сказал он, подхватывая интонацию. — Но позвольте мне спросить вас, вы собираетесь сделать акцент на том, что этот парень Моррисон — великий поэт? Или что он лучше, чем Фрост и Уитмен? Или что он символизирует упадок английской поэзии в этом столетии? Или что-то совсем другое?

— А как на счет акцента, — предложил Джейсон, — на том, что он был подонком?

Лианн была явно шокирована предложением Джейсона.

— Не сердись, — добавил он примиряюще, понимая, что задел чувствительную струну. — Я просто пошутил.

— Ваша задача сейчас, мисс Фоулер, — вставил мистер Детвейлер, обращаясь к Лианн, — решить, чего вы хотите добиться своей речью. — Он сурово взглянул на Джейсона. — Недостаточно говорить интересно: вы должны говорить убедительно. Вы должны спросить себя: в чем я пытаюсь убедить моих слушателей?

Лианн улыбнулась мистеру Детвейлеру, прежде чем опустить взгляд в тетрадь. Она начала торопливо писать.

— Что-нибудь еще? — движение в конце комнаты привлекло внимание учителя. — Мистер Стюарт?

— Я собираюсь участвовать в нескольких мероприятиях, — сказал Брэд, отчетливо выговаривая слова. Крайстел не оборачивалась; она сидела на своем месте, не двигаясь. — Ораторское искусство — то, чем я определенно хочу заняться. Я планирую подготовить речь о том, что сексуальные запреты базируются на религиозных предрассудках.

Джейсон поймал взгляд Крайстел. Ее уши и щеки покраснели.

— Это довольно широкая тема, не правда ли? — возразил Чейз. — Не хочешь ли ты ограничить ее хотя бы до рамок западной культуры?

— На самом деле, — ответил Брэд, — то, что ты упомянул, тоже достаточно объемная тема. — Чейз кивнул. — В Соединенном Королевстве, например — а мы, конечно же, относимся к западной культуре — люди более свободны в подобных вопросах.

— Ты хочешь сказать: более свободны или более аморальны? — бросил Джейсон Брэду.

— Большое спасибо, — Брэд мило улыбнулся Джейсону. — Ты абсолютно точно иллюстрируешь мою точку зрения. Сексуальное поведение американцев и их

вера так сильно ограничены устаревшими идеями и страхами, что я задаюсь вопросом, может ли истинная, здоровая сексуальная жизнь быть источником радости в этом обществе.

— Вы приблизились к составлению предложения, мистер Стюарт, — сказал мистер Детвейлер.

— Да, он силен в предложениях, — фыркнул Джейсон так тихо, что только Крайстел могла услышать.

— Я думаю, очень печально, — продолжал Брэд, игнорирую попытку учителя изменить направление дискуссии, — что люди могут искренне любить друг друга и все же оставаться под контролем нерациональных страхов и надуманных моральных норм, которые лишают их полноценных взаимоотношений.

Когда Брэд закончил говорить, Крайстел медленно поднялась со своего места. Выпрямившись, она стояла несколько секунд, затем повернулась к мистеру Детвейлеру и сказала:

— Прошу прощения.

Она вышла из комнаты, не взглянув ни на Джейсона, ни на кого-либо еще.

Джейсон покинул комнату через несколько минут после Крайстел. Брэд закончил говорить, и Чейз педантично обрисовал свои планы на занятия дискуссионной группы в этом году.

Джейсон безуспешно обыскал коридоры в поисках Крайстел. Наконец он скрипнул дверью туалета девочек и прошептал:

— Крайстел? — Он прислушивался несколько секунд, затем повторил: — Крайстел? Это я, Джейсон.

Он начал закрывать дверь, когда тихий голос донесся изнутри.

— Я выйду через минуту, — сказала Крайстел сдавленным голосом.

Джейсон ходил взад-вперед по коридору, пока она не появилась.

— Не позволяй ему приближаться к тебе, Крайстел. Он подонок.

— Я не могу поверить, что он сделал это, — сказала она.

— Он подонок, — повторил Джейсон, как будто бы это был ответ на все вопросы.

— Я не могу вернуться туда, Джейсон. Я не могу оказаться перед ним прямо сейчас.

— В любом случае, они уже почти закончили. Мы можем просто пойти домой. Ты хочешь взять что-нибудь из шкафчика?

Крайстел отрицательно покачала головой, и они вместе покинули школу.

Когда Крайстел пришла в дом Дэвис, Кэти уже была там. Она сидела на краю кровати, играя своим платком.

— Я надеюсь, ты не возражаешь, что я ждала тебя здесь, — сказала Кэти. — Я думала, ты придешь домой раньше.

— Нет, — сказала Крайстел, почти обрадовавшись возможности отвлечься от печальных мыслей о сегодняшнем вечере. — Нет, я не возражаю. Я обычно прихожу домой раньше, но у меня после уроков была дискуссионная группа.

— Я не знала, что ты посещаешь дискуссионную группу, — Кэти казалась удивленной.

— А я и не посещала ее раньше, я только начала. — «И только что закончила, — подумала она. — Скорее всего». Она швырнула свой портфель в угол и села рядом с сестрой на кровать.

Они слабо улыбнулись друг другу, но разговор все не начинался. Кэти, казалось, изучала занавески и мебель в комнате, ее глаза бегали от окна к столу, к двери.

— Вы с Биллом все еще?.. — Крайстел точно не знала, как сформулировать вопрос.

Кэти кивнула:

— Он сейчас просто с ума по мне сходит.

После еще одной паузы Крайстел спросила:

— Что заставило тебя разорвать помолвку?

Кэти глубоко вздохнула, повернулась и оперлась коленом о кровать, чтобы посмотреть в лицо Крайстел.

— Я просто поняла, что не могу выйти за него. Мы совсем не знаем друг друга. — Слезы наполнили ее глаза, и она достала еще один платок.

— Вы встречались в течение двух лет!

— Да, — сказала Кэти. Она изучала лицо Крайстел, как будто взвешивала, стоит ли ей доверять. — Я отвлекаю тебя от дел?

Крайстел покачала головой. Они обе почти одновременно забрались дальше на кровать. Кэти уселась в углу и прислонилась к стене; Крайстел скрестила ноги и обхватила их руками.

— Никто не знает этого, Крайстел, но мы с Биллом — ну, мы валяли дурака в течение долгого времени. Мы были, ну, в сексуальных отношениях друг с другом, ты понимаешь?

Крайстел надеялась, что удивление не отразится на ее лице. Кэти всегда была «совершенной» дочерью; Крайстел не могло даже присниться, что ее сестра окажется сексуально активной — особенно с Биллом. Они были такой «кристально чистой» парой.

— Это беспокоило меня долгое время. Но мне кажется, я все еще люблю Билла. Я хочу сказать, вот почему я сделала этот шаг.

Крайстел осознала, что сестра переживает тяжелые времена, когда всмотрелась в нее. Кэти время от времени поднимала свой взгляд на лицо Крайстел, но так и не встретила с ней глазами.

— Как только Билл предложил мне выйти за него замуж... — Она громко всхлипнула и остановилась, чтобы высморкаться. — Как только Билл предложил мне выйти за него замуж, я стала думать о нас, и о наших взаимоотношениях, и о том, на сколько они серьезны. Я

хочу сказать, что мы встречались и занимались сексом, понимаешь? Но я не думаю, что мы действительно узнали друг друга.

«Узнали что? — не могла не подумать Крайстел. — И это мы говорим о Билле Фулере!»

— Мы ходили гулять, и мы делали это, ну, ты понимаешь. При этом мы никогда не говорили по-настоящему, потому что он хотел заниматься только этим, — ты понимаешь. У нас никогда не было шанса стать *действительно* близкими, Крайстел. Я временами думала, что мы близки, но у нас был только секс. И теперь я поняла, что не знаю Билла, и уверена, что он не знает меня.

Крайстел наблюдала за лицом своей сестры. Губы Кэти начали дрожать, ее ноздри раздувались, а глаза покраснели. Через секунду Кэти рыдала на руках Крайстел. Та крепко обнимала свою старшую сестру и испугалась, когда обнаружила, что тоже плачет.

— Крайстел, дорогая, тебя к телефону, — позвала снизу мама Дэвис. Кэти ушла час назад, и Крайстел уже уснула. Она вышла из своей комнаты и подняла трубку.

— Алло?

— Это Крайстел Уэйн?

— Да.

— Мисс Уэйн, я из статистического центра Кантера. Мы проводим опрос. Я хотел бы знать, не сможете ли вы ответить на некоторые вопросы?

— Ну, я...

— Вы придерживаетесь взгляда, что все мужчины мерзавцы и их нужно топить при рождении?

— Что? Кто это?

Что-то похожее на хихиканье на другом конце подсказало ей, кто звонит.

— Джейсон, перестань шутить.

— Как ты узнала, что это я?

— А как ты думаешь, скольких идиотов я знаю?

— Ладно, большое спасибо. Я думал, я просто позвоню и попытаюсь немного развеселить тебя.

— Ну, спасибо. Но мне не очень весело.

— Все еще чувствуешь себя по-дрянному?

— Я в порядке.

— Я бы так хотел, чтобы ты просто забыла его. Не позволяй ему приближаться к тебе. Он не стоит тебя.

— Я хочу сказать, что в воскресенье вечером я с ума сходила по нему, я уверена в этом, но позже должна была забыть его. Он не дает мне ни малейшего шанса, как будто бы хочет, чтобы я возненавидела его.

— И ему удалось?

— Что-то вроде того.

— Что-то вроде того? — голос Джейсона повисился до визга. — Я не могу поверить, Крайстел. Что с тобой происходит?

— Что со *мной* происходит? — повторила она, удивленная тоном Джейсона.

— Может убедить тебя в том, что Брэд подонок?

— Джейсон, — начала она, но не смогла закончить.

— Он не для тебя. Крайстел. Тебе нужен кто-то, кто будет заботиться о тебе. Кто-то, у кого те же ценности, что и у тебя.

— Да, верно. Куда мне нужно пойти, чтобы найти такого?

Джейсон ответил на ее вопрос молчанием. «Сердитым молчанием», — подумала Крайстел.

— Послушай, Джейсон, я действительно благодарна тебе за звонок, но я, в самом деле, не могу сейчас долго говорить. Пожалуйста, не сердись на меня. Я не хочу больше обсуждать это.

Они попрощались друг с другом, и Крайстел вернулась в свою комнату, где обняла руками подушку и бросилась лицом вниз на кровать.

* * *

Я хочу держать тебя, хочу прижать тебя,

Хочу любить тебя, хочу улаживать тебя,

Хочу быть твоим мужчиной навсегда,

Давай разденемся вместе, подруга моя.

Рэтсбэйн ухмыльнулся от удовольствия: вот так песню он только что сочинил! Он издал самодовольный смешок.

— Это неплохо, — сказал он. — Я, должно быть, в прошлой жизни был рогатой жабой! — Он снова рассмеялся собственной остроте.

Пронзительным визгом он позвал Белчабуба в микрофон. Центральный монитор огромной консоли ИТЗ, состоящий более чем из 50 экранов, показывал Крайстел Уэйн за обеденным столом рядом с Дарсел и мамой Дэвис. Крайстел редко присоединялась к разговору и почти не ела свиные котлеты, яблочный соус и зеленые бобы, лежащие на тарелке.

Белчабуб перепрыгнул через ступеньки платформы слишком быстро, потерял равновесие, покатился на пол и резко затормозил, наткнувшись на Рэтсбейна, в результате чего они оба опрокинулись на консоль ИТЗ с громким хрустом.

— Ты, дубинноголовый! — прокричал Рэтсбэйн. Он с трудом взял себя в руки и указал на клавиатуру. — Я хочу, чтобы ты был здесь, на этой стороне клавиатуры. Мы планируем ударять по ней сильно и часто.

— Ударять по кому? — спросил Белчабуб, перемежая свой вопрос булькающими отрыжками.

— Ух! — закатил глаза Рэтсбэйн. — Ты знаешь, что ты просто тупой и омерзительный?

Белчабуб ничего не сказал, но улыбнулся — было совершенно ясно, что он польщен. Они оба снова

повернулись к клавиатуре, когда Белчабуб понял, что не услышал ответа на свой вопрос.

— Ударять по кому? — повторил он.

— 8463, ты, слабоумный! — он указал на изображение Крайстел на экране. — Я хочу, чтобы ты противодействовал всякому вмешательству со стороны Врага. И следи за тем, чтобы уровень СО оставался низким. — Он заметил озадаченный взгляд Белчабуба. — Это уровень самооценки, идиот. Понял?

Бесенок кивнул, и Рэтсбэйн повернулся к экрану. Предложение Крайстел о помощи с уборкой было отклонено. Она поднялась по лестнице и вошла в свою комнату.

— Замечательно! — воскликнул Рэтсбэйн. Он начал яростно вводить команды и комбинации в сложный компьютер. Длинная очередь знаков и изображений ползла внизу экрана под медленнодвигающимся изображением Крайстел.

Рэтсбэйн бормотал в микрофон по ходу работы:

— Бедная Крайстел. Ты потеряла самого совершенного мужчину, потому что ты не отдалась ему физически, а?

Он презрительно ухмыльнулся своему помощнику, прекращая работу. Его глаза были устремлены на экран.

— Но, Крайстел, он же не просил тебя сделать ничего, чего ты не хотела сама? Он не просил тебя сделать ничего, чего ты не делала раньше. Много раз, а, много раз, Крайстел? Что хорошего, по-твоему, в том, чтобы отвергнуть его подобным образом? Ты не можешь снова стать девственницей, Крайстел. Ты уже испачкана. Испорченный товар!

Белчабуб высунул длинный узкий язык, облизал свою вытянутую морду и почти вплотную приблизился к экрану монитора, гипнотизируя его. Рэтсбэйн тяжело наступил ему на ногу:

— Ты здесь не зритель, ты — презренная масса металлического мусора! — Белчабуб заорал от боли в невидимое ухо Рэтсбэйна и ударил по указанным ему клавишам раз или два.

— Девушка, подобная тебе, — снова обратился Рэтсбэйн к Крайстел, — не может позволить себе быть целомудренной и чистой. Если ты не дашь Брэду то, чего он хочет, он просто найдет это где-нибудь еще. В любом случае, если ты действительно любишь его, то позволишь ему все.

Рэтсбэйн повернулся к Белчабубу.

— Проверь счетчик СО, — приказал он. — Как он?

Белчабуб пробежал пальцем вниз по ряду приборов со стрелками, указывающими на черные и красные сектора:

— Низкий. И быстро падает. Это работает!

Рэтсбэйн захлопал чешуйчатыми руками, потом потер ладони, как будто бы грея их над огнем. Он подкатил свое кресло ближе к консоли.

— Поддерживай его в таком состоянии, ты, дьявол. Это работает. Мы будем посылать эти импульсы, пока не сможем привести ее в режим спячки.

Он уставился на изображение несчастной Крайстел на экране.

— Глина в моих руках, — сказал он.

* * *

— Ты не была на дискуссии вчера, — сказал Джейсон, подходя к Крайстел, которая стояла с Амбер и Хиллари Путнэм у открытого шкафчика. Это было утро вторника через два дня после того, как девушка вышла из класса мистера Детвейлера.

Крайстел пожала плечами:

— Я чувствовала себя неважно и пошла домой сразу после школы.

— О, — сказал он, пытаясь встретиться с ней глазами. — Я боялся, что ты собираешься бросить занятия.

Она взглянула на своих друзей и снова пожала плечами:

— Я не знаю, может быть, я так и сделаю.

Джейсон оторопел:

— Ты не сможешь так поступить!

Амбер коснулась рукава Крайстел.

— Мы должны идти. Увидимся за ланчем, ладно, Крайстел? — Она и Хиллари явно уклонялись от разговора.

— Послушай, — сказал Джейсон, когда девушки ушли. — Я сожалею о том вечере.

— Я тоже, Джейсон. У меня просто не было настроения разговаривать с кем бы то ни было.

Прозвенел первый утренний звонок.

— Мы должны идти на занятия, — он посмотрел в обе стороны вдоль коридора на студентов, бегущих в классы. — По крайней мере, сегодня ты посетишь дискуссионный клуб? Мы можем встретиться здесь после уроков и пойти вместе.

— Скорее всего, нет, Джейсон. Не думаю, что смогу.

Крайстел повернулась и захлопнула дверь своего шкафчика.

* * *

Монотонный гроыхающий ритм сотрясал подземный потолок и каменные стены Субсектора 1122 вибрацией, заставляющей дрожать мозги. Звериные головы демонов-мутантов периодически поднимались из-за компьютеров, чтобы посмотреть на источник неприятного звука.

Рэтсбэйн в отсутствие прораба Маллуса откинулся на компьютерном стуле на колесах, ноги амфибии лежали на консоли ИТЗ. В руках он сжимал две тонкие кости ноги или руки какого-то существа. Ими он быстро барабанил по краю Импульсного Трансдюосера Главного Зла.

*Почему бы нам ни сделать это,
Почему бы нам ни сделать это?
Давай станем любовниками
Под одеялом
И будем делать это, делать это, делать это,
делать это,*

Пока твоя мама не вернется домой.

Пел Рэтсбэйн, отстукивая ритм, открывая и закрывая свою нижнюю челюсть в ликующей усмешке.

Дюжина мониторов на консоли ИТЗ мерцала различными изображениями. На одном экране мальчик, по виду ученик колледжа, хлопнул дверью общественного туалета, затем запер ее за собой, прежде чем извлечь стеклянный пузырек и лезвие бритвы из своего пиджака. Он высыпал легкое белое вещество на стойку и наклонился, чтобы вдохнуть его.

На другом экране было изображение девушки, сидящей на задних рядах маленькой церкви. Она наклонилась к скамье, стоящей впереди, и обхватила голову обеими руками.

Рэтсбэйн схватил наушники с клавиатуры и надел их на голову одной рукой.

— Белчабуб! — прокричал он в микрофон. — Быстро взгляни на 6124. Она, кажется, собирается совершить какую-то глупость вроде молитвы, — он прислушался на секунду, затем ответил: — Следи, чтобы она этого не сделала.

Он швырнул наушники обратно на клавиатуру и снова начал стучать.

Через секунду все экраны, кроме центрального монитора, переключили на новое изображение, которое продержалось приблизительно одну минуту, пока Рэтсбэйн не прервал цикл. Подобным образом ИТЗ мог отображать свыше 1000 людей в течение 20 минут.

Короткое содрогание стен в пещере ИТЗ заставило Рэтсбэйна перестать барабанить. Он застыл, его руки повисли в воздухе, и он прислушался. Через некоторое время, удостоверившись, что больше нет никаких вибраций, он поднял кость, чтобы возобновить свое представление на ударниках, когда кусок скалы величиной с арбуз разбился о пол рядом с ним. Последовало еще одно содрогание, сильнее первого, и вскоре куски скал обрушились каскадом с потолка, как град.

Завыли сирены по всему Субсектору 1122, из компьютеров посыпались искры по всей пещере.

— Господи, помилуй! — закричал Рэтсбэйн и только потом, осознав, что он сказал, ударил себя рукой по губам. Он нацепил наушники и торопливо начал работать на клавиатуре, а камни падали, как дождь, и обломки проносились рядом с ним.

— Обвал! — визжал демон в микрофон. Он громко выругался, когда обнаружил, что Белчабуб забрался под компьютерный стол. — Я сказал, ОБВАЛ В 1122! — повторил Рэтсбэйн, затем сорвал наушники и бросил себе

на колени. Он тоже залез под стол, и его единственная уцелевшая антенна торчала из-под стола, как перископ подводной лодки.

— Белчабуб! — провизжал он в смятении. — Быстро поднимайся сюда, НЕМЕДЛЕННО!

Фигура броненосца металась по полу пещеры, уворачиваясь от падающих камней и осколков мебели. Наконец, он неуклюже приковывался на платформу и попытался втиснуться под стол, где уже сидел Рэтсбэйн.

Рэтсбэйн выпихнул Белчабуба из их общего убежища.

— Садись за клавиатуру, — провизжал он. — Выведи 6124 на экран. Ты должен был удержать ее от молитвы, ты, никчемная склянка с червями.

— Я пытался, — возразил Белчабуб, пробираясь к клавиатуре. — Я завалил девчонку воспоминаниями о прошлых грехах и убедил ее, что Враг никогда не сможет услышать ее молитвы.

Он ввел серию команд и уставился на экран. Девушка оставила попытки молиться и стояла у окна магазина, с отсутствующим видом грызя ногти на руках.

— Я был прав, — завопил Белчабуб, пытаясь перекричать шум обвала в пещере. — 6124 больше не молится.

— Ладно, похоже на то, — прокричал Рэтсбэйн в ответ. Он изрыгал проклятия без остановки.

* * *

Крайстел никогда не могла молиться долго; в этот раз, когда она опустилась на пол рядом со своей кроватью сразу после ужина, было так же. У нее не было слов. Она стояла на коленях в полной тишине, которая, казалось, длилась часы.

«Я не сдамся в этот раз, — пообещала она себе. — Я буду стоять на коленях всю ночь, если надо, но я должна сделать что-то. Так больше не может продолжаться. Я была настолько смущена эти последние несколько недель, и я знаю, главная причина заключается в моих взаимоотношениях с Брэдом.

Я понимаю, что привязалась к нему настолько, что сошла с дороги, и мои приоритеты смешались. Часть меня хотела бы забыть о Боге и о том, что правильно, а что неправильно. И я начала поступать так. Я стала забывать Тебя, Господь, и перестала обращать на Тебя внимание. Я не хотела говорить с Тобой, потому что, мне кажется, я боялась, что слушаться Тебя означает расстаться с Брэдом, но я потеряла Тебя из виду...»

Крайстел даже не заметила, как перешла от размышлений к молитве, но мысли несли ее в этом направлении, и она забылась в увлеченном разговоре с Богом.

Примерно через час Крайстел поднялась на ноги, встала рядом с кроватью, вытирая платком заплаканные глаза. След от ее колен все еще был виден на ковре.

— Эй, ты куда? — окликнула Амбер Крайстел в школьном кафе. Крайстел отошла от стола, за которым обычно сидела с Амбер, Хиллари и Джой.

Крайстел пристроила свой поднос на краю стола:

— Я не могу сидеть с вами сегодня, девчонки. Я должна поговорить с Джейсоном. Вы видели его?

— Джейсон Видерс? — спросила Хиллари, размахивая французской булочкой.

— Не берите в голову, я найду его, — Крайстел взяла свой поднос и зашагала прочь.

— Джейсон, мы можем поговорить? — выпалила она, когда подошла к нему.

Джейсон заморгал при виде Крайстел, потом посмотрел на друзей, окружавших стол.

— Прошу прощения, если я помешала, — сказала она, — но мне действительно нужна твоя помощь кое в чем.

— А, ну конечно, — сказал Джейсон. Он взглянул на поднос со своим обедом. — Ты хочешь поесть здесь или где-то еще?

— Вон там, — она кивнула на ближайший пустой стол.

— Ты в порядке? — спросил Джейсон, когда они сели друг напротив друга.

— Все отлично, — ответила она. — У нас с Богом состоялся долгий разговор вчера вечером, — она улыбнулась. — Что ты знаешь о дискуссии?

Джейсон перестал жевать. Он пожал плечами и промямлил что-то, потом поднял палец вверх, пока не закончил жевать, затем тяжело сглотнул и сказал:

— Я думал, ты решила не участвовать в дискуссионной группе.

— Я передумала, — сказала она легко. — Девушкам позволительно передумать. Но мне понадобится твоя помощь. Мне нужно многое навестать.

— Хорошо, — сказал он, — Я могу рассказать тебе все, что знаю, но это немного. В основном я помню это из печатных материалов мистера Детвейлера,

Крайстел скорчила гримасу:

— Я не изучила их с должным вниманием, честно говоря.

— Хорошо. Есть различные пути ведения дискуссии, как я понял. Не знаю, насколько я в них силен, но есть один вид дискуссий, в котором участвуют два человека. Они по очереди говорят короткие речи в пользу какой-то идеи или против нее, а потом каждому дается возможность сделать опровержение. Далее, есть главный вид дискуссий — или тот, который используется чаще всего. Члены команды задают вопросы другой стороне. Это называется Кроссэкзаменационным форматом, как мне кажется.

— Сколько людей участвует в этом виде дискуссии? — перебила Крайстел.

— Две команды по двое.

Крайстел кивнула.

— Последний вид, который мне известен, называется «Линкольн — Дуглас»: участвует по одному человеку с каждой стороны.

— И они по очереди произносят речи и выдвигают опровержения?

— Да, — сказал Джейсон серьезно, наконец. — А к чему это ты?

Крайстел хитро улыбнулась.

— Увидишь, — сказала она. Потом добавила. — Но мне понадобится твоя помощь.

Джейсон молча смотрел на Крайстел несколько секунд, прежде чем понял, что она имеет в виду.

— О да, конечно, — ответил он радостно. — Ты знаешь, где меня найти.

Она услышала это снова, как только вернулась в комнату мистера Детвейлера: хриплый голос, шепчущий ее имя. Она повернула голову и осмотрела коридор. Затем вошла в кабинет и быстро выглянула наружу.

Заметив чью-то голову в дверном проеме следующей комнаты, она нырнула обратно, опустилась на пол на четвереньки и выглянула в коридор — ее голова была почти у самого пола — как раз вовремя, чтобы увидеть, как голова Джейсона украдкой высунулась из-за дверного косяка, и услышать, как он жутким голосом шепчет: «Крайстел».

Тогда она встала и вышла в коридор.

— Джейсон Видерс, — сказала она учительским тоном. — Немедленно вставай на колени и проси у Бога прощения за свое ужасное поведение.

Джейсон бросился к Крайстел.

— Тебе совсем не нужно выходить из себя ради меня, — прошептал он. — Что ты имеешь в виду под «ужасным» поведением?

Она слегка шлепнула его по руке:

— Ты испугал меня до смерти, когда сделал это в прошлый раз.

— Сделал что?

Она пожала плечами:

— То, что ты делал сейчас.

— Я не делал этого раньше. Когда это было?

— Стоп, Джейсон. Я поймала тебя. Ты не знаешь, когда нужно остановиться? — Она жалобно улыбнулась Джейсону, повернулась и вошла в классную комнату.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — настаивал он обиженным тоном, идя за ней.

Мистер Детвейлер встретил Крайстел оценивающей улыбкой. Она наблюдала за ним, когда учитель переводил взгляд с человека на человека, в уме пересчитывая их и готовясь начать занятие.

Крайстел подняла руку.

Удивленное выражение появилось на лице мистера Детвейлера. Он вызвал ее.

— Я не знаю, что вы все обсуждали последние пару дней, — сказала она живо, — но я бы хотела ответить на замечание Брэда Стюарта, сделанное во вторник.

Теперь удивление появилось на лице Брэда. Крайстел повернулась на своем месте, чтобы видеть его.

— Я думаю, что тема, которую ты предложил для первоначального выступления, интересна — настолько интересна, что, по-моему, она заслуживает более тщательного обсуждения.

Глаза Брэда скептически сузились.

— Итак, я хотела бы вызвать тебя на дискуссию Линкольна — Дугласа. Предмет обсуждения — предложение, что высшая школа Эйзенхауэра должна распространять презервативы среди своих студентов.

Брэд изумленно повертел головой по сторонам, но не спускал глаз с Крайстел.

— Повтори.

— Я вызываю тебя на дискуссию, — повторила она. — Дискуссия Линкольна — Дугласа. В дискуссии будем участвовать только ты и я, — она взглянула украдкой на мистера Детвейлера, пытающегося найти отступление от правил в ее словах. — И я предлагаю, чтобы мы дискутировали перед школьным собранием,

— Я надеюсь, что это серьезно! — голос Брэда дрогнул, когда он осознал услышанное.

— На следующем собрании школы, — ухмыльнулась Крайстел, явно наслаждаясь удивленными выражениями на лицах студентов, которые окружали ее.

— Я боюсь, что должен вмешаться, — мистер Детвейлер скрестил руки на груди.

Крайстел закрыла глаза, как будто бы загадывала желание на день рождения. «Он собирается остановить меня, — испугалась она, — он никогда не позволит мне сделать это».

Мистер Детвейлер важно откашлялся и повернулся к Крайстел.

— Ваше предложение, — начал он, — подошло бы для обычной дискуссии, но в дискуссии Линкольна — Дугласа используют предложение ценности.

Он повернулся к доске и взял кусочек мела.

Крайстел стиснула зубы и попыталась найти достойный ответ. Она чувствовала, как ее эйфория утихает.

— Предложение ценности, — вставил снисходительным тоном Чейз Эверетт, король дискуссий, — выражает *мнение*, суждение о чем угодно. Э-э, в данном случае — презервативы или распространение презервативов.

— Итак, — попыталась уточнить Крайстел. — Можно ли сформулировать предложение так: распространение презервативов среди студентов высшей школы опасно и контрпродуктивно?

— Выберите один пункт, — посоветовал мистер Детвейлер. Крайстел повернулась к говорившему. — Лучше сосредоточиться на чем-то одном; тогда ваши аргументы станут более точными, и вам будет легче достигнуть успеха.

— Ладно, — сказала Крайстел. — Распространение презервативов среди студентов высшей школы опасно.

Мистер Детвейлер, поднял брови, покачал головой и сморщил губы в выражении, которое означало: «Неплохо».

— Ты принимаешь вызов? — Надавила Крайстел на Брэда.

Его ответом был глубокий кивок.

Тихий свист слетел с губ Джейсона Видерса. На некоторое время в комнате воцарилась тишина, пока все обдумывали спор между Брэдом и Крайстел. Наконец мистер Детвейлер отпустил студентов. Комната медленно опустела; большинство из членов группы уходило торжественно, как будто бы с молитвенного собрания — или публичной казни.

9

Готовясь к сражению

— Крайстел! — Джейсон Видерс спрыгнул с дивана в квартире Каннингэмов и накинулся на Крайстел, которая только что вошла вместе с Дарсел. Он схватил девушку за локоть прежде, чем она смогла снять пальто, и отвел ее в кухню.

— Дорогая, у нас уйма работы, — раздраженно сказал он.

— О, я знаю, Джейсон. Вот почему я сказала, что мне действительно понадобится твоя помощь, помнишь?

— Нет, нет, нет! Я не это имел в виду, — он подошел поближе; они стояли почти нос к носу. — Брэд уже уговорил Чейза Эверетта помогать ему.

Глаза Крайстел расширились, как два воздушных шара.

— О нет, — простонала она, почувствовав, как сердце уходит в пятки, а желудок сжимается в комок. — Чейз Эверетт! Что мы будем делать?

— Молиться? — предложил Джейсон неуверенно.

— Нам нужна молитва, это точно.

Они присоединились к остальной группе. Дуэйн Каннингэм сидел на краю дивана, его руки были сжаты перед грудью. Регги Спенсер и Лиз расположились по обе стороны от него; Уилл, Амбер и Джой пришли, пока Джейсон и Крайстел шептались на кухне.

— Ты как раз вовремя, Крайстел, — сказал Дуэйн. — Я рассказывал всем, как я молился за водительство Господа для себя, но особенно за то, чтобы знать, по какому направлению Он хочет направить нашу группу. Он действительно предназначил нам длинный путь, и я не думаю, что Он закончил учить нас приводить своих друзей к Христу. Но я чувствовал уже некоторое время, что Он может начать давать нам что-то новое. Я понял, что это...

Он откашлялся и продолжал:

— Прежде чем вы пришли, Джейсон рассказал мне и Лиз с обычной горячностью, — группа обменялась понимающими взглядами, — о той ситуации, в которой они с Крайстел оказались недавно, — Дуэйн подмигнул Крайстел. — Итак, — продолжал он, — я хотел бы попросить Крайстел поделиться со всей группой тем, что происходит. Затем мы сможем помолиться за вас и даже обсудить некоторые практические действия, в которые Команда Освобождения может быть вовлечена,

Крайстел густо покраснела не только потому, что все внимание было сфокусировано на ней, но и от осознания, что рассказ будет включать ночь, когда закончился бензин в машине, ночь, когда он предложил воспользоваться презервативом.

Однако она смело поведала всю историю, начиная с первого собрания дискуссионной группы и заканчивая ее нахальным вызовом Брэду Стюарту.

— И теперь, — закончила она, — Джейсон сказал мне, что Чейз Эверетт помогает Брэду подготовиться к нашей дискуссии. Чейз — это Майкл Джордан дискуссии. Итак... — Ее голос растаял, как снег на обочине.

— Такой прекрасный день, — запел Джейсон, — такой чудесный день. Быть может, станешь ты моей...

Его попытка сострить была вознаграждена несколькими слабыми нервными смешками, но вскоре в комнате снова воцарилась тишина.

Дуэйн откашлялся.

— Давайте начнем молиться. Я верю, что Бог дал Крайстел возможность повлиять на многих людей. Ей может казаться, что она не готова к этому, но, если мы поддержим ее в молитве, Божья сила, которая пребывает с Крайстел, совершит все. Давайте обратимся к Богу, и, после того как некоторые из нас начнут молитву, я попрошу Амбер закончить.

Дарсел соскользнула со своего места и встала на колени перед диваном; другие склонились и опустили головы на руки. Несколько секунд спустя молитва началась.

* * *

— Люди, будь они прокляты! — пронзительно закричал Рэтсбэйн, когда увидел сцену в гостиной Лиз и Дуэйна Каннингэмов на своем центральном мониторе ИТЗ в сером полумраке Субсектора 1122.

Он выругался от разочарования и ужаса. Он наблюдал, как Уилл Мак-Коннел сжал свои кулаки так сильно, что его покрасневшие кончики пальцев ярко выделялись на фоне побелевших суставов. Дарсел Дэвис прижалась к подушкам дивана, будто бы пытаясь отгородиться от всего, что отвлекало ее от молитвы. Крайстел закрыла лицо руками, сложила почти пополам и начала тихонько раскачиваться. Рэтсбэйн смотрел на эти показатели глубины и концентрации с такой яростью, что

мог бы влезть в экран компьютера и вытащить каждую душу из комнаты в тот ад, в котором он сам обитал.

— Белчабуб! — завыл Рэтсбэйн в агонии и ярости. Темная тень появилась за его спиной. — НАМ ПРЕДСТОИТ ОТСТУПИТЬ, И НАМ ПРИДЕТСЯ СДЕЛАТЬ ЭТО БЫСТРО! ВЫКЛЮЧИ НАПРЯЖЕНИЕ. ПРЕДУПРЕДИ СУБСЕКТОР ОБ ОБВАЛЕ. ДВИГАЙСЯ, ТЫ, БЕЗМОЗГЛЫЙ!

Он взглянул украдкой через плечо и увидел, что тень отбрасывает змееголовый Маллус.

Рэтсбэйн повернул голову, чтобы проверить монитор, и взвыл, когда увидел вокруг молитвенной группы в маленькой квартире крутящиеся бело-голубые дымки, пока еще слабые. Он прокричал команды в микрофон, ударил по кнопкам и покрутил ручки, затем в бешенстве стал шлепать по переключателям вверх и вниз.

Бело-голубая дымка в гостиной Каннингэмов образовала два ясно различимых облака. Когда они сгустились, перед взором демона возникли два массивных мускулистых существа в голубых и белых одеждах.

— А, я знал это! — простонал Рэтсбэйн. — Серафимы! Скажи всем, чтобы готовились к отступлению. — Он отвернулся от консоли ИТЗ и прокричал голосом, который донесся в каждый скалистый угол пещеры ИТЗ: — ОТСТУПЛЕНИЕ! ОТСТУПЛЕНИЕ! ГОТОВЬТЕСЬ К БОЛЬШОМУ ОТСТУПЛЕНИЮ!

Он стойко держался, наблюдая за экраном, как капитан, тонущий вместе со своим кораблем. Он видел, как голубые и белые херувимы совершают один из своих небесных танцев вокруг молящейся группы молодежи, в то время как все демоны вокруг спрятались в ниши. Он ругал херувимов и проклинал людей, которые в своей пылкой, сконцентрированной, направленной молитве призвали этих ангельских воинов.

Готовясь к отступлению, Рэтсбэйн схватился за консоль. Его сплющила стремительная атака силы, которую он переживал всякий раз, когда херувимы останавливали демонические попытки поработить тех, кого Бог принял под защиту. Он стоял без движения, в страхе проклиная все, желая найти убежище и для себя, но не решался двинуться, пока на него смотрел Маллус.

— ВСЕ ИМПУЛЬСЫ БЫЛИ ОТРАЖЕНЫ ХЕРУВИМАМИ, МОГУЩЕСТВЕННЫЙ МАЛЛУС, — прокричал Рэтсбэйн через плечо, в то время как пыль и сажа начали кружиться вокруг него. Искры, внезапно посыпавшиеся из консоли ИТЗ, напугали Рэтсбэйна, и он чуть не бросился искать убежища. — Я НЕ МОГУ ПРОБИТЬСЯ НИ К ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ. А ВСЕ ЭТОТ ГЛУПЫЙ СТАЙГИОС ИЗ СУБСЕКТОРА 477, — прохныкал он. — ОН СОВСЕМ НАМ НЕ ПОМОГАЕТ!

Внезапно страшный взрыв поколебал пещеру ИТЗ, и вокруг засвистела острая шрапнель. Рэтсбэйн рискнул бросить быстрый взгляд по сторонам. Маллус замер без движения позади него. Искры и пламя метались по пещере,

как световое лазерное шоу. Крики страха и боли раненых бесенят пронизывали воздух.

Оглушительный лязг раздался позади Рэтсбэйна, демон подпрыгнул и, не помня себя от страха, забрался на консоль ИТЗ. Тем не менее, он ухитрился оглянуться, чтобы посмотреть, что вызвало этот грохот. Механическая стрела с креслом на конце, которую Маллус использовал, чтобы перемещаться вверх и вниз вдоль огромного Импульсного Трансдюсера Главного Зла, была расколота пополам и обрушилась на змееголовое тело Маллуса. Костлявые птичьи ноги прораба торчали из-под смятой груды металла, напоминая сцену из «Волшебника Страны Оз», когда злая ведьма встретила свой конец под разрушенным домом.

Избавившись от глаз своего начальника, Рэтсбэйн немедленно спрятался под консоль ИТЗ и закрыл свою муравьиную голову бородавчатыми руками. Съежившись в этом тесном убежище, он выглядывал наружу, наблюдая за карликами и бесенятами, которые осторожно вылезали из своих укрытий. Обвал стихал.

Рэтсбэйн быстро выбрался из-под навеса, подбоченился и завопил в пещеру:

— Выходите, никчемные демоны Субсектора 1122! Обвал закончился. Немедленно прекратите эту демонстрацию трусости и вернитесь к вашим рабочим местам.

Рэтсбэйн оглянулся, чтобы посмотреть на земную сцену, которая привела к неприятностям: молитва завершилась, и бело-голубые существа медленно исчезли с экрана ИТЗ.

— Все закончилось, — сказал он, как бы убеждая себя. Он еще раз оглянулся, чтобы посмотреть на поверженное тело Маллуса, погребенное под грудой металла. — Динг-Донг, — пробормотал он. — Ведьма мертва.

Однако как раз в этот момент тревожная мысль поразила его: «Маллус так и не объяснил мне второе направление стратегии! Что я должен теперь делать?»

* * *

Крайстел дрожала от волнения, страха и решимости, которые она чувствовала после того, как Амбер провела сильную молитву за Божье руководство и благословение. Она и несколько других людей со слезами обнимались и грелись в теплом сиянии происшедшего.

— Теперь, — сказал Дуэйн, когда люди успокоились и вернулись на свои места, — что еще мы можем сделать, чтобы помочь вам?

Он обращался к Джейсону и Крайстел. Те обменялись нерешительными взглядами. Крайстел повернулась к Дуэйну, на ее лице было написано сомнение.

— Мы не должны прекращать молиться, — предложила Дарсел. — Я думаю, нам следует взять на себя

обязательство молиться за эту дискуссию, по крайней мере, каждый день.

— Да, — согласился Уилл. — Когда все должно произойти?

Крайстел пожала плечами:

— Я еще не знаю. Мне нужно выяснить, когда состоится следующее собрание школы,

— Нам, наверное, понадобится помощь в подготовке, — предположил Джейсон. — Я хочу сказать, мы оба новички, а Чейз Эверетт занимался дискуссией годами. Нам потребуется помощь в поиске информации, надежных источников, цитат и статистики и всей этой ерунды, и кто знает, чего еще, и я думаю, у меня будет нервный срыв.

Амбер засмеялась.

— Мы можем помочь тебе с этим, — сказала она, беря руку Уилла и сжимая ее.

— Да, — сказал Уилл, как будто бы просыпаясь от сна, — я мог бы получить кое-какую помощь по Инфокомп — это интерактивная компьютерная служба, к которой я подключился, — объяснил он в ответ на озадаченные взгляды остальных. — Кто знает? Может быть, я смогу организовать целый компьютерный клуб. Я знаю, Марлон поможет.

— Можем мы сказать пару слов? — спросил Регги. — По-моему, вопрос, который вы подняли, довольно важен. Большинство никогда не слышало об этом по телевидению или в школе. Мне кажется, что многим людям надо узнать о подобных вещах, я прав?

— Я об этом не подумала, — призналась Крайстел.

— Может быть, мы сможем расклеить плакаты повсюду, раздать буклеты и все такое.

— Ты прав, — добавила Дарсел. — Это то, что «Трибуна» должна осветить, — сказала она, имея в виду школьную газету. — Мы должны распространить информацию где только можно. Бьюсь о заклад, что я могла бы попросить даже городскую газету напечатать такую статью!

Ее глаза блестели от волнения. Она с энтузиазмом улыбнулась Крайстел.

Крайстел отвела взгляд от Дарсел и уставилась на коричнево-бежевый ковер. Дарсел заметила перемену в настроении подруги.

— Что *ты* думаешь, Крайстел?

— Все это было бы здорово, — ответила она, — если я выиграю, — она вертела кольцо с номером своего класса вокруг пальца. — А если я вдруг проиграю? — Она вздохнула. — Как я уже сказала, мы с Джейсоном *на самом деле* не знаем, что нам делать. Вся эта суматоха может привести к обратному результату.

Свинцовая тишина снова воцарилась в группе.

— Крайстел попала в точку, — сказал Дуэйн, наконец. — Если мы расскажем об этом, то поставим ее в центр мишени. И заставим взять на себя большую ответственность. Это все может обернуться против нас.

— Дуэйн, — его жена Лиз положила ладонь на его колено. — Я думаю, ты имеешь в виду, что мы боимся, что Бог не ответит на те молитвы, которые мы произнесли несколько минут назад, — Дуэйн выпрямил спину и посмотрел на Лиз. — Я думаю, нам нужно лишь отдать свои страхи Богу и довериться Ему. Мы будем следовать за Ним, куда только Он ни захочет повести нас. Победим мы или проиграем — мы лишь должны делать все, что можем, и позволить Ему позаботиться обо всем.

Дуэйн задумчиво кивнул.

— Как ты думаешь, Крайстел? Я знаю, нам легко говорить «просто доверься Богу», потому что не мы собираемся сломать себе шею. Рискуешь ты.

Крайстел кивнула. Она знала, что Лиз права; но все же съежилась, слушая, как Дуэйн говорит: «Не мы собираемся сломать себе шею. Рискуешь ты».

— Я перепугана до смерти, — сказала Крайстел. — И если я начну думать о возможном поражении, я сразу потеряю желание что-либо делать. Но я твердо знаю, чего хочу, — она покраснела, а в глазах вспыхнул яростный огонь. — Я не отступлю.

Мистер Детвейлер закрыл дверь своего офиса за спиной Крайстел. Он бросился к стулу, снял с него неряшливую пачку бумаг и водрузил ее на наклонившуюся башню материалов, поддерживаемую шкафчиком для папок. Глаза девушки были направлены на ряд желтых пластиковых коробок на столе у противоположной стены; на каждой коробке была табличка с надписью «Афганистан — Европа», «Великобритания — Кувейт», и так до последней коробки.

Учитель опустил на свой скрипучий деревянный стул и открыл рот, причмокнув при этом.

— Я хотел поговорить с тобой, Крайстел, — начал он, — об этом дискуссионном мероприятии,

Сердце Крайстел опустилось. «Ну вот, — подумала она. — Почему Джейсон обязательно должен проболтаться всем? — Она изучала мистера Детвейлера, как боксер оценивает противника. — Он не разрешит нам проводить дискуссию».

— Место сбора, которое вы предложили недавно... Я боюсь, что обстоятельства не благоприятствуют этому, — мистер Детвейлер ритмично постукивал концом своего карандаша по столу.

Мысли Крайстел были все еще в квартире Лиз и Дуэйна. Она пыталась сообразить, как ей сообщить новости Команде Освобождения.

— Место собрания... — начала она, пытаясь повторить то, что он сказал. — Простите, что вы сказали?

— Вы вызвали Брэда на дискуссию перед собранием школы. Вряд ли это получится.

У нее вырвалось тихое «ох».

— Я боюсь, что школа не позволит вам превратить собрание в дискуссию, вне зависимости от того, насколько важной может быть тема.

Крайстел вяло кивнула.

— Я вряд ли смогу это устроить. Полагаю, они по-своему правы. Это не их дело — проводить исследования или выслушивать дебаты. Если возникает проблема в школе, они анализируют ее; но они не приветствуют спор на ту тему, которую ты предложила.

— Но, — сказала она осторожно, как конькобежец, который пробует лед. — Если они рассматривают подобную тему как проблему, они захотят откликнуться на нее?

— Нет. Ты понимаешь, вы с Брэдом оба слишком увлеклись, но от этого ваш вопрос не становится проблемой в Эйзенхауэр-Хай.

— Если это станет проблемой, они должны будут что-то предпринять?

— Я предполагаю, если начальство прикажет им, или родители начнут жаловаться...

Она кивнула — в знак несогласия, но понимания — и стала рассматривать свое кольцо, поворачивая его вокруг пальца.

— Итак, вы говорите мне, что дискуссия отменяется.

— О, нет, нет, нет! — сказал мистер Детвейлер.

Крайстел вскинула голову.

— Я лишь говорю, что вы не сможете провести ее перед собранием школы. По крайней мере, не в этой школе.

— Но мы все еще можем провести ее?

Он кивнул:

— Мы обозначим это как внеклассное мероприятие. Это могло бы стимулировать интерес к дискуссии. С моей точки зрения, это прекрасная идея.

Крайстел вскочила на ноги:

— Это здорово, мистер Детвейлер! Когда мы сможем это сделать?

Он посмотрел на большой белый календарь, висящий на стене рядом со столом.

— А если через неделю?

Крайстел издала низкий стон.

— Это слишком рано, — произнесла она.

Учитель пожал плечами.

— Через две недели, — заявил он.

— У меня много работы, которую нужно сделать до этого момента, — сказала она, надеясь, что мистер Детвейлер отложит мероприятие еще на неделю или две. Вместо этого он встал и открыл дверь своего офиса.

— Желаю вам провести оставшееся время с пользой, — сказал он.

* * *

Стеклянные черные глаза Рэтсбэйна осмаривали пещеру ИТЗ со всех сторон. Несколько компьютерных

кабелей все еще оставались порванными, толстый слой серной пыли покрывал все поверхности. Многие компьютерные станции еще не работали, и карлики поддержки ходили взад-вперед по пещере, сметая в кучи щебень и приводя все в порядок. Большая часть осколков после обвала была убрана. Основные функции консоли ИТЗ были восстановлены.

— Где Белчабуб? — вслух удивился Рэтсбэйн. Он осмотрел гигантскую комнату и, наконец, услышал шаги за спиной. Демон повернулся как раз в тот момент, когда Белчабуб переваливал свое тело броненосца через последнюю ступеньку на платформе ИТЗ. Рэтсбэйн просто вышел из себя, когда Белчабуб подвернул ступню и скатился к Рэтсбэйну, опрокинув его, как мяч для боулинга сбивает кеглю.

Рэтсбэйн с трудом поднялся на ноги и схватил Белчабуба за уши обеими бугорчатыми руками.

— Ты, вонючий мешок с внутренностями! — завопил он. — Тебе лучше научиться стоять на ногах, или я скормлю тебя Плагли!

Услышав свое имя, демон с головой гиены и телом ленивца оторвал взгляд от своего компьютера и облизнулся. Его острые собачьи зубы блестели в серо-зеленом свете экрана. Белчабуб испуганно заморгал.

— Где ты был? — требовательно спросил Рэтсбэйн.

— Вы послали меня узнать, есть ли у Центрального какие-нибудь данные для дискуссионной группы.

— Это было несколько дней назад, ведь так?

— Да, прораб Рэтсбэйн, — ответил Белчабуб, признавая права Рэтсбэйна на бывшую позицию Маллуса. — Но, как вы знаете, — захныкал он, — у меня некоторые проблемы со скоростью передвижения.

Рэтсбэйн уставился своими луковицеобразными черными глазами на Белчабуба:

— Ты получил информацию?

— Центральный сказал, что у них есть кое-что, что вам может понадобиться.

— Итак, ты принес это?

— Принес это? — глуповатое выражение прошло по лицу Белчабуба. — Я должен был принести это? Вы только велели спросить. Вы не сказали принести это.

Рэтсбэйн кулаком ударил Белчабуба по голове и начал вопить. Его голос был как визг тормозов на автобане:

— Ты идиот! Эти подростки собираются провести дискуссию, и я должен остановить ее или победить в ней. Я не могу сделать ни того, ни другого, если ты не будешь держаться на ногах достаточно твердо, чтобы доставить мне эту информацию. И сделай это быстро!

* * *

— Ты с ума сошел, Джейсон, — Крайстел стояла в центре спальни Джейсона. Ее позвали, чтобы она рассказала новости о своей встрече с мистером Детвейлером, и юноша

настоял, чтобы она пришла прямо к нему домой. Его кровать была отодвинута в угол, и длинный раскладной стол занимал центр комнаты. На стене висела мозаика из полноформатных плакатов разных цветов с табличками «утвердительно конструктивный», «негативный СЕ» и т.д., завершающихся надписью «подтверждающее опровержение». Над линией из плакатов простирался длинный лист компьютерной распечатки, озаглавленный словами «Центральный офис Великой Дискуссии». Стол был уже завален справочниками, папками, ручками и бумагой для записей.

— Ты бесполезный, восторженный сумасшедший, — сказала Крайстел.

Джейсон поблагодарил ее глубоким поклоном.

— Уилл сделал большую таблицу для меня, — сказал он, указывая на плакаты. — Я должен сделать еще много чего, но — хэй-хо! — все наши ружья уже заряжены. Завтра команда собирается у Дуэйна и Лиз. Мы хотим подготовить плакаты и буклеты, продумать стратегию и выбрать область для исследования...

— Ты уже по уши увяз в этом, не правда ли?

— Кто, я? — Он пожал плечами и скривил губы, обдумывая ответ. — Нет, меня совершенно не волнует, что ты ударишь Брэда по заднице. С чего ты решила, что это важно для меня?

Она засмеялась и соединила руки вокруг шеи Джейсона. Они покружили друг друга по комнате в радостных объятиях, пока чуть не опрокинули исследовательский стол.

— Подожди, — сказал Джейсон, запыхавшись, когда услышал телефонный звонок. — Я должен поднять трубку.

Пока его не было, Крайстел просмотрела материалы Джейсона, которые он уже собрал: книги с такими названиями, как «Введение в дискуссию», «Базовая дискуссия», «Стратегическая дискуссия», номер журнала под названием «Оратор», листы бумаги в красных чернилах. Она достала видеозапись с дискуссиями и речами, когда Джейсон вернулся в комнату. Он увидел кассету.

— У меня еще не было возможности просмотреть ее, — сказал он.

— Откуда все это?

— Отовсюду, например, от мистера Детвейлера, из школьной библиотеки, городской библиотеки, от Дуэйна — я еще не разобрался со всем этим, но кое-что выглядит неплохо.

— Что такое «утвердительно-конструктивный» и «негативный СЕ» утверждения? — Крайстел указала на семь плакатов, покрывающих стену.

Джейсон потянулся через стол и достал тонкую стопку сшитых бумаг:

— Это твоя домашняя работа на вечер. Мы должны это знать. Вон там, — он указал на плакаты, — часть дискуссии Линкольна — Дугласа. «Утвердительно-

конструктивный» — это твоя первая речь, где ты пытаешься изложить все доводы, почему презервативы, распространяемые в школе, — это опасно.

— Я говорю первая?

Он кивнул:

— Судя по тому, как ты составила свое предложение, ты на утвердительной стороне. Ты та, кто *защищает* предложение.

— Но, — сказала она. — Я просто не знала, что буду первой.

— Ты должна будешь говорить... — Он пролистал несколько бумаг на столе, — шесть минут. Затем идет негативный перекрестный допрос и подтверждение. Брэд должен будет бросить тебе вызов и задавать вопросы. Это длится три минуты. Затем он произносит семиминутную утвердительную речь, и она должна содержать следующее: утвердительный перекрестный допрос отрицания, утвердительное опровержение, отрицательное опровержение и утвердительное опровержение.

— Я не могу поверить, что нужно столько всего. Ты действительно хорошо поработал. А я еще ничего не сделала.

— О, у тебя все впереди. Ты должна знать все это. Ты должна поместить большую часть из этого вот сюда, — сказал он, тыкая пальцем себе в голову.

На лице Крайстел появилась беспокойная улыбка.

— Спасибо, что пытаешься меня развеселить. О чем ты собирался рассказать мне, когда зашел в первый раз?

— Что? Ах, да. Звонил Бастер.

— Он не был прошлым вечером на собрании, — вспомнила Крайстел вслух.

— Да, но я думаю, что Дуэйн или кто-то еще позвонил ему и рассказал, что происходит. В любом случае, Бастер видел, как Брэд выходил из клиники на улице Уолнат этим вечером, и вошел, когда тот вышел. Бастер уже получил все необходимые брошюры и информацию, вообще всякая ерунда, которую он собирается принести к выходным. Эти же материалы Брэд и Чейз, вероятно, собираются использовать в дискуссии. Так что мы сможем подготовиться и сбить их с ног, когда они раскроют свои карты! Бу-БУХ!

Крайстел подскочила не столько от громкого звука голоса Джейсона, сколько от нервного урчания в животе.

Квартира Лиз и Дуэйна гудела от происходящего в субботу. Джейсон и Уилл оклеили стену плакатами, отпечатанными на компьютере, — плакатами и брошюрами во флуоресцентных цветах. Амбер разделила комнату на три части: пришедшие занимали диван и стул в центре комнаты, кухонный стол и стулья были принесены в комнату и украшены табличкой «Исследования». Три складных стула у окна, как объяснила Амбер подруге, были техническим отделом.

— Техническим? — переспросила Крайстел.

— Ты, Джейсон и Дуэйн будете работать по ходу дискуссии — все правила и стратегии, входящая и исходящая информация дискуссии. Оставьте исследования зафиксированными для общественности, по крайней мере, сейчас, хорошо?

Крайстел посмотрела на Амбер удивленным, но радостным взглядом. Впервые со дня, когда она бросила вызов Брэду, она начала чувствовать, что у нее есть шанс.

Крайстел стояла рядом со столом исследований и подслушивала разговор между Уиллом и Марлоном Траском. Марлон, друг Уилла из компьютерного клуба школы, стал христианином в результате деятельности Команды Освобождения. Теперь он основал такую же группу в своей церкви. Крайстел слушала, как они горячо обсуждают источники исследования: книги, газеты, правительственные документы и справочники. Бастер тихо сидел за тем же столом, рассказывая, какие буклеты он получил в клинике.

Затем Крайстел подошла к дивану и встала на колени рядом с Дарсел, которая рассказала ей о своих планах.

— Хм, я собираюсь провести интервью и с тобой, Крайстел, — сказала она. — Мне нужно получить несколько цитат от тебя и Брэда. Джой, я хотела бы попросить тебя распространить плакаты и буклеты. Уилл и Марлон предложили несколько хороших идей. Также они собираются отпечатать несколько плакатов, чтобы развесить вдоль коридора в школе до начала дискуссии. Я уже просила мистера Сандерса, чтобы он объявил о дискуссии по школьному радио, и он согласился. Так что прежде, чем мы разойдемся сегодня, я хочу, чтобы мы придумали объявления разной длины — как обычно объясняет мистер Сандерс, 10 секунд, 20, 30 и 60 секунд, — которые можно будет прочитать по радио.

Крайстел заставила себя оторваться от инструкций Дарсел и присоединилась к Дуэйну и Джейсону у окна.

— Ты сделала свое домашнее задание прошлым вечером? — спросил Джейсон.

— Да, но, наверное, много времени уйдет на то, чтобы поместить это сюда, — она ткнула пальцем себе в голову, так же, как Джейсон сделал вчера. Дуэйн встал и осмотрел комнату.

— Я думаю, все уже здесь, — сказал он, перекрикивая общий шум. — Мы собираемся сначала сделать самую важную работу. Давайте проведем некоторое время в молитве.

— Мама? Кэти дома? — Крайстел набрала номер телефона своих родителей, как только они с Дарсел пришли домой после встречи с Дуэйном и Лиз. Она думала о своей

сестре во время молитвы и не могла выбросить Кэти из головы до конца собрания. «Я просто скажу ей, что думала о ней, спрошу, как идут дела сейчас, и как все прошло у нее с Биллом, вот и все. Дам понять, что я пытаюсь установить с ней нормальные взаимоотношения».

— Ты, должно быть Крайстел, верно? — раздался голос на другом конце линии. — Это Хариет Робинсон из соседнего дома. Я посмотрю, может ли твоя мама подойти к телефону. Не вешай трубку.

— Нет, подождите минутку, — начала Крайстел, но по раздавшемуся звуку она поняла, что трубку положили на столик в холле. «Мне не нужно говорить с мамой, — собиралась она сказать. — Я только собиралась попросить ее позвать Кэти». Она перенесла трубку к другому уху. «Хариет Робинсон? — пришла к ней запоздалая мысль. — Что она там делает?»

— Алло?

— Мама?

— Нет, это снова Хариет Робинсон. Мне действительно жаль, Крайстел. Я пришла просто помочь, когда увидела скорую помощь,

— Скорую помощь? Какая скорая помощь?

— Я не... — в голосе миссис Робинзон появилась нерешительность. — Не знаю, что я могу рассказать тебе по телефону. Думаю твоя мама, скорее всего, сама все объяснит. Если бы у меня была дочь, я предпочла бы сама ей все рассказать. Но твоей мамы сейчас нет дома. Я лучше позову ее...

— Миссис Робинсон, — прервала ее Крайстел. — Что случилось с моей мамой?

Вопрос завис в воздухе на секунду.

— Не с твоей мамой, Крайстел, с твоей сестрой. Мне кажется, Кэти приняла какие-то таблетки. Твоя мама уехала с ней в машине скорой помощи.

Миссис Дэвис вошла в реанимационное отделение вместе с Крайстел. Как только они вошли мимо них пронеслись санитары с носилками. Крайстел и миссис Дэвис прижались к стене между двумя автоматическими дверями, чтобы избежать столкновения. Когда команда скорой помощи промчалась по коридору, они подошли к стойке регистрации, где медсестры метались, как аквариумные рыбки, заглатывающие падающий корм.

Крайстел несколько раз пыталась привлечь к себе внимание, прежде чем она смогла, наконец, заговорить с одной из сестер, которая уронила металлический зажим в отверстие каталки.

— Я Крайстел Уэйн, — сказала она. — Мою сестру Кэти привезли совсем недавно, — Медсестра улыбнулась и кивнула. — Могу ли я увидеть ее?

— Повторите еще раз ее имя. — Медсестра подняла телефон и набрала несколько цифр. Она быстро

проговорила несколько невразумительных фраз и затем прислушалась. — Вам лучше присесть. Мы позовем вас, когда вам можно будет ее увидеть, — объяснила она, повесив трубку.

— С ней все в порядке? — спросила Крайстел.

— Ее сейчас осматривает врач. Пожалуйста, присядьте.

Крайстел и миссис Дэвис сели рядом и одновременно взяли по журналу. Миссис Дэвис листала старый номер издания «Дом и двор», а Крайстел держала свой журнал на коленях и смотрела сериал по телевизору, стоявшему прямо перед ней.

Мысли Крайстел не задерживались на происходящем на экране; она поворачивалась с надеждой всякий раз, когда кто-нибудь входил в комнату для посетителей. Наконец Крайстел увидела свою мать, которая появилась из дверей на другом конце коридора.

— Мне сказали, что ты здесь, — проговорила она.

— С ней все в порядке? — спросила Крайстел.

Мама взяла ее под руку и повела в комнату реанимации. Бледная Кэти, покрытая белой простыней, лежала на кровати. Четыре шторы окружали ее, словно она находилась в коробке из белого льна. Крайстел склонилась над больной, взяла руки сестры и поцеловала ее в лоб. Кэти открыла глаза.

— Привет, Кэти, это Крайстел.

Кэти слабо улыбнулась и снова закрыла глаза.

— Что случилось? — спросила Крайстел свою маму, но ответила Кэти.

— Я беременна, Крайстел, — сказала она, не открывая глаз.

10

Великая дискуссия

— Очень жаль, что меня не было с тобой, — сказала Крайстел сестре. Кэти перевели в больничную палату, где за ней наблюдали и делали анализы.

— Это не твоя вина, Крайстел, — глаза Кэти застлали слезы. Она потянулась за платком. — Я была так подавлена после разрыва с Биллом, и потом... — Она тихо вздохнула и тяжело вздохнула. — И потом, когда я поняла, что беременна...

— А ты...

Глаза Кэти встретились с глазами Крайстел.

— А ты что?

— Ничего. Не бери в голову.

— Нет, ты собиралась что-то спросить.

— Нет, я сама не знаю, чего хотела.

— Ты собиралась спросить, предохранялись ли мы, верно?

Крайстел хотела заговорить, но не могла найти слов.

— Крайстел, я не сумасшедшая.

Крайстел была удивлена, что голос сестры не был сердитым, а только усталым.

— Взгляни на меня, Крайстел, — Кэти приподнялась на локтях. Крайстел снова пристально посмотрела на нее. — Мы *всегда* предохранялись.

— Я не думаю, что вы понимаете, в какое положение вы меня поставили, — миссис Калдвел, директор высшей школы, пригласила Крайстел и Брэда в свой офис перед началом занятий утром в понедельник.

Плакаты висели на стенах в течение недели, буклеты завалили каждую полку, стол и шкафчик. На плакатах и буклетах был рисунок, сделанный Джой Акияма, символизирующий дискуссию и изображающий двух баранов с огромными рогами, готовящихся столкнуться лбами друг с другом.

Школьная радиостанция постоянно давала в эфир объявления о дискуссии в течение всего дня вещания. Этой дискуссии была посвящена вся первая полоса газеты «Трибуна», завершающаяся отдельными интервью с Крайстел Уэйн и Брэдом Стюартом. Студенты говорили об этом в коридорах. Дискуссия привлекла всеобщий интерес, и Брэд с Крайстел внезапно стали мини-знаменитостями. Мистер Детвейлер предложил по причине энтузиазма, который вызвала дискуссия, перенести мероприятие в комнату В1 — большой лекционный зал.

— Вы знаете, сколько родителей позвонили мне сегодня утром? Я даже принимала звонки *дома* в выходные! Это надо остановить!

Крайстел и Брэд сидели рядом, но посмотрели друг на друга впервые.

— Эта школа — не сцена для демонстрации ваших личных социальных принципов, — продолжала миссис Калдвел. — Мы здесь занимаемся образованием, а не...

— Но, миссис Калдвел, — перебила Крайстел, — это *и есть* образование. Для этого и служит дискуссия, особенно такая, как эта.

— Нет, я так не думаю, мисс Уэйн. Я не считаю, что это хоть как-то касается образования. По-моему, это касается пропаганды. Я называю это спором о морали, а не образованием. И поскольку это моя школа...

Телефон на столе миссис Калдвел издал высокий мягкий звук, что-то среднее между гудком и звоном. Она подняла трубку.

— Директор Калдвел. — Она молча слушала. — Да, я... — Суровое выражение ее лица стало медленно смягчаться. — Я понимаю, — сказала она, затем добавила: — Они как раз сейчас у меня в офисе. Я передам новости.

Она вернула трубку на рычаг, но не отнимала от нее руку и несколько раз постучала по аппарату указательным пальцем.

— Это был инспектор Эдвардс. Он сказал, что родители подняли такой шум, узнав об этой дискуссии, что

он решил отменить ее. Но, насколько я понимаю, он поговорил с мистером Детвейлером и изменил свое мнение. Как бы то ни было, он дал мне указание, — продолжала она с выражением отвращения на лице, — сообщить вам, что он будет присутствовать на вашей дискуссии в пятницу. Вероятно, придут также члены совета школы.

Молодые люди снова обменялись взглядами, и впервые за последнее время Крайстел почувствовала симпатию к Брэду... Возможно, потому, что они одинаково были охвачены сильным волнением.

Крайстел и Брэд встали, чтобы покинуть офис директора вместе; Брэд отступил в сторону, чтобы позволить Крайстел выйти первой. Он взял ее за руку, когда она уходила.

— Крайстел, подожди.

Она посмотрела на него.

— Послушай, — продолжал он. — Я действительно не хотел, чтобы все так получилось.

Она ждала. Выражение его лица было непроницаемым. Крайстел не смогла определить, что оно значит.

— Может быть, нам следует отменить дискуссию?

— Отменить? — переспросила она без гнева. В ее голосе звучало недоверие. — Отменить? — повторила она. — Сейчас?

— Мы можем пойти назад в офис миссис Калдвел, она позвонит инспектору. Так было бы намного проще для всех.

— Я не могу в это поверить, — сказала она все еще тем же недоверчивым голосом.

— Ситуация вышла из-под контроля, — начал он, но она перебила.

— После того, как ты заставил меня мучиться эти две недели, ты хочешь, чтобы я отменила дискуссию? Почему ты ждал до сегодняшнего дня?

— Я на самом деле никогда не хотел этой дискуссии, Крайстел.

— С какого момента? — она раздраженно вздохнула. — Я не могу бросить все сейчас. Ты знаешь, сколько работы было проделано? Ты знаешь, что бы значило отменить дискуссию? Я не могу этого сделать, Брэд. Я не могу сделать этого. Слишком поздно.

Отвергнув его предложение, Крайстел заметила перемену в его поведении. На этот раз ясно было видно, что он разгневан.

— Замечательно, — сказал он сквозь зубы. — Ты хочешь этого? Ты получишь то, чего хочешь. Мы проведем дискуссию.

Он резко повернулся и зашагал по коридору.

Аудитория гудела, когда студенты входили и занимали места за партами, стоящими рядами в классе, спланированном, как амфитеатр. Узкие кафедры были расположены позади двух маленьких парт на противоположных сторонах комнаты. На трех пластиковых стульях напротив участников спора висели бумажные таблички с надписью «жюри».

В комнате не было никаких плакатов: на этом настоял мистер Детвейлер. Он сказал Крайстел, что всеобщая огласка, которую она и ее друзья обеспечили для этой дискуссии, поставила его в неудобное положение. Он опасался, что это повлияет на объективность жюри.

Разросшаяся толпа медленно затихла, когда мистер Детвейлер и два других учителя вошли в комнату и расположились на местах жюри. У каждого из них в руках был сложенный листок бумаги и ручка.

Дикий свист и слабые аплодисменты приветствовали Брэда и Крайстел, когда они занимали свои места за партами. Крайстел надела яркое, но скромное платье, а Брэд был в своем обычном узком галстуке и отутюженных штанах.

Крайстел положила обе ладони на колени в попытке скрыть дрожь, вызванную приступом волнения, которое овладело ею несколько минут назад, когда она ждала в соседнем классе. Она нервно смотрела на лица присутствующих в комнате. Все места были заняты — студенты сидели на подоконниках за последним рядом, и стояли у всех стен. Класс был набит битком.

Дверь позади Крайстел с шумом открылась, и она, повернувшись, увидела, как миссис Калдвел неуклюже внесла в комнату два стула. За ней Дженнифер Вулси несла еще два, потом один из студентов внес еще три стула. Зрителей, которые стояли в дверях, попросили подвинуться и расставили еще семь стульев. Миссис Калдвел снова вышла за дверь и быстро вернулась в сопровождении четырех женщин и трех мужчин — членов совета школы. Она предложила им занять эти места и встала рядом с ними, скрестив руки на груди.

Мистер Детвейлер обернулся к этой группе. Он представил миссис Калдвел, членов школьного совета и двух учителей, сидящих в жюри. После этого он объяснил правила дискуссии, пригласил заинтересовавшихся студентов встретиться с ним после школы для получения дополнительной информации и затем — быстро, потому что зрителям начало надоедать вступление — объяснил тему и обрисовал, как будет проходить заседание клуба. Затем он представил участников дискуссии. Последовала громкая и не совсем уважительная овация.

Учитель сел и кивнул, подавая знак Крайстел, что пришло время начинать.

— Секс с использованием презерватива называют «безопасным сексом», — начала Крайстел. — Эта фраза означает: занимайся сексом с кем хочешь, и будь уверен, что ты защищен. Используй презерватив. Но теперь все изменилось. Если вы возьмете буклет в клинике на Уолнат-стрит *сегодня*, вы обнаружите, что та же самая клиника, которая когда-то говорила о «безопасном сексе», теперь поет другую песню. Специалисты проповедуют «более безопасный» секс. Откуда такая перемена? Мой рассказ займет одну минуту.

Мы с мистером Стюартом находимся сегодня здесь, чтобы обсудить актуальный вопрос, который разделяет семьи, школы и общины. Моей целью будет доказать утверждение, что распространение презервативов студентам высшей школы, которое защищает мистер Стюарт, может быть опасным.

Она позволила себе взглянуть на Джейсона Видерса, сидящего на первом ряду справа от нее. Он держал кулак прижатым к груди на уровне парты перед собой и показывал ей жест одобрения, подняв большой палец вверх.

Крайстел глубоко вздохнула и продолжила:

— Это презерватив, — она подняла упаковку презервативов, держа их в одной руке. Когда она это сделала, по ее телу прошла дрожь не только при мысли о том, что она держала в руке, но и при воспоминании о вечере, когда в машине закончился бензин. Крайстел быстро зажмурилась, когда вспомнила оскорбительный вопрос Брэда. Она с усилием открыла глаза и взяла себя в руки.

В некоторых областях, — продолжала она, — они доступны для студентов, распространяются школой, клиникой или каким-то агентством. Я верю, что распространение презервативов имеет несколько последствий: оно увеличивает сексуальную активность студентов и создает ложное чувство безопасности. Кроме того, это не может предотвратить беременность или болезнь, как утверждают сторонники распространения презервативов.

Она положила презервативы на парту.

— Я пообещала минуту назад рассказать вам, почему адвокаты безопасного секса изменили свою терминологию на «более безопасный секс». Причина в том, что сильная оппозиция, основанная на медицинских исследованиях, заставила их перестать лгать, называя секс с использованием презерватива безопасным сексом. Потому что он не безопасный. В действительности даже называть его «более безопасным» — все равно, что называть чистые наркотики «более безопасными». Использование презерватива в сексе не является более безопасным сексом. Это менее опасный секс.

Ей показалось, что она заметила смятение на лице Брэда, и она ухватилась за это.

— Мистер Стюарт, — сказала она, указывая на своего оппонента, — хотел бы, чтобы презервативы были

доступны студентам высшей школы. Зрелые независимые подростки, которые готовы к этому, могли бы сделать свой выбор в пользу сексуальной активности. Однако ряд исследований показывает, что углубленное сексуальное образование, которое часто включает в себя распространение презервативов, повышает сексуальную активность среди студентов. В центре Луи Харриса провели исследования для Службы Планирования Семьи, после чего ученые пришли к выводу, что такие программы — я цитирую, — сказала Крайстел, обращаясь к большой белой карточке, которую держала в руке, — значительно повышают процент сексуально активных подростков.

Она сунула эту белую карточку в конец толстой пачки и взяла другую.

— Доктор Роберт Кистнер из Гарвардской медицинской школы, который помогал разрабатывать таблетки по контролю рождаемости, сказал в 1977 году: «Примерно десять лет назад я утверждал, что таблетки не ведут к распущенности. Я признаю, что был неправ». Если он допускает, что эта таблетка — одна из форм контроля рождаемости — побуждала к большей сексуальной активности, тогда будет корректным предположение, что презервативы — другая форма контроля рождаемости — производят тот же эффект.

Крайстел подняла голову, чтобы посмотреть на присутствующих, и была испугана, увидев, что все глаза обращены на нее. Она уставилась на белый циферблат часов на стене.

— Распространение презервативов среди студентов высшей школы также создает ложное чувство безопасности. Подросток, получивший презерватив от школьного учителя, желающего научить его «безопасному сексу», предположит: «Я могу заниматься этим без всяких последствий». — Несколько смешков приветствовали выразительную интонацию слов «заниматься этим».

— В дополнение ко всему, студенты имеют привычку верить тому, чему учит школа. Учитель истории говорит студенту, что битва при Ватерлоо произошла в 1825 году, — он верит этому. Учитель математики говорит ему, что число π приблизительно равно 3,1416 — он верит этому. Учитель литературы говорит ему, что Фрэнсис Скотт Фитцджеральд написал роман «Великий Гэтсби» — он верит этому. Что он сделает потом, когда та же самая школа вручит ему презерватив и скажет, что это для защиты от беременности и болезни? Спросит ли он: «Интересно, были ли случаи беременности у пар, использовавших презерватив?» Поинтересуется ли: «Любопытно, сколько людей заразились СПИДом, несмотря на то, что предохранялись?» Нет, конечно, он не подумает об этом — потому что он привык верить в то, что говорит школа.

И, наконец, — сказала она, перенося вес тела на другую ногу, — я расскажу вам что-то, чего вы, вероятно, никогда не прочтаете в буклете клиники на Уолнат стрит, — она метнула взгляд в своего оппонента. — Гарантирует

ли использование презерватива защиту от беременности?
Нет!

Она замолчала, и, помня инструкции Джейсона, медленно обвела глазами аудиторию, оценивая реакцию слушателей. Она достала следующую карточку.

— Служба Планирования Семьи в своем журнале «Перспективы Планирования Семьи» сообщила, что презервативы были бесполезны в 27,3% случаев в течение первого года, когда их использовали мужчины до 20 лет. Другими словами, если десять из вас начинают сейчас использовать презервативы каждый раз, когда вы занимаетесь сексом, то двое девушек, вероятно, забеременеют в течение года.

Четырнадцатилетняя девушка, которая постоянно использует таблетки, имеет вероятность в 44% забеременеть, по меньшей мере, один раз, прежде чем она окончит высшую школу. При использовании презервативов вероятность нежелательной беременности повышается примерно до 87%».

Крайстел подняла голову, чтобы снова посмотреть на аудиторию, и удивилась, осознав, что она сделала несколько шагов от возвышения по направлению к толпе. Она размахивала своей пачкой карточек, как указкой.

— Почему презервативы не гарантируют предотвращение беременности? По той же причине, по которой они не могут быть названы надежным средством для защиты от болезней: они недостаточно прочны. Департамент Здоровья и Исследований Человека сообщает: «Обнаружено, что один из каждых пяти пакетиков презервативов, проверенных программой правительственной инспекции в течение четырех месяцев, не соответствует минимальным стандартам прочности». Согласно журналу «Вестник Потребителя», инспекторы Федеральной Службы Контроля проверили более 150 тысяч образцов из партий, содержащих 120 миллионов презервативов. Эти агенты должны были забраковать примерно одну упаковку из десяти презервативов, потому что многие из них были плохого качества. В случае с импортом все оказалось еще хуже — одна из пяти упаковок презервативов оказалась негодной. Важно заметить, что проверяющие забраковали только часть партии; остальные презервативы были распространены на открытом рынке.

Девушка сделала паузу.

— Теперь самые худшие новости, — объявила она, сознательно выпрямляясь в полный рост, как ее научили. — Вирус СПИДа в 450 раз меньше спермы, — она опять взглянула на часы и начала говорить быстрее. — Снова цитирую «Вестник Потребителя»: презервативы составлены из «слоев волокон, скрещающихся разными способами». Эта решетка наделяет материал прочностью, но в ней остаются поры иногда до полутора микрон шириной. Такое отверстие меньше, чем сперма, белые кровяные тельца или даже некоторые бактерии гонореи, но в 10 раз больше вируса СПИДа и в 25 раз больше вируса гепатита В. Отчет

Департамента Образования утверждает: «Чтобы предотвратить передачу вируса СПИДа, презерватив должен защищать в 10 раз лучше», — Крайстел остановилась, посмотрела многозначительно на присутствующих и повторила, — в 10 раз лучше, чем в случае с контролем рождаемости. Женщина способна к зачатию примерно 36 дней в году, но больной СПИДом, может распространять болезнь 365 дней в году. По этим причинам, — добавила она, еще раз взглянув на часы, — я предлагаю единственное безопасное решение, которое заключается в перефразировке испытанного временем изречения: «Умеренность делает сердце мягче».

Она остановилась и посмотрела на аудиторию. Несколько человек в комнате ответили на ее остроту тихим смехом; один из судей даже улыбнулся. Крайстел повернувшись на высоких каблуках, возвратилась на место.

Если человек может подпрыгнуть в сидячем положении, то Джейсону удалось сделать это. Он скорчился на своем месте от восторга и бросил одобряющую улыбку Крайстел. Она опустилась за стол, как надувная игрушка, из которой начал выходить воздух. Все краски, казалось, покинули ее лицо.

— Мисс Уэйн, — сказал мистер Детвейлер, — вы говорили больше положенного на тридцать секунд. Это время будет вычтено из вашего перекрестного допроса отрицания.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на Брэда.

— Мистер Стюарт, вы имеете две минуты, чтобы подготовиться к вашему первому отрицательному допросу утверждения.

Облако безмолвного напряжения опустилось на комнату, когда Брэд перелистывал бумаги и набрасывал записи. Несколько человек нервно вздрогнули, когда мистер Детвейлер заговорил снова.

— Одна минута, — объявил он, и комната снова погрузилась в тишину.

Наконец Брэд встал и уверенными, неторопливыми шагами приблизился к возвышению. Крайстел тоже встала и повернулась к Брэду, схватившись за края парты, чтобы унять дрожь в руках.

— Мисс Уэйн, — начал он, — вы нарисовали целую картину. — Его акцент казался более отчетливым, чем прежде. — Вы в первую очередь бросили вызов образованному обществу, — сказал он, многозначительно посмотрев на троих судей. — Вы оспариваете способность школы, которая учит математике, истории и литературе, принять на себя также ответственность в передаче полной и правдивой информации о презервативах и их эффективности. Разве вы не видите несоответствие, свойственное вашим замечаниям? — Он очаровательно улыбнулся.

Крайстел внезапно почувствовала свою уязвимость. Ее утвердительная речь готовилась тщательно в течение недели с помощью друзей. Теперь, в одиночестве и без

записей, она испугалась и почувствовала себя загнанной в угол.

— Нет, — сказала она, наконец, — Нет, мистер Стюарт, я не вижу этого. — «Почему я не вижу?» — спросила она себя, борясь с приступом паники. — Чтобы помочь вам понять, почему, — сказала она, говоря очень медленно, чтобы выиграть время, — я хотела спросить вас — а также судей и студентов в комнате, — в каком классе сексуального образования вы познакомились с информацией, которой я поделилась с вами в своем выступлении? Многие ли из вас хотя бы раз слышали, как кто-нибудь говорит о неэффективности презервативов? Какие надписи на пакетиках презервативов сообщают об этой статистике? Но главная ваша ошибка, мистер Стюарт, в том, что вы полностью упустили мою точку зрения. Моя позиция состоит в том, что распространение презервативов студентам высших школ не достигает цели, которая провозглашается, и очень часто ведет к совершенно противоположному результату — больше сексуально активных студентов, больше беременностей, больше инфицированных студентов.

Она бросила взгляд на часы, когда закончила. «Почти получилось», — сказала она себе. Ровно минута оставалась до конца перекрестного допроса.

— Еще один вопрос, мисс Уэйн. Я заметил, что вы называли только одну дату во всей статистике и исследованиях, которыми вы поделились — 1977 год. Вся ли ваша информация датирована этим годом?

Крайстел хотела дотянуться до большой пачки карточек на парте, но увидела, что время истекает, и поняла, что не успеет.

— Нет, мистер Стюарт, это не так. Конечно, мне следовало процитировать все даты для вас, но, как оказалось, у меня слишком много информации, чтобы передать ее за шесть минут. Что касается значения цифры 1977, то вы можете заметить, что некоторая статистика, которой я поделилась, была известна в течение долгого времени, но, совершенно очевидно, игнорировалась или даже скрывалась теми, кто поддерживает вашу позицию, какой бы ни была причина.

Два участника дискуссии неподвижно стояли друг против друга несколько секунд. Наконец мистер Детвейлер нарушил тишину:

— Мистер Стюарт, вы желаете подготовиться к вашему отрицательному утверждению?

Брэд вздохнул и кивнул. Он вернулся на свое место и начал быстро писать, сортировать карточки и перекладывать бумаги.

Мистер Детвейлер объявил окончание первой минуты времени подготовки Брэда и прокашлялся, чтобы объявить конец второй минуты, когда Брэд встал и зашагал к трибуне.

Крайстел подняла глаза от своих записей. Она попыталась увидеть в своем статном голубоглазом

оппоненте друга, даже больше, чем друга. Что-то сжало ее сердце и продолжало сжимать, как губку, медленно выкручивая ее.

Брэд медленно осматривал комнату несколько секунд.

— Ваше время пошло, мистер Стюарт, — сказал мистер Детвейлер.

Брэд кивнул.

— Более пятидесяти процентов сидящих в этой комнате обретут сексуальный опыт до восемнадцатилетнего возраста, — объявил он. — Это не проникательность, это лишь статистика, — он обратился к белой карточке, лежащей на трибуне перед ним. — Доктор Элвин Кохэл, директор отдела подростковой медицины в госпитале Святого Луки в Рузвельте, утверждает, что к возрасту восемнадцати лет приблизительно 80% подростков становятся сексуально активными. Независимо от того, что я или мой оппонент можем сказать здесь сегодня, подростки занимаются сексом. Это факт.

Согласно некоторым отчетам, одна из десяти девочек-подростков станет беременной в этом году. Неважно, что происходит в этой классной комнате — это станет фактом. И снова, согласно утверждениям доктора Кохэла, в течение семи минут, за которые я должен представить мою позицию в этой дискуссии, тридцать пять подростков... — Брэд остановился, чтобы набрать воздуха в легкие. Его лицо покраснело, а на глазах выступили слезы. Он с трудом взял под контроль свои эмоции. Наконец он откашлялся и, коротко вздохнув, продолжил. Его голос, вначале дрожащий, звучал увереннее с каждым словом. — В течение семи минут, за которые я должен представить свою позицию в этой дискуссии, — заявил он драматично, — тридцать пять подростков в Соединенных Штатах заразятся болезнью, передаваемой половым путем.

Крайстел взглянула на Джейсона и закатила глаза. «Какой актер!» — подумала девушка. Когда она отвернулась от Джейсона, чтобы посмотреть на другие лица в заполненной комнате, она испугалась, что актерство Брэда достигнет цели.

Брэд опустил глаза, снова остановился, но скоро поднял голову и пристально посмотрел на толпу.

— Я говорю это, чтобы подчеркнуть, что подростки не практикуют воздержание, — на его лице вспыхнула хитрая улыбка. — И вы знаете, что это о вас.

Несколько человек в комнате хихикнули в благодарность за шутку, разрядившую напряжение. Когда Брэд заговорил снова, он полностью владел своим голосом и эмоциями.

— Моей целью является опровержение утверждения мисс Уэйн, что распространение презервативов среди студентов высшей школы опасно. Наоборот, я верю, что нераспространение контрацептивов означает, что контроль над рождаемостью и болезнями будет гораздо более слабым. Мисс Уэйн хочет заставить вас поверить, что

раздача презервативов подросткам приведет к беспечному сексуальному кутежу, который будет продолжаться, пока презервативы будут доступны.

Это абсурд. Все подростки, напомню я вам, уже занимаются сексом, — продолжил он и быстро заменил карточку с записью. — Более того, Национальный Исследовательский Совет после изучения подростковой сексуальности утверждал — я цитирую: «На данный момент нет никаких свидетельств, подтверждающих, что доступность контрацепции влияет на решение подростков начать активную сексуальную жизнь». Как сказал Фэйл Вотлтон, бывший сотрудник Службы Планирования Семьи, подростки в этой стране «сексуально активны, но сексуально безграмотны». Или, как сказала Джинни И. Рософф, президент Института Алана Бутмахера: «В самом деле, значительное повышение сексуальной активности в 70-х и 80-х годах сопровождалось всеобщей доступностью средств контрацепции, но... никакой причинной связи нельзя обнаружить. Гораздо более вероятно, что оба тренда были ответом на одно и то же изменение социального контекста и морали». Она продолжает: «Пожарные машины едут туда, где пожар. Но они не являются причиной пожара. Они лишь ограничивают его разрушительную силу и вред, причиняемый людям».

— Итак, — произнес Брэд, — если перефразировать лозунг другой организации, которая борется с попытками ограничить нашу свободу, то получается «презервативы не занимаются сексом — люди занимаются сексом с людьми».

Брэд остановился и принял улыбки и смешки, которые вознаградили его за остроту. Его ответная улыбка была не менее широкой. Он посмотрел на Крайстел, которая слушала, перегнувшись через свою парту.

— Более того, мисс Уэйн, несколько исследований — точно так же, как здравый смысл — опровергают ваше утверждение, что распространение презервативов не может предотвратить беременность и болезнь.

Исследования в клинике Сан-Пол в штате Миннесота показали увеличение процента рождаемости у подростков.

Крайстел бросила быстрый взгляд на Джейсона. Он ухмыльнулся, глядя на нее блестящими глазами.

Брэд продолжал:

— Служба Планирования Семьи опубликовала в 1980 году данные, что число беременностей в двух школах, в которых проводилось исследование, уменьшалось *каждый* год — с 1976 по 1979 годы. Но в течение этого же периода процент девушек-студентов, получающих контрацептивы в клинике, вырос с 7,1% в 1977 году до 16,4% в 1978 и до 25% в 1979! В течение этого периода клиника засвидетельствовала уменьшение рождаемости на 23%. Еще одно исследование, которое опровергает ваше заявление, мисс Уэйн, исходит из программы клиник при школах, основанных в двух младших и старшей высшей школе в Балтиморе в штате Мэрилэнд.

Голова Крайстел снова опустилась, когда она начала что-то писать в своем блокноте. Карточка с записью спланировала из руки Брэда под стол. Не теряя спокойствия, он сделал несколько шагов туда, куда упала карточка, наклонился, поднял ее и вернулся к трибуне.

— Журнал «Перспективы Планирования Семьи» сообщил об открытиях исследователей не где-нибудь, а в Университете Джона Хопкинса. Они заключили, что учащиеся продемонстрировали больше знаний о сексуальных отношениях, чем учащиеся других школ, что они используют эффективные средства предохранения чаще, чем остальные студенты. И средний возраст, в котором ученики школ, где есть клиники, становятся сексуально активными, вырос с 15 лет и 7 месяцев до 16 лет и 2 месяцев.

Возможно, более значительно то, мисс Уэйн, что за период в пятьдесят шесть месяцев процент беременности среди учеников девярых-десятых классов упал до 30,1% в школах с клиниками. В то время как в других школах этот показатель увеличился до 57,6%. Мисс Уэйн упомянула о плохих презервативах, в качестве позитивного аргумента. Однако давайте будем объективными в этом вопросе. На самом деле, согласно словам доктора Е. Х. Елахи, Медицинского директора Службы Планирования Семьи в Нью-Йорке, сексуально активные подростки должны быть образованными в вопросах распространения ВИЧ и предохранения от инфекции, включая точную информацию об использовании презервативов, он говорит конкретно: «Презервативы с ноноксинолом-9 показали свою эффективность, приостановив распространение ВИЧ».

Но если мисс Уэйн продолжает следовать своему пути, подростки не получают доступа к тому, что доктор Елахи называет «презервативы, спасающие жизнь»; они не узнают о роли ноноксинола-9 в предотвращении инфекции и, если они решат попытаться защититься полностью, они, скорее всего, пойдут в ближайшую аптеку или ларек, чтобы купить самый дешевый презерватив, не задумываясь, может ли он защитить от болезни. Согласно отчету 1991 года, опубликованному в «Перспективах Планирования Семьи», менее 200 клиник действует в средних, младших и старших школах в нашей стране, и менее четверти из них распространяет контрацептивы. Это, конечно же, шаг назад по отношению к европейским стандартам. Но те клиники, которые распространяют контрацептивы, пропагандируют презервативы, являющиеся наилучшим средством предотвращения беременности и болезней. Это подобно различию между приобретением обручального кольца у ювелира, который определяет состав золота, как только увидит его, и у разносчика в метро на станции подземки. Мисс Уэйн и ее друзья — большинство из них, признает она это или нет, сексуально активны — тоже идут заниматься сексом без предохранения или покупают презерватив в ларьке перед станцией подземки.

Брэд откашлялся и положил стопку карточек с записями на трибуну. Он сделал шаг в сторону, жестикулируя обеими руками:

— Подведем итоги. Вот моя позиция — и любой, кто учился в американской высшей школе после того, как Рузвельт стал президентом, должен согласиться с этим: подростки занимаются сексом. Новые и новые исследования подтверждают этот факт. Так как это является правдой, будет верхом безответственности и черствого безразличия стоять в стороне и позволять нашим друзьям, сыновьям и дочерям заражаться СПИДом, потому что мы удержали их от предохранения. Немногие родители хотят, чтобы их сыновья воевали. Но если дети пойдут в армию, то заботливые взрослые посоветуют взять с собой предметы, предназначенные для защиты, — шлем, ружье, бронежилет. Однако американцы каждый день посылают своих детей в общество, которое в большинстве случаев скрывает от них защиту, в которой они нуждаются... — Брэд остановился и посмотрел на присутствующих в комнате. — Защиту, без которой они умрут.

Он стоял неподвижно несколько долгих, мучительных секунд, затем повернулся и твердым шагом пошел назад к своему стулу.

Крайстел спокойно положила карандаш на парту, чтобы послушать завершение речи Брэда. Когда он вернулся на свое место, она взглянула на Джейсона в поисках ободрения. Джейсон не смотрел на нее. Он кусал губы.

11

Развитие дебатов

Крайстел внезапно почувствовала усталость. Она делала записи по ходу выступления Брэда — то, что участники дискуссий называют словом «следила», — и теперь она лишь хотела опустить голову на парту и отдохнуть.

— Мисс Уэйн, — голос мистера Детвейлера вывел ее из летаргии. — Ваш перекрестный допрос отрицания должен продлиться две с половиной минуты.

Она кивнула. «Если бы я могла подремать хоть две минутки», — подумала она, осознавая, что секундомер начал отсчитывать ее время для подготовки.

Не посмотрев на часы, однако, она глубоко вздохнула, и устало собрала свои записи. Ступив за кафедру, Крайстел начала:

— Мистер Стюарт, вы цитировали исследование 1986 года, в котором говорится: «нет свидетельств», что доступность презервативов для подростков повышает сексуальную активность. Это могло быть правдой в 1986 году, но это не так сейчас, и я обращаюсь к этому в моем опровержении.

Она отложила свои записки и начала листать бумаги и карточки.

— Но, — сказала она спотыкаясь. Ей с трудом удавалось контролировать свои движения. Наконец она

сдалась. — Я должна признаться, что согласна с очень важным заявлением, которое вы сделали минуту назад. Вы сказали, что родители посылают своих детей в общество без той защиты, в которой они нуждаются. Я цитирую вас точно?

Брэда старался понять, что она задумала.

— Да, — ответил он, затем добавил: — Защиты, без которой они умрут.

— Я не могла бы выразиться точнее. Однако, — сказала Крайстел, роняя свои записи и выступая в сторону от трибуны, — я не согласна с тем, какую форму должна принимать эта защита.

Она указала пальцем на Брэда.

— Вы думаете, что все подростки такие, как вы... — Тихий вздох сорвался с ее губ. — Или что мне нужен тонкий слой резины для защиты от болезни. Нам нужно понимать, что когда один человек говорит другому, что любовь все оправдывает, имеет ли он в виду, что любовь оправдывает секс? Истина в этом вопросе в том, что настоящая любовь *оправдывает*, потому что любовь говорит: «Я буду ждать посвящения длиною в жизнь, чтобы выразить красоту сексуальной близости». Секс без посвящения не является строителем любви — это убийца любви. Это то, от чего каждому студенту в этой стране нужна защита. Вы не согласны, мистер Стюарт?

Крайстел произносила каждое слово с чувством, стараясь сдержать слезы, которые готовы были в любую минуту брызнуть из глаз. Мистер Детвейлер строго откашлялся.

— Мистер Стюарт, — сказал он, — у вас есть время, чтобы ответить на этот... — он смутился, — этот вопрос.

Кончики ушей Брэда слегка покраснели. Он не улыбался.

— Я не думаю, что вопрос мисс Уэйн подразумевал ответ. Он кашлянул. — Полагаю, что он касается ее первоначального предложения.

Все трое судей начали яростно писать. В комнате стояла тишина, которую нарушал лишь скрип ручек по бумаге.

— Мисс Уэйн, — мистер Детвейлер говорил с надрывом в голосе. — У вас есть не более двух минут, чтобы подготовиться к вашему первому опровержению.

«Это глупо, — сказала себе Крайстел. — Ты провела весь перекрестный допрос, как кокетливая девочка, и ушла от темы. Только не надо смущаться». Она боялась взглянуть на лица присутствующих. «Ладно, — утешила она себя, — по крайней мере, у тебя есть еще несколько минут, чтобы выступить. Затем ты сможешь заползти в ближайшую нору и больше никогда не вылезать».

Она потратила несколько минут, стоя за кафедрой, чтобы удостовериться, что на этот раз ее записи в порядке. Она положила дрожащую руку на основание шеи и глубоко вздохнула.

— Позвольте мне сначала, мистер Стюарт, обратить ваше внимание на исследование 1986 года, которое утверждает: нет свидетельств, что раздача презервативов повышает сексуальную активность подростков. В течение всех последующих лет доктор Жаклин Касун говорила: «Из тех молодых людей, которые получили «углубленное» сексуальное образование, 11% занимались сексом без использования контрацептивов. Таким образом, они подвергались риску заболеть или забеременеть. Среди тех, кто не получил такого образования, процент составляет 9%». Доктор Касун ссылается на Луи Харриса и параллельные исследования, проведенные для Службы Планирования Семьи, которые я цитировала раньше. Сотрудники Харриса утверждают, что подростки, которые получили сексуальное образование, действительно используют больше контрацептивов, но они также чаще занимаются сексом. Это установленный факт.

Вы также цитировали Д. Россофф, которая говорит: «Никакой причинной связи не может быть обнаружено между доступностью презервативов и повышением сексуальной активности в 17-18-летнем возрасте». Повидимому, это заключение соответствует политике ее организации.

Далее, — сказала она, покосившись на Джейсона и заметив, что Дуэйн Каннингэм украдкой вошел в комнату и опустился на одно колено рядом с партой Джейсона, — вы приводили данные нескольких исследований. Позвольте мне начать с клиники Святого Павла.

Она снова перебрала карточки.

— Дина Ричард в исследовательском отчете, озаглавленном «Действительно ли сексуальное образование портит наших подростков?», сообщает, что школьная администрация признала, что школы не смогли зафиксировать снижение беременности, которое вы провозгласили свершившимся фактом.

Более того, Майкл Шварц в обзоре Американского образования указывает, что исследование клиники Святого Павла не учитывает уменьшения числа девочек-студенток в этих школах. «Нам не сказали, что девушки поступали в эти две школы каждый год, — говорит он, — но, сравнивая процент поступления с общими цифрами, мы подсчитали итоги: 1,267; 1,018 и 948». Итак, мистер Стюарт, взаимосвязь между этими данными и снижением числа беременностей (23%) и болезней (25%) показывает, что на самом деле произошло повышение реального числа беременностей. Другая проблема с исследованиями клиники Святого Павла в том, что они не давали никакой информации по беременностям, которые были прерваны абортами. Не происходит ли так называемое уменьшение рождаемости оттого, что больше девочек согласилось на аборт? Мы не знаем. Нам не говорят этого. У меня нет времени обсуждать дальнейшие изъяны работы клиники Святого Павла, но очевидно, что так называемые

исследования имеют скорее пропагандистскую, чем научную ценность.

Еще одно исследование, которое вы упомянули, — продолжала она, мельком посмотрев на часы, — это программа в Балтиморе. Статистика на первый взгляд выглядит впечатляюще. Но доктор Касун, которая анализировала эту программу очень подробно, говорит: «Самый подозрительный недостаток этого исследования в том, что оно не уделяет внимания девушкам, покинувшим школу из-за беременности... Игнорирование такой важной информации внушает серьезные сомнения относительно заключений этого исследования, утверждающих, что клиническая программа уменьшает сексуальную активность и снижает вероятность беременности. Во-вторых, — говорит она, — в оценке показателя беременности авторы учитывают только сексуально активных, а не всех девушек, на которых распространялась программа. Это значит, что число беременностей может увеличиваться в результате клинической программы, но если оно растет не так быстро, как сексуальная активность, оно покажется уменьшающимся. Вполне вероятно, эти просчеты могли быть допущены намеренно, чтобы подогнать результаты». Доктор Касун и социолог Доктор Тобин Демско указывают на более серьезные недостатки в исследованиях Балтимора, но я вижу, что мое время истекло. Позвольте мне вновь повторить, однако, что недостатки этих двух исследований сводят их к нулю, хотя они, по-видимому, все еще полезны в качестве пропаганды.

Крайстел поклонилась и оставила кафедру, как только ее время истекло. Она поймала взгляд Дуэйна. Он подмигнул. Джейсон щелкнул языком в попытке ободрить ее.

Мистер Детвейлер объявил время подготовки Брэда к отрицательному опровержению — его последней возможности высказаться. Брэд сидел, откинувшись на своем стуле. Время от времени он набрасывал несколько слов в своем желтом блокноте, но большую часть времени он задумчиво смотрел на Крайстел.

Она чувствовала на себе его взгляд, но изо всех сил пыталась игнорировать его. «*Еще три минуты*, — сказала она себе. — Просто перетерпи опровержение Брэда, и потом тебе нужно будет говорить всего три минуты, и все закончится. Ты сможешь позвонить маме и попросить о переводе в другую школу ... или другой штат».

От воспоминания о маме Крайстел перешла к мыслям о Кэти. Она невольно представила бледную и подавленную сестру на больничной кровати. «Бедная Кэти. Все это время я злилась на нее, потому что ее жизнь казалась «безупречной», я должна была прислушиваться к ней и делиться своей верой». Она внезапно поняла, что Брэд уже начал свое опровержение. «Что же я пропустила?» — спросила она себя.

— Итак, вы видите, — говорил Брэд, — мы с мисс Уэйн смотрим на этот вопрос с разных точек зрения. Я

предпочитаю смотреть на проблему через ясные линзы реальности.

Он очаровательно улыбнулся, как будто кто-то в комнате только что сделал ему комплимент по поводу его одежды или прически.

— Мисс Уэйн выбирает взгляд сквозь розовые очки. — Брэд оперся о кафедру и небрежно опустил руки в карманы. — Я думаю, лучше осознать проблему и потом использовать наши знания и возможности нашего разума для ее решения. Мисс Уэйн и другие, подобные ей, надеются, что для исчезновения проблемы достаточно ее игнорировать или желать, чтобы она разрешилась. Мне жаль, мисс Уэйн. Чума не исчезла под влиянием добрых намерений. Цингу нельзя было преодолеть, не позволяя людям плавать по морям. Нет, в обоих случаях общество победило угрозу, посмотрев в лицо реальности и приняв трудные решения, — решения, которые поначалу могли показаться нелепыми. Именно это сделал Джозеф Фернандес, бывший канцлер школ Нью-Йорка. Его программа образования ВИЧ-СПИД стала образцом для остальных школ США. Он основал в этом городе, пораженном СПИДом и другими венерическими болезнями, углубленную образовательную и предохранительную программу распространения презервативов в высших школах. Но, мисс Уэйн, это программа, которая также дает инструкции по ответственному сексуальному и репродуктивному поведению. План Нью-Йорка обеспечивал поддержку и участие родителей, студентов, учителей и членов совета, и он подразумевал также использование ресурсов городского отдела здравоохранения, чтобы провести прогрессивный и эффективный курс обучения.

Брэд обращался к Крайстел, но при этом пристально смотрел в сторону, где сидели члены школьного совета.

— На мой взгляд, мисс Уэйн, и, я посмею сказать, на взгляд большинства моих сверстников, которые могут в противном случае стать жертвой нежелательной беременности или быть пораженными СПИДом, канцлер Фернандес не просто работник образовательной сферы — он герой. Мы все знаем, что презервативы — не единственное решение проблем, с которыми мы сталкиваемся. Мы знаем, что они даже не лучшее решение. Но если мы не используем оружие, которое имеем — в том числе и презервативы, — тогда мы подвергаем риску себя, наши семьи и наших детей. Позвольте мне напомнить вам, что один из каждых 250 американцев в настоящее время инфицирован ВИЧ. Позвольте мне также напомнить, что СПИД стоит на 10 месте в списке самых опасных убийц в США. Разрешите мне повторить, что 80% американских подростков были сексуально активны в возрасте 18 лет.

Брэд повернулся к Крайстел:

— Может быть, было бы замечательно, мисс Уэйн, если бы каждый студент высшей школы не занимался сексом до вступления в брак. Но они не ждут. Они

занимаются сексом. Если мы не помогаем им защитить себя, они будут заниматься не просто сексом. Они будут заниматься смертельно опасным сексом.

Брэд переключил свое внимание на членов школьного совета, сидящих у двери.

— Спасибо вам, — сказал он. Его глаза пробежали по лицам студентов, заполнявших комнату, и, наконец, остановились на трех судьях. — Спасибо, — повторил он.

Крайстел смотрела вокруг, не думая ни о чем, и заметила, как несколько членов школьного совета одобрительно кивают. На лицах всех судей были улыбки.

* * *

— Убирайся, — провизжал Рэтсбэйн Белчабубу. — Я пытаюсь подумать!

Белчабуб заковылял прочь своей неуклюжей походкой броненосца и оставил Рэтсбэйна, прикованного к событиям дискуссии, смотреть на консоль ИТЗ.

— Ну вот, — прошептал он в экран. — Ну вот! Я был просто слепцом, что не заметил этого раньше. Белчабуб, — прокричал Рэтсбэйн, — иди сюда!

Нижняя челюсть Рэтсбэйна, состоящая из двух частей и выступающая из его муравьиного рта, двигалась из стороны в сторону в задумчивом ритме, когда он посмотрел снова на экран.

— Я нашел второе направление стратегии, — сказал он себе, размышляя вслух. — Первое — это убедить ненужных человеческих подростков, что любовь делает секс приемлемым. Но если бы это оставалось нашей единственной целью, стратегия была бы неэффективной. Мы бы проиграли много важных битв, потому что некоторые потенциальные жертвы все еще боялись бы беременности и болезней.

Его черные глаза вдруг вспыхнули, как два драгоценных камня.

— Белчабуб! — пронзительно закричал он. — Где ты?

Ковыляющая фигура еще не добралась до станции на полу пещеры. Демон медленно повернулся так, чтобы не потерять равновесия, и начал тяжело подниматься назад на платформу ИТЗ.

— Итак, — продолжал рассуждать Рэтсбэйн, — если мы сможем также убедить этих людей, что презервативы делают секс безопасным, они будут заниматься сексом чаще, а если они будут заниматься сексом чаще, у нас будет больше шансов убить их любовь, — он задрожал от демонической радости при этой мысли. — О, если мы сможем победить в этой дискуссии, это здорово окупится в течение нескольких следующих месяцев!

— Почему? — спросил Белчабуб. Он стоял «по струнке» рядом с Рэтсбэйном.

— Ты и правда такой тупой, каким выглядишь, а? — поинтересовался Рэтсбэйн.

Белчабуб глупо заморгал.

— Этот день запомнят все подростки из Эйзенхауэр-Хай. Если мы сможем победить в этой дискуссии, многие поверят, что презервативы делают секс безопасным, и многие из них будут заниматься сексом снова, снова и снова!

— А почему нам это нравится?

Рэтсбэйн уставился недоверчиво на своего помощника, рассматривая тяжелый панцирь Белчабуба.

— Если бы ты не был слишком озабочен едой, ты бы истек слюной при одной мысли об этом.

— Но я все же не понимаю, как презервативы собираются убить любовь. Если вы не лжете о том, что использование презервативов побуждает их заниматься сексом, разве это не разожжет в них пламя любви?

— Нет! — прокричал Рэтсбэйн. — Наша задача — помочь этим наполненным гормонами подросткам спутать страстность секса с интимностью любви. Это любовь Врага типа «любить других, как самого себя» — а мы не собираемся любить. Как эта невыносимая девчонка сказала, «секс без посвящения не является строителем любви — это убийца любви!» Так что мы должны заставить их поверить, что презервативы делают секс безопасным и, пойми это, «являются необходимостью». — В глазах Рэтсбэйна засветился адский огонь. — Ты понимаешь, если на презервативы смотрят, как на безопасную и необходимую вещь, люди будут продолжать заниматься сексом без брачного посвящения и убьют любовь Врага, которую так отчаянно ищут.

— Это жестоко, — сказал Белчабуб с адской усмешкой.

— Вот именно, — гордо ответил Рэтсбэйн.

* * *

— Вы привели несколько интересных сравнений в вашем опровержении, мистер Стюарт, — сказала Крайстел, когда заняла трибуну в последний раз. — Некорректно — но интересно, тем не менее. В целом ваше опровержение лишь повторило те моменты, о которых вы раньше пытались сказать, вместо того, чтобы опровергнуть критические аргументы, которые я привела.

Однако так как вы попытались сравнить настоящий кризис подростковой сексуальности в этой стране с бубонной чумой и цингой, я должна указать, что эти болезни были побеждены не всеобщим распространением контрацептивов, но тем, что люди изменили свое поведение. Чума была связана с антисанитарными условиями; она отступила, когда люди стали более ответственны в отношении санитарии и гигиены. Подобным же образом, цинга перестала угрожать морякам, когда они изменили свою диету, включив в нее фрукты и овощи.

Представьте, если бы Европа сказала: «Нет, мы не хотим менять наше поведение. Мы хотим продолжать использовать наши улицы вместо сточных труб!» Или предположим, что британские моряки взбунтовались бы в ответ на изменение своей диеты и настаивали: «Мы не любим брокколи», — Крайстел ответила улыбкой на короткий смешок с галерки.

— Но вместо того, чтобы принять единственное предписание для безопасного секса, которое существует, — воздержание до того момента, как вступило в силу полностью моногамное посвящение друг другу, — вы предпочитаете игнорировать реальность и принять то, что может быть названо в лучшем случае «менее безопасным» сексом.

Крайстел достала копию документа из приготовленных материалов.

— Вы упоминаете программу Нью-Йорка — выдавать презервативы по первому требованию любого студента, неважно, насколько молодого, без уведомления или согласия их родителей. В клинике на Уолнат-стрит мне любезно предоставили копию нескольких статей газеты «Нью-Йорк Таймс», в одной из которых было опубликовано письмо Нейла Мак-Ласки, ушедшего в отставку профессора, декана университета Нью-Йорка. Так как целью канцлера Фернандеса было бороться с высоким процентом СПИДа среди подростков Нью-Йорка, декан Мак-Ласки написал: «Главная причина распространения СПИДа — это использование зараженных игл. Почему бы Мистеру Фернандесу также не порекомендовать, чтобы общественность школы выдавала чистые иглы любому студенту, неважно какого возраста, без информирования и согласия родителей? Это определенно уменьшило бы число инфицированных».

«Сильные средства, которые вы защищаете, — продолжает декан Мак-Ласки, — выглядят для подростков приглашением к стилю жизни, который большинство их родителей сочли бы отвратительным и не подходящим для себя. Среди взрослых мало найдется адвокатов такой сексуальной свободы, которую мистер Фернандес внушает школьникам. Почему мы так уверены, будто наши ожидания, что подростки могут сказать «нет» безответственному сексу, тщетны?»

В завершение, мистер Стюарт, уважаемые члены совета и студенты, я процитирую статью из журнала «Парад», — сказала Крайстел, обращаясь к своей последней карточке, названной «СПИД и черные». — Статья заключает, что воздержание — это лучший способ предотвратить заражение болезнью, передающейся половым путем. Взаимная моногамия — это второй способ, а носить с собой презерватив — это самый худший, третий. Вы можете принять «худший третий» для себя, мистер Стюарт, но я — нет, и я не верю, что наши родители и учителя согласятся с вами, — она смешала свои бумаги и

повернулась, чтобы возвратиться на свое место, но остановилась внезапно и вернулась обратно на кафедру.

— Спасибо, — сказала она.

Все в комнате обменивались озадаченными взглядами. «Что нам теперь делать?» — казалось, удивлялись они.

Крайстел поколебалась секунду, затем сошла с трибуны и села. Она взглянула на судей. Никто из них не смотрел на нее.

Неприятное чувство, подобное тому, которое она ощущала, пытаясь читать в движущейся машине, вскоре овладело ей. Комната казалась душной и почти лишенной воздуха, как могила.

Мистер Детвейлер встал, чтобы обратиться к толпе.

— Судьям нужно примерно пять минут, чтобы подвести итоги. Результаты будут объявлены... — он взглянул на часы, — в 4:20.

Отступление: Великая дискуссия о презервативах

История Крайстел и Брэда и их дискуссии, конечно же, вымысел. Но информация, цитаты и статистика, которую они представляли, подлинные, они не были придуманы.

На самом деле наше общество чрезвычайно любит дискутировать, а наша образовательная система связана ложными доктринами, которые постоянно посылаются в высшие школы и колледжи, — доктринами о сексе и об ответственности в век СПИДа.

Не так давно я проводил семинар в рамках «недели безопасного секса» в университете Северной Дакоты. Аудитория была забита до отказа — примерно 3000 студентов. Как я часто делаю в подобных случаях, я начал свою речь с утверждения, которое заставило загудеть зал: «Вам промыли мозги!»

Когда студенты успокоились, я продолжил:

— У вас прошла целая неделя, посвященная учению о «безопасном сексе», — сказал я. — Выступающие, эксперты, видеофильмы, классы и симпозиумы. Вас удивляли, мотивировали, ободряли, внушали и усиленно убеждали в том, что нужно использовать презервативы, чтобы обеспечить безопасность секса. Чтобы подтвердить все это, вам был дан «пакет безопасного секса», но вам лгали.

На этом месте толпа начала негодовать. Тогда я снизил напряжение одним вопросом:

— Вас познакомили со всей информацией по безопасному сексу. А кто из вас слышал на этой неделе о статистике относительно неэффективности презервативов?

Ни одна рука не поднялась! Внезапно в аудитории воцарилась тишина, как на кладбище. Люди смотрели друг

на друга с выражением удивления. Они осознали, что им не говорили всей правды о «более безопасном» сексе.

Я получил тот же ответ от тысяч и тысяч студентов. Это случилось в университете Мичиган с 2500 студентами и в университете Обурн, в котором почти 8000 студентов. Северо-Западный университет в Эванстоне, штат Иллинойс, был уже в эпицентре действия механизма распространения презервативов на территории университета, как раз перед тем, как я приехал выступать. Публиковались газетные статьи, выступали редакторы, проводились симпозиумы и дискуссии. Даже доктор Рут присутствовал там. Но когда я задал вопрос о знании статистики по неэффективности презервативов, ни один студент из 1400 человек не поднял руку.

Я хочу рассказать вам истину о презервативах. Говоря правду, я надеюсь, что обеспечу вас оружием, которое поможет вам выстоять в «Великой Дискуссии о презервативах», когда она состоится в вашей школе или общине.

Использование презервативов не предотвращает беременность

Является ли использование презервативов гарантированным способом избежать нежелательной беременности? Как Крайстел Уэйн упомянула в своей дискуссии с Брэдом Стюартом, *нет!* Проведя исследование, Служба Планирования Семьи сообщила в своем журнале «Перспективы Планирования Семьи», что обнаружены печальные факты относительно методов контроля беременности в 1986 году. Следующая таблица отображает процент внеплановой беременности незамужних женщин. *Заметьте: никакие из перечисленных методов контроля, включая презервативы, не дают абсолютной гарантии. Они даже не приближаются к 100% надежности.*

Процент внеплановой беременности в течение первого года использования контрацептивов

Возраст	Таблетки	IUD	Ритм	Презерватив	Диафрагма	Спермициды	Другое	Ничего
До 18	11	10,5	33,9	18,4	31,6	34		
21,1	62,9							
18-19	9,6	9,3	30,6	16,3	NA	30,5		
18,7	58,2							
20-24	7,2	6,9	23,9	12,3	21,7	23,5		
14,2	47,6							
25-29	5,0	4,8	17,4	8,6	15,6	17,0	10,0	
36,3								
30-44	1,9	1,8	7,0	3,3	6,2	6,8	3,9	
15,7								

Другими словами, в соответствии с вышеописанными исследованиями, если вы подросток, желающий предотвратить беременность с помощью презервативов, в течение следующих 12 месяцев с вероятностью в 18,4% вы неожиданно обнаружите... что беременны!

Более поздние исследования отражают подобные результаты, которые показывают, что «150 из 1000 пар время от времени переживают внеплановую беременность в течение первых 12 месяцев использования презервативов».

Наконец, Фэй Уотлтон свидетельствует, как Президент Федерации Планирования Семьи Америки, что все методы контрацепции, используемые в настоящее время, признаны недостаточно эффективными, небезопасными и вообще неприемлемыми.

Почему презервативы так часто неэффективны? Они недостаточно прочны, даже когда они новые, даже когда производитель презерватива говорит, что презервативы были протестированы! Они рвутся. В исследовании, проведенном «Скандинавским журналом инфекционных болезней», сказано: «Количество некачественных презервативов составляет 5%».

Более того, как сказал мистер Кренсхау на слушаньях в Конгрессе в 1987 году, рассмотрите эти факты: латекс (из которого сделаны многие презервативы) чувствителен к жаре, холоду, свету и давлению, на него плохо влияет влажность, озон, загрязнение воздуха и просто время, — он портится. Презервативы редко, если когда-либо вообще, хранятся и транспортируются в соответствии с нормами. Часто они подвергаются интенсивному нагреванию и холоду.

К тому времени, как презервативы поступают в магазины, их нельзя назвать новыми, потому что они уже попали под воздействие окружающей среды, что может полностью свести на нет заявления производителей об эффективности товара. Уильям Б. Верси признается, что он был свидетелем «небрежной и неаккуратной перевозки и хранения» презервативов. «Я проверил и сфотографировал презервативы, лежащие в снегу, — говорит он, оценивая изменение температуры с 29 градусов тепла до нуля. — Более чем через месяц хранения на различных складах, после того, как они были вывезены несколькими грузовиками, эти презервативы, протестированные производителями, наконец, прибывали в торговую точку». Они лежали в картонных коробках, в которые нельзя заглянуть, и в испорченных обертках, которые также нельзя открыть и проверить. И такой товар, преодолевший расстояние от 50 до 100 миль, продавали ничего не подозревающим людям для безопасного секса».

Презервативы и перчатки сделаны из латекса — молочного сока резинового дерева в комбинации с несколькими видами химических веществ. Когда химикаты в этих средствах подвергаются воздействию температуры выше комнатной, начинается процесс окисления. Когда эти

же вещества подвергаются воздействию температуры ниже комнатной, химические компоненты кристаллизуются. Эти крайние температуры приводят к тому, что презервативы из латекса покрываются трещинами, начинают высыхать, терять прочность и сжиматься.

Другая причина неэффективности презервативов в том, что они не всегда используются правильно, должным образом. Использование некоторых масел или желе может стать причиной деформации презервативов. В одном отчете говорится, что «проведенные исследования, тестировавшие два вида презервативов, обнаружили, что из 405 презервативов 7,9% либо разорвались, либо соскользнули во время акта. Из оставшихся презервативов 7,2% соскользнули во время извлечения...»

ПРЕЗЕРВАТИВЫ НЕЭФФЕКТИВНЫ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ БОЛЕЗНЕЙ

Беременность, однако, не является самой большой опасностью при использовании неэффективных противозачаточных средств. Риск болезней, передаваемых половым путем, не уничтожается посредством применения презервативов.

«Презервативы не гарантируют необходимую защиту против СПИДа, — говорит доктор Редфельд. Действительно, он указывает на то, что презервативы оказались настолько неэффективными, что Министерство Пищи и Лекарств так и не выдало им лицензию, позволяющую рекламировать презервативы как способ контроля рождаемости. — Ответственность за качество продукта была слишком высока — рождение ребенка. Теперь цена неэффективности — это смерть человека».

Доктор Хелен Каплан говорит: «Мы узнали одно: то, что работает в лаборатории, не всегда работает в спальне. Десятки исследований по контролю рождаемости, проведенные в разных странах многими известными учеными, доказали, что в действительности презервативы — это не лучший метод контрацепции...»

Министерство Пищи и Лекарств никогда бы не стало распространять никакие таблетки или медикаменты на открытом рынке или рекламировать их как эффективное средство без единого успешно проведенного испытания! Однако единственное надежное научное исследование эффективности использования презервативов с целью предотвращения гетеросексуальной передачи СПИДа в реальной жизни приводит тревожно высокий показатель неэффективности.

Во время тщательного исследования Маргарет Фисчл и ее коллеги в Университете школы медицины Майами рассмотрели 32 гетеросексуальные пары, где один партнер был болен СПИДом. Восемь из этих пар воздерживались от секса после того, как узнали, что один из них является носителем вируса. Никто из здоровых супругов этих пациентов не был инфицирован, хотя они продолжали жить

в том же доме. Четырнадцать пар предпочли заниматься сексом без использования презервативов. В течение 18 месяцев 12 (85%) ранее здоровых партнеров заразились СПИДом, предположительно через гетеросексуальную передачу.

Данные по уровню эффективности презервативов у десяти пар, которые решили продолжить исследования, были опубликованы в «Журнале Американской Медицинской Ассоциации» в феврале 1987 года: один из ранее здоровых супругов (10%) уже стал инфицированным в течение 18 месяцев! К маю 1987 года заболел второй. Третья женщина в группе, использующая презервативы, была также инфицирована, но мы не знаем, принимала ли она участие в опыте с самого начала. Это показывает уровень неэффективности от 20 до 30% в течение 2 лет.

Если вы полагаетесь лишь на презервативы, вы играете в русскую рулетку с вашей жизнью.

Еще одна публикация ссылается на то, что газета «Лос-Анджелес Таймс» 12 сентября 1989 года сообщила: «Четыре самых популярных вида презервативов в стране пропускали вирус СПИДа в лабораторных тестах. Это заставило исследователей предостеречь потребителей, чтобы они не принимали на веру слова, что презервативы предотвращают распространение болезни».

Один доктор цитирует исследование, опубликованное в «Журнале Американской Медицинской Ассоциации», утверждая: «Недавно было доказано, что презервативам не удалось предотвратить передачу ВИЧ в 3 из 18 пар. Это говорит о том, что уровень неэффективности презерватива в случае с ВИЧ может достигать 17%».

«Доктор Маргарет Фисчл, — пишет Тереза Креншау, — установила процент неэффективности 17% при вагинальном сношении, а исследования простаты сообщили о неэффективности 50% при анальных сношениях. Презервативы при контактах с инфицированным человеком вовсе не защищают от смертельной опасности».

Доктор Джо Мак-Илханей-младший сводит все исследования и статистику в одно точное утверждение: «Если вы сексуально активны, то с вероятностью 20% вас ожидает беременность, и с вероятностью почти 100% в течение нескольких лет вы заразитесь болезнями, передаваемыми половым путем, *даже если вы используете презервативы*».

ЕДИНСТВЕННЫЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС О БЕЗОПАСНОМ СЕКСЕ

Гораздо больше исследований и свидетельств можно привести, чтобы показать, что презервативы не делают секс «безопасным». По крайней мере, повышенная сексуальная активность и иллюзия безопасности, которую часто создает

использование презервативов, может привести к смертельной опасности.

По всем вопросам о «безопасном сексе» и «более безопасном сексе» у экспертов существует один правильный ответ: воздержание! Вряд ли вы прочтаете о подобном прямом разговоре в газетах и журналах новостей. Вы не услышите об этом по телевизору или в классных комнатах. Правительственные чиновники и активисты борьбы со СПИДом в основном молчат. Где эксперты с ответами?

Хотя политики или журналисты могут отмалчиваться, специалисты *уже* сказали свое слово. Бывший главный хирург С. Эверетт Куп заявил: «Страна оказалась вовлечена в манию презервативов. Я не чувствую себя счастливым, когда думаю о роли, которую сыграл в этом. Презервативы — это последнее, к чему можно обратиться за помощью... *Единственный путь, следуя по которому, вы можете избежать СПИДа, — это воздержание*».

Доктор Томас Элкинс, глава кафедры акушерства и гинекологии в государственной медицинской школе в Луизиане, говорит, что «безопасный секс для подростков называется воздержанием в сегодняшнем мире».

Доктор Арт Улен, семейный врач, выступающий в шоу NBC «Сегодня», утверждает: «Я думаю, пришло время перестать говорить о безопасном сексе. Я верю, что мы должны вместо этого говорить о безопасных партнерах... Истинный безопасный секс — это «все-или-ничего». Секс либо на 100% безопасен, либо нет, даже когда он почти безопасен. Если вы не можете найти надежного партнера, не обманывайте себя верой, что есть абсолютно безопасная альтернатива помимо воздержания... Я верю, что полное воздержание от сексуальной активности — это выбор, который заслуживает серьезного внимания в век СПИДа. Считаю, что воздержание — это лучший выбор для молодежи в нашем мире».

Если учения правы, то почему воздержание агрессивно преследуется. В школах и клиниках, правительственных изданиях и в средствах массовой информации читаются лекции против воздержания? Отчасти потому, что многие политики и учителя верят, что они не могут ожидать от молодых воздержания. С их точки зрения, подростки не способны оказать сопротивление желанию иметь сексуальные отношения вне брака. Один студент колледжа опровергает это широко распространенное мнение, заявляя: «Должны ли мы позволять *им* говорить нам, что мы должны придерживаться философии безопасного секса, потому что сексуальные акты среди молодежи неизбежны и будут происходить, даже если средства контроля рождаемости останутся недоступными? Это жестокая и опасная ложь. Мы, холостяки, не животные, которые руководствуются физиологическими импульсами. Мы можем контролировать наши тела и наш выбор. Мы можем избрать воздержание

вне брака. На самом деле мы ДОЛЖНЫ избрать воздержание. Это единственно приемлемый способ избежать нежелательной беременности, болезни или разочарования».

«Воздержание имеет другие положительные стороны, — говорит Крис Дженнингс. — Отсутствие риска беременности, отсутствие воздействия спермицидов и контрацептивных желе (наличие любых химикатов несет определенную степень риска для здоровья) и избежание эмоциональных потрясений, связанных с преждевременным сексом. Как будут свидетельствовать многие взрослые, сексуальная активность эмоционально опасна».

Суммируя все сказанное, воздержание и сексуальные взаимоотношения с одним верным неинфицированным партнером — единственная полностью эффективная стратегия предохранения.

Помните, что я сказал раньше: «Бог дал нам заповеди, такие, как „избегайте прелюбодеяния“, потому что Он знал что-то, чего не знали мы, и хотел защитить нас и позаботиться о нас, чтобы питать и лелеять нас». Вот почему Он освятил брак и воздержание до брака. Он установил Свои стандарты для Своих людей; потому что, как говорит Джо Мак-Илханей, „это может стать безопасной гаванью среди штормов жизни, спасением от болезней, передаваемых половым путем. В брачных взаимоотношениях два человека формируют замкнутый цикл, в который болезни, передаваемые половым путем, не могут войти, пока каждый из супругов остается верным“».

Хотя можно было бы сказать гораздо больше, пришло время вернуться в школу Эйзенхауэр-Хай и узнать о результатах дискуссии между Крайстел и Брэдом. Правда, несомненно, на стороне Крайстел, однако чтобы победить в дискуссии, требуется нечто большее, чем просто говорить правду или неправду. Судьи должны принять к рассмотрению такие факты, как владение речью и представление фактов участниками дискуссии, его или ее способность отвечать на каждый аргумент, представляемый оппонентом во время опровержения.

Тяжелое испытание Крайстел вот-вот подойдет к концу.

12

Победители и побежденные

Никто не двинулся к выходу. Приглушенный шепот наполнял помещение, пока трое судей совещались. По их лицам было видно, как трудно им сделать выбор. Они закончили совещаться и встали. Брэд и Крайстел, замерев, сидели на своих стульях и не смотрели на судей. Мистер Детвейлер прошептал что-то на ухо каждому из судей. Они смотрели на притихшую публику, в то время как учитель говорил:

— Я бы хотел начать с благодарности участникам — мисс Крайстел Уэйн и мистеру Брэду Стюарту, которые проделали огромную работу, особенно принимая во внимание то, что у них не было раньше опыта проведения

дискуссий. Благодарю также судей за их тяжелый труд. И я благодарю членов школьного совета за проявленный интерес. Итак... — сказал он, с шуршанием смяв лист бумаги в руке. — И всех остальных, конечно, — добавил он неожиданно, как бы вспомнив, — за то, что пришли на наше маленькое, э-э, мероприятие.

Он поднес бумагу ближе к своему лицу.

— Решение судей, — прочитал он нараспев, — присуждает победу в этой дискуссии... мисс Крайстел Уэйн!

Фамилию Крайстел нельзя было расслышать за ликующим возгласом Джейсона: «Ура!» Он подпрыгнул со своего места, подбежал к Крайстел, стащил ее со стула и чуть не задушил от переполнявшей его радости, прыгая, кружась, хлопая ее по спине и танцуя.

* * *

Рэтсбэйн указал своей муравьиной головой на центральный монитор перед собой.

— Что-то не так, прораб Рэтсбейн? — тихо спросил Белчабуб.

— Да, бесхребетное ничтожество! Здесь ад, помнишь? Что-то всегда *не так* в аду!

Сцена ликования Джейсона при объявлении победы Крайстел высвечивалась на экране.

— Мы проиграли, — сказал Белчабуб ровным голосом.

Рэтсбэйна передернуло, он схватил своего помощника демона за оба уха и ударил его несколько раз о стену пещеры. Прогнав шальную мысль, он пролаял команду Белчабубу:

— Садись за тот конец клавиатуры.

Белчабуб прошаркал к клавиатуре ИТЗ, нажал несколько клавиш и повернул несколько переключателей.

— Слушай очень внимательно, — приказал Рэтсбэйн, — и делай точно то, что я тебе скажу. Никаких ошибок, ты слышишь меня?

Белчабуб пробормотал что-то утвердительное и торопливо кивнул.

Рэтсбэйн повернул свою голову и сплюнул красный комок на пол платформы.

— Еще ничего не закончилось. Пока не закончилось, — сказал он.

* * *

Крайстел вырвалась из объятий Джейсона и тут же попала в руки Дуэйна. Бастер Тод, Дарсел, Джой, Амбер и Уилл — все награждали ее объятиями и потоком поздравлений.

— Ты была великолепна, — сказал Уилл.

— Я боялась, что проиграю, — ответила она.

Дарсел гордо улыбнулась:

— Я мечтаю написать грандиозную статью о вашей дискуссии. Это великолепно!

Вместо того чтобы греться в лучах своей победы и похвалах друзей, Крайстел обратила все внимание на Брэда; он стоял в центре комнаты рядом с Чейзом Эвереттом и слушал мистера Детвейлера.

Крайстел наблюдала, как Чейз бушевал, очевидно, в гневе. Она прервала Уилла, который рассказывал о том, как Бастер получил информацию из клиники, и покинула своих друзей.

Брэд и мистер Детвейлер удивились, когда она приблизилась к ним. Учитель прервался на полуслове.

— Привет, Брэд, — сказала она, мысленно упрекая себя за глупость. «Ты общалась с парнем в течение целого часа, и говоришь: «Привет, Брэд!»

Несколько секунд длилось неловкое молчание. Потом Брэд сказал:

— Мы с Чейзом беседовали с мистером Детвейлером, чтобы узнать, как они судили дискуссию, и где я сделал ошибку, — смущение прошло по его лицу. — Чейз должен был уйти куда-то.

— Я знаю, где я сделала ошибку, — сказала Крайстел. — По крайней мере, одну из самых больших.

Мистер Детвейлер повернул лист с оценками к ней:

— Вы бы хотели взглянуть на это?

— Нет, — сказала она. — То есть я бы хотела, но попозже, если можно.

Мистер Детвейлер кивнул. Крайстел смущенно посмотрела на Брэда.

— Я хотела бы узнать, можем ли мы поговорить.

У Брэда был грустный вид.

— Да. Я собирался предложить то же самое, — он оглядел комнату, которая была все еще заполнена беседующими людьми. — Может, мы пойдем куда-нибудь?

Они неловко смотрели друг на друга в течение нескольких долгих секунд, затем Крайстел нарушила молчание.

— А как насчет твоей машины? — сказала она.

— Моей машины? — в голосе Брэда слышалось потрясение.

Крайстел немного покраснела и бросила взгляд через плечо на толпу своих друзей.

— И, если ты не возражаешь, — сказала она осторожно, — ты бы мог подбросить меня домой?

Брэд непонимающе заморгал. Он заколебался, затем овладел собой:

— Э-э-э, да, это было бы замечательно.

— Я сейчас вернусь, — сказала Крайстел. Она подскочила к ребятам из Команды Освобождения, которые все еще обсуждали произошедшее, схватила Дарсел за локоть и объяснила, что не поедет домой с ней. Крайстел чувствовала, как глаза подруги провожают ее, когда она

присоединилась к Брэду в дверях комнаты, и знала, что Дарсел будет обеспокоена. Но она знала также, что ей все равно. Она должна была сделать это.

Два участника дискуссии сидели в чашеобразных сиденьях машины Брэда. Хлопанье дверцы отозвалось эхом в мучительной тишине. Оба были смущены.

— Я сожалею, — сказала Крайстел, наконец. Она повернулась на сидении, чтобы лучше видеть Брэда. — Я... я, вероятно, была слишком увлечена всем этим.

— О, ну ладно, это было абсолютно понятно, — он улыбнулся, не разжимая губ, и повернулся к ней. — В любом случае, поздравляю. — Крайстел посмотрела на него, словно забыв, о чем речь. — Ты заслужила победу.

— Я думала, что проиграю. Мне казалось, что они собираются присудить победу тебе.

— Ты просто засыпала меня данными, отвечая на мои аргументы. Если бы я не знал, я бы сказал, что ты где-то достала копию моих записей.

Она улыбнулась:

— Нет, но мы выяснили, что ты получил кое-какую информацию из клиники на Уолнат-стрит, — Брэд отвернулся от нее и уставился на ветровое стекло, крепко сжимая руль. — Мы пошли туда сами и просто удостоверились, что у нас есть информация, чтобы противостоять твоим аргументам — насколько возможно.

— Крайстел, — сказал он. Она слегка кивнула, чтобы показать, что слушает. В машине снова воцарилась тишина, Брэд продолжал смотреть прямо перед собой. Мороз прошел по коже Крайстел. Она стиснула руки, зажав их между коленями, и ждала, когда он снова начнет говорить.

— Я... — начал он, но не смог продолжать.

Крайстел заметила красные ободки вокруг его глаз.

Он предпринял еще одну попытку.

— Информация, которую я получил в этой клинике, запоздала, — произнес он. — Я ходил туда не за этим.

Крайстел все еще сидела неподвижно в маленькой машине, вытянув шею и обхватив руками колени. Она наблюдала за глазами Брэда, но не могла проникнуть в его мысли.

— Ты, вероятно, не помнишь, — вздохнул он. — В то утро, когда мы так серьезно поспорили? В школе? Я сказал тебе, что сдам анализы.

Крайстел смотрела на его руки. Они тряслись.

— Я это сделал, — Брэд посмотрел на нее. — Я инфицирован ВИЧ, Крайстел, — сказал он. — У меня СПИД.

После долгого молчания Крайстел придвинулась к Брэду и зарыдала в его объятьях. Крайстел казалось, что он держал ее крепче, чем когда-либо раньше, прижимая к себе с такой силой, что ее суставы стали болеть. Она хотела

найти более удобное положение, но не только отказалась от мысли освободиться от его объятий, она ответила на них.

Он, наконец, ослабил свой захват и откинулся на спинку сидения. Утонченный англичанин исчез, и теперь Крайстел заметила, как он очень похож на раненого и беспомощного мальчика.

— Мне жаль, — сказал он. — Я не хотел втягивать тебя в это, — он перегнулся через ее колени и покопался в бардачке, наконец, вынув пачку салфеток. — Я не говорил еще никому, — добавил он, прежде чем высморкаться.

— Ты не сказал своим родителям?

— Нет, — сказал он. — Ты первая.

Крайстел дотянулась до дверцы и открыла окно.

— Мы надышали на стекла, — сказала она.

Разговор прервался. Помолчав, Крайстел спросила:

— Что ты собираешься делать?

Он пожал плечами:

— А что бы сделал другой на моем месте? Думаю, я попытаюсь использовать оставшееся время наилучшим образом.

Одна мысль внезапно поразила Крайстел, и она снова скрестила свои руки на коленях.

— Почему ты участвовал в дискуссии, зная это? — спросила она тихо.

— Хм?

— Почему ты участвовал в дискуссии, — повторила она, — зная, что инфицирован?

— Ты не оставила мне выбора, не правда ли? Я попытался сделать так, чтобы ты отменила дискуссию, но ты была такой — ну, ты понимаешь, — он сделал паузу. Они снова сидели в тишине. — И если бы я отступил только по своей воле, — продолжил он, — все удивились бы почему. Это вызвало бы серьезные затруднения. Я еще не был готов делать никаких публичных заявлений.

Крайстел сидела в тишине несколько секунд, потом заговорила почти шепотом. Она смотрела через ветровое стекло, а не на Брэда.

— Мне жаль, Брэд. Я бы хотела, чтобы ты рассказал мне об этом *тогда*. Я не была бы такой упрямой, требуя, чтобы дискуссия состоялась.

Он улыбнулся. Его утонченность пропала.

— О да. Я знаю. Но тот короткий разговор в холле оказался напрасным. Я был так зол. Я хотел рассказать тебе...

Ее глаза наполнились слезами. Она опустила голову на плечо Брэда, и некоторое время они сидели молча, потом Брэд завел мотор и повез ее домой.

— Брэд, я *хочу* это сделать.

— Ты не должна, ты же знаешь. Я не хочу давить на тебя, чтобы ты сделала что-то против своей воли.

Они снова сидели в машине Брэда.

— Нет, это не так, — настаивала Крайстел. — Это не просто потому, что ты инфицирован ВИЧ, я лишь чувствую, что я нужна тебе, и я хочу быть там ради тебя.

Они открыли дверцы машины одновременно и захлопнули их. Брэд положил руку на спину Крайстел, открывая парадную дверь своего дома. Потом он отступил назад, чтобы дать ей войти первой.

Родители Брэда снимали уютный, красиво обставленный дом на северной окраине Весткасла. Крайстел, волнуясь, ждала Брэда в холле, чтобы он проводил ее.

— Мама? Папа? — его голос эхом отскочил от высоких потолков.

Крайстел ничего не услышала в ответ.

— Сюда, — сказал Брэд, ведя ее в кухню через дверь и вниз по лестнице в большую гостиную.

Мама Брэда вышивала на пяльцах, лежащих на ее коленях, отец просматривал газету, наблюдая за телевизионным шоу.

— Мам, пап, это Крайстел Уэйн, мой друг, — он остановился. — Мой хороший друг из школы, — они улыбнулись, отец Брэда уронил газету и начал вставать. — Нет, сиди, папа. Крайстел пришла со мной, потому что мне нужно что-то сказать вам. — Его голос оборвался, но он прокашлялся и продолжал: — Она знала, что мне будет тяжело, и не хотела, чтобы я шел один.

Брэд и Крайстел переглянулись и улыбнулись друг другу сквозь слезы.

* * *

— Чего ты хочешь, ты, слизкая жующая дворняжка? — Рэтсбэйн деловито набирал команды на клавиатуре Импульсного Трансдьюсера Главного Зла. Центральный экран консоли показывал тринадцатилетнюю девочку, болтающую с мальчиком в кожаной куртке.

Демон Нефариус, горилла с головой моржа, протянул мятый листок бумаги прорабу Субсектора 1122.

— Грязь! — воскликнул Рэтсбэйн. — Ты все измазал своими моржовыми слюнями, — он наклонил голову, чтобы прочитать послание. — Что?! — в ужасе прокричал он. — Я не выдержу этого. Я не смогу, я не смогу, я не смогу, я не смогу! — Он подпрыгнул и заметался из стороны в сторону по платформе ИТЗ, как мальчик, скачущий на палке.

— Ты читал это, ты, несчастный, зловонный, слюнявый подхалим? — Нефариус не ответил. Его обезьянья фигура замерла на расстоянии вытянутой руки от Рэтсбэйна. — Ты знаешь, что они собираются сделать? Они назначают меня на должность рабочего! *Меня!* Это несерьезно! Если они думают, что я собираюсь провести вечность в аду, выгребая серную грязь в огненное озеро, то им лучше подумать еще раз! Кого они собираются поставить, чтобы руководить этим субсектором? Я хотел бы

знать. Я мог проиграть эту глупую дискуссию, но кто, как они думают, может выполнять работу лучше, чем я?

— Посмотри в последнем абзаце, — ответил Нефариус.

Единственная антенна Рэтсбэйна задержалась. Он нагнулся, чтобы прочитать остаток записки в мерцании мониторов за своей спиной. Внезапно его голова вскинулась, и он уставился на Нефариуса.

— Ты?! — завопил он. — Ты? Этого не может быть! Я должен был покалечить тебя, когда у меня был шанс, ты... — Рэтсбэйн замахнулся кулаком и выбросил его в сторону своего бывшего помощника из Субсектора 477.

Нефариус схватил Рэтсбэйна за запястье. Глаза демона, напоминающие луковицы, расширились, когда Нефариус скрутил его руку и сжал, заставляя его опуститься на бородавчатые лягушачьи колена. Лицо Рэтсбэйна исказилось от боли.

— Белчабуб! Дай этому рабочему ведро, — пролаял Нефариус.

Демон-броненосец забрался, пошатываясь, на платформу ИТЗ и швырнул ведро Рэтсбэйну, издав звон пластинами на голове.

Без единого слова Рэтсбэйн скрылся, бросая ненавидящие взгляды назад на Нефариуса, Белчабуба и гигантскую консоль ИТЗ. Он вошел в покрытый илом зловонный коридор, который извивался по всему подземелью. На темном перекрестке он врезался в другого рабочего.

— С дороги, ты, любитель людей, — прорычал Рэтсбэйн.

Утробное проклятие, которое он услышал в ответ, привлекло его внимание. Голос был знакомым. Рэтсбэйн следовал за этим рабочим, пока они не вошли в освещенную секцию коридора.

— Стайгиос! — выпалил он, узнав демона. — Что ты делаешь здесь, внизу?

В ответ Стайгиос поднял ведро, которое он нес, такое же, как и в руках Рэтсбэйна, и бросил угрюмый взгляд на своего бывшего прораба.

— Ад — это действительно ад, ты понимаешь, что я имею в виду? — сказал Рэтсбэйн. — Это очень несправедливо. Кому я могу об этом рассказать? Я хотел бы знать. С кем я могу поговорить?

— Заткнись, — сказал Стайгиос.

Отступление: Что я сделал, чтобы найти любовь Брэда и Крайстел — со всеми их разногласиями и трудностями — объединяет общая цель: поиск любви.

Вы и я — мы не отличаемся от них. Мы были рождены с заложенной в нас Богом потребностью любить и

быть любимыми. Эта естественная потребность взывает к нам, требуя, чтобы ее удовлетворили.

Будучи новорожденным малышом, вы не только ждали, чтобы вас накормили молоком, вы желали, чтобы вас держали на руках и обнимали — вы хотели, чтобы вас любили. Это как если бы вы и я имели «резервуары любви», которые нужно заполнить. И если ваша потребность в любви не удовлетворена, вы испытываете приступы голода. Чем более вы опустошены, тем яростнее ваш голод и жажда любви.

Но ваш аппетит требует особого вида любви. Как маленький ребенок, вы протягивали руки, ища объятия, поцелуи и поглаживания по голове. И какое-то время этого было достаточно. Но когда вы выросли, вы начали испытывать глубокий внутренний голод по любви, которая принимала бы вас только потому, что вы — это вы. Это был голод по любви, которая обняла бы вас и сказала: «Неважно, что ты делаешь, я всегда буду любить тебя только потому, что это ты». И вы хотели бы, чтобы эта любовь продолжалась и продолжалась и была настолько надежной, что вне зависимости от происходящего вокруг вы могли бы быть уверены, что эта любовь пребудет всегда.

Может быть, вы знаете такую любовь. Если это так, считайте себя счастливым, потому что большинство из нас никогда не чувствовали этого. Я не могу вспомнить, что, когда я был мальчиком, мой папа хоть раз сказал мне, что любит меня. Я никогда не ощущал надежную обнимающую руку отца и даже не слышал, как он говорит: «Ты все сделал правильно, сын». Видите ли, мой отец был алкоголиком; не было ни одного дня, когда он был трезвым. Я не могу вспомнить ни единого дня в своем детстве, когда я чувствовал, что он меня любит.

Поэтому я знаю, что значит изголодаться по любви настолько, что этот голод вызывает парализующий страх жизни: вас никогда не будут любить, и вы сами никогда не сможете любить. И я столкнулся с бо́льшим голодом по любви, чем вы, с бо́льшим страхом, чем вы.

Этот страх часто приходит из-за того, что нам предлагают любовь лишь на определенных условиях: *меня будут любить, ЕСЛИ я получу хорошие оценки; меня будут любить, ЕСЛИ я буду популярным; меня будут любить, ЕСЛИ я стану заводилой в группе.*

Или, может быть, вы верите, что возможность быть любимым зависит от того, как вы выглядите или что вы имеете, есть ли у вас новая машина или модная одежда.

Сильный голод по любви, подкрепленный страхом, будет уводить вас все дальше и дальше от возможности получить любовь.

Когда я был подростком, мои эмоции говорили мне: «Ты не можешь испытать любовь дома; попытайся добыть любовь и признание через развлечения». Я мечтал, что, если я зарекомендую себя шутком, кто-то обязательно полюбит и примет меня. Но этого не случилось. Так что я стал думать: «Если я не могу найти любовь, таким образом, может быть,

мне нужно получить образование — я докажу, что стою чьей-то любви, когда стану умным». Это тоже не принесло результатов. Я возлагал надежды на престиж, политику, участие в партиях. Из-за моего голода по любви и из-за страха, что я никогда не буду любим, мне было все тяжелее достигнуть желаемого.

Многие студенты поступают точно так же, как я. Они пытаются преуспеть в спорте, или получить великолепные оценки, или присоединиться к банде, или принимать наркотики — все это в поисках любви и признания. Многим неотступный голод по любви, которая говорит: «я люблю тебя только потому, что это ты», принес только *секс*.

Секс кажется совершенным путем, чтобы выразить любовь к кому-либо. Есть что-то в нежном поцелуе, теплом объятии и во всей той страсти, которой сопровождается сексуальное влечение; секс, кажется, говорит: «Я люблю тебя». Вы видите это в фильмах, вы слышите об этом в песнях, вы читаете об этом в журналах и смотрите по телевизору. Любовь и секс, секс и любовь — они идут рука об руку, правильно? Неправильно!

Секс никогда не наполнит ваши резервуары любви. Никогда. Потому что секс никогда не был предназначен для того, чтобы создавать любовь — он был создан, чтобы выражать любовь. Секс должен усилить и передать тот вид любви, который говорит: «Я люблю тебя так сильно за то, что ты есть, и я буду питать эту любовь и защищать ее всегда, посвящая тебе».

Секс, каким Бог сотворил его, должен стать результатом посвященных взаимоотношений любви, а не первопричиной. Так что для того, чтобы секс был позитивным и сохранял свое предназначение, любовь должна подпитываться и расти в зрелости, и *тогда* секс может стать прекрасным кульминационным событием!

Но позвольте мне сказать кое-что. Если ваш резервуар любви пустеет, и вы занимаетесь сексом с вашим другом или подругой, секс усилит и углубит вашу пустоту. Он лишь дополняет то, что находится у вас внутри. И если вы храните в сердце тот тип любви, которая «оправдывает это», вы дождетесь минуты, когда брачный завет подтвердит ваше посвящение друг другу.

Но многие, с кем я говорил, не хотели ждать, потому что они поддались демонической лжи, что секс каким-то образом даст им любовь, в которой они нуждались. Одна девушка написала мне такое письмо:

«Дорогой мистер Макдауэлл,

Я не могла разорвать цепи сексуальной зависимости в отношениях с Куртом. Он управлял моей жизнью. Какой дешевой и грязной я стала в своих собственных глазах!

Несмотря на то, что мы поддерживали сексуальные отношения, я испытывала ужасные приступы одиночества, которого я никогда не переживала раньше. Секс принес мне страх и стыд. Он закрыл мои глаза фальшивой любовью и разбил мое сердце, которое даже сейчас, спустя семь лет, все еще исцеляется.

Подпись: *незамужняя девушка, которая все еще нуждается в исцелении*».

Секс никогда не должен был вести к «приступам одиночества», которые вы переживали. Он не должен был оставить вас с опустошенным сердцем на следующее утро. Секс никогда не был предназначен для того, чтобы стать «убийцей любви» в вашей жизни.

Другая молодая женщина сказала мне: «Я знаю, что занятия сексом на самом деле не дают мне любовь, в которой я нуждаюсь, но, по крайней мере, на короткие моменты я чувствую себя любимой». Какой дешевый заменитель! Зачем соглашаться на секс, когда вы можете испытать уверенность в том, что вы действительно любимы? Может быть, вы встречались с «убийцей любви». Может быть, вы знаете, что значит чувствовать, как ваши резервуары любви опустошаются. Как вы можете снова пережить настоящую любовь — любовь, которая любит вас только за то, что это вы?

Есть любовь (кто-то называет ее совершенной, безусловной любовью), которая говорит: не имеет значения, кем ты являешься, как ты выглядишь, что ты сделал (или не сделал), — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Эта любовь — самая настоящая любовь в мире. Это любовь, которая побеждает страх, которая заставляет нас оставить опасения, что никто никогда не полюбит нас такими, какие мы есть. Она исходит от той Личности, которая создала любовь.

Вы можете принять эту совершенную любовь, которая освобождает от страха, доверившись Иисусу Христу как вашему Спасителю и Господу.

Уничтожит ли доверие Христу все ваши страхи, даст ли оно любовь настолько совершенную, что вы будете жить всегда счастливо? Я этого не сказал. У вас могут остаться глубокие душевные раны от сексуального, физического и эмоционального надругательства. Вам нужно время и помощь для того, чтобы исцелить эту боль. Но когда вы доверитесь Христу, то обнаружите, что самые близкие и безопасные взаимоотношения возможны. Может быть, в первый раз в своей жизни почувствуете, что вы защищены и любимы.

Прямо сейчас просто и искренне обратитесь к Богу в молитве с такими словами:

Господь Иисус, я хочу знать Тебя лично. Благодарю Тебя за то, что Ты умер на кресте за мои грехи. Я открываю дверь моей жизни и доверяюсь Тебе как своему Спасителю и Господу. Спасибо Тебе за то, что Ты прощаешь мои грехи и даешь мне вечную жизнь. Спасибо Тебе, что любишь меня без условий и принимаешь меня таким, какой я есть. Возьми мою жизнь в Свои руки и сделай меня таким человеком, каким Ты хочешь меня видеть. Аминь.

Если вы помолились этими словами и доверили свою жизнь Христу, вы теперь новый человек. С течением времени вы изменитесь во многом. Но одна вещь навсегда останется неизменной. Бог любит вас и принимает вас

таким, какой вы есть. Сообщите любому другу-христианину о решении, которое вы приняли сегодня. Если вы были христианином и вновь подтвердили свое упование на Христа, поделитесь этим с друзьями в вашей молодежной группе. Вам нужна поддержка и любовь других верующих.

13

Ледяная вечеринка

— Это сумасшествие, — сказала Крайстел Дарсел по дороге в Дрейк-Парк.

— А разве все идеи Джейсона не сумасшедшие? — Дарсел направила машину с дороги в парк.

— Я просто не понимаю, как это можно устроить, Дарсел. Я ничего не имею против, но разве можно устроить вечеринку на санках, когда на земле нет ни одной снежинки?

Джейсон предложил организовать вечеринку с санками в сентябре, когда Команда Освобождения обсуждала новые способы проведения собраний. Со времени проекта «Увидимся на вечеринке» в марте, группа спланировала и осуществила несколько подобных мероприятий. Каждая вечеринка давала им возможность приглашать неверующих друзей на праздник, на котором им всегда просто и доступно объясняли, «как знать Бога лично». Вечеринки никогда не были такими грандиозными, как та, в марте, но, тем не менее, один из их друзей каждый раз приходил к вере во Христа.

Дарсел припарковалась за машиной Уилла на площадке на центральном холме. Они с Крайстел присоединились к дюжине других ребят, которые приехали раньше. Среди них были два студента, которых они знали со школы. Даг Клайн пришел по приглашению Бастера Тода, и Бренда Шафер, студентка-второкурсница, подруга Джой Акияма, тоже приехала с ними.

— Это большой холм, с которого можно скатиться, — сказал Уилл с улыбкой.

— Да, — сказала Крайстел, — если бы лежал снег.

Группа стояла на краю крутого холма, любуясь видом и думая, зачем они приехали сюда.

Наконец подъехал Дуэйн Каннингэм в своем пикапе. Они с Джейсоном выскочили из кабины и подозвали всех.

Дуэйн вручил сумки с продуктами Джой и Бренде Шафер и попросил отнести все к огню у палатки.

— Займемся этим потом, — сказал он.

— Остальным нужно будет помочь нам, — сказал он, стаскивая с грузовика брезент, под которым лежало пять кусков льда.

— Что это? — спросила Амбер.

— На что это похоже? — спросил Джейсон в ответ.

— На лед, — ответила она.

— Неправильно, — сказал Джейсон с энтузиазмом, поднимая один из тяжелых блоков и ставя его на траву. — Это санки.

Бастер засмеялся, и несколько человек из группы закидали Джейсона вопросами.

— Просто отнесите их туда, — объявил он, указывая на вершину холма. — Я все покажу.

Минуту спустя Джейсон несся, подпрыгивая, вниз по склону, управляя блестящим чистым куском льда.

— Вышло немного неловко, — сообщил он, когда вернулся наверх, толкая «санки» перед собой. — Получится лучше после того, как мы съедем вниз несколько раз. Трава будет ровной и мокрой.

В течение следующих полутора часов члены Команды Освобождения и гости кричали и смеялись, скатываясь вниз по холму. Вскоре к ним присоединились Хиллари Путнэм, Ким Холмс, Марси Смол и Регги Спенсер, которые помогли Дуэйн разжечь огонь.

Немного позже вся группа сидела, дрожа от холода и весело болтая, на бревнах вокруг потрескивающего костра рядом с палаткой. Они жарили пастилу и пили горячий шоколад. Внезапно Дарсел толкнула локтем Крайстел, заставив ее пролить содержимое чашки на себя.

— Дар, — раздраженно воскликнула Крайстел.

Дарсел, не сразу сообразив, что она натворила, еще раз толкнула ее локтем и указала на стоянку.

Крайстел повернулась и увидела Брэда Стюарта, идущего по направлению к ним. Его руки были спрятаны глубоко в карманах. Она подпрыгнула и неуклюже вручила свою чашку Дарсел, оставив маленькое пятно шоколада на ее ботинке.

— Это Брэд, — сказала она взволнованно. — Я не предупредила вас, что пригласила его. Я на самом деле не ожидала, что он придет.

Крайстел зашагала в сторону Брэда и привела его в тесный круг вокруг огня.

— Ребята, это Брэд Стюарт. Я попросила его прийти.

Регги и Марси, которые сидели ближе всех к Брэду и Крайстел, встали и уступили им место, но внезапно вмешался Джейсон.

— Брэд, — позвал он. — Я бы хотел, чтобы ты сел рядом со мной. — Обычное шаловливое выражение лица Джейсона куда-то исчезло; он слегка улыбался, но не шутил. Брэд принял приглашение Джейсона; Крайстел тихонько втиснулась рядом с Брэдом.

Они сидели вокруг огня, и разговор вскоре переключился на духовные вопросы. Группа внимательно слушала, как Дуэйн рассказывал о Тони Ортизе, который окончил Эйзенхауэр-Хай в прошлом году и посещал государственный университет, получая футбольную стипендию. Тони делился своей верой на молитвенном завтраке спортсменов-христиан, как сказал Дуэйн. Затем, не ожидая фанфар или торжественного вступления, встал Регги Спенсер.

— Я хочу сказать кое-что о сегодняшнем вечере, — бывший футболист взял кусок льда и бросил его перед собой рядом с огнем. — Некоторые из вас знают, кем я был пару лет назад. Я не собираюсь говорить о деталях, но моя жизнь в семье была настолько ужасна, я был настолько

полон негодования и горечи, что внутри... — он указал на свою грудь и тыкал в нее пальцем так сильно, что все в кругу слышали глухие удары, — внутри я казался себе вот таким куском льда.

Регги продолжал делиться тем, что он чувствовал и как немногим больше года назад в «Макдональдсе» на Поплар-авеню Дуэйн Каннингэм помог ему прийти к вере во Христа.

— Дуэйн начал рассказывать мне о том, что Иисус любит меня так сильно, что умер ради меня, и он сказал, что я могу иметь взаимоотношения с Ним — взаимоотношения, основанные на любви, а не на страхе. Он сделал так, что все выглядело очень просто. Да так и было. Я не знаю, смогу ли объяснить это так же понятно. Но я лишь расскажу вам, что случилось со мной.

Брэд Стюарт внимательно слушал короткое свидетельство Регги. Крайстел смотрела на него почти все время, пока спортсмен говорил, и они с Брэдом обменивались взглядами время от времени. Когда Регги закончил, Крайстел подвинулась на бревне, чтобы полностью видеть Брэда.

— О чем ты думаешь? — спросила она. — Есть что-то, что Регги не объяснил?

— Нет, — сказал Брэд, защищаясь. — Нет, я думаю, я все понял.

— Потому что если у тебя есть какие-нибудь вопросы, я действительно хотела бы ответить на них. Я думаю...

— Крайстел, — прервал Брэд. Он улыбался. — Не сейчас. Есть некоторые вещи, о которых мне нужно подумать, прежде чем я смогу принять это решение.

— Но Брэд, тебе не нужно ничего делать для того, чтобы Бог принял тебя. Он принимает тебя прямо сейчас таким, какой ты есть.

— Я не это имею в виду, — сказал он. — Есть некоторые вещи, о которых я хотел бы поговорить прежде, чем я сделаю... что-либо, — когда Брэд закончил, он заметил, что Бренда Шаффер молится с Джой Акияма на другой стороне круга.

— Какие вещи? — спросила Крайстел.

— О тебе и обо мне, например. Я помню, ты сказала, что твое нежелание встречаться со мной связано не с тем, что я заражен ВИЧ, а с тем, что я не разделяю твое посвящение Богу. Я говорю верно?

Она кивнула.

— Я думаю, нам нужно обсудить кое-что, чтобы ты знала, что если я, э-э, сделаю то, о чем говорит Регги — а я не обещаю, что сделаю это, — то я сделаю это не для того, чтобы угодить тебе, ты понимаешь?

Крайстел просияла и ободряюще улыбнулась ему. Она встала, подошла к Джейсону (который притворялся, что не слушает) и что-то шепнула ему на ухо. Джейсон украдкой посмотрел на Брэда, который встретил его взгляд с улыбкой.

Крайстел протянула руку Брэду.
— Пойдем, пройдемся, — сказала она.

Об авторах

Джош Макдауэлл — известный во всем мире проповедник, писатель и путешествующий представитель служения «Campus Crusade for Christ». Выпускник колледжа Wheaton и Talbot Theological Seminary. Он написал более 35 книг. Его знают также по фильмам, видеокассетам и телевизионным программам. Он, его жена Дотти и их четверо детей живут в Джулиане, штат Калифорния.

Боб Хостетлер — писатель, редактор, часто выступает на писательских конференциях и в церквях. В соавторстве с Джошем Макдауэллом он написал «Don't Check Your Brains at the Door» и опубликовал сотни статей, проповедей, повестей и комиксов. Боб редактировал национальные молодежные публикации для Армии Спасения и служил пастором в церквях Огайо, а теперь пишет книги. Он и его жена Робин служили вместе воспитателями для трудных подростков и сейчас живут в юго-западном Огайо с дочерью Обри и сыном Аароном.

Факты

Исследования, документацию, статистику и другие материалы, использованные в этой книге, вы можете найти в Исследовательском Альманахе и Статистическом дайджесте Джоша Макдауэлла. Эта справочная книга содержит более 400 страниц. Используйте ее, чтобы подготовиться к дискуссии, написать статью или просто получить исчерпывающую информацию. Мы вышлем вам бесплатную брошюру по этому ценному источнику, если вы напишете нам:

The Julian Press
Box 584
Julian, CA 92036

Собираетесь в колледж? Не отправляйтесь в одиночку

Новые друзья-христиане уже готовы встретить вас!

Чтобы присоединиться к христианам и служителями в вашем колледже, свяжитесь с бесплатной линией Student LINC 1-800-678-LINC (5462).

Student LINC имеет централизованную базу данных, куда Campus Crusade for Christ, InterVarsity Christian Fellowship и Navigators отправляют информацию о размещении их миссий в учебных заведениях по всем Соединенным Штатам.

Student LINC может дать вам имена и телефоны многих лидеров по всем группам. Если в вашем учебном заведении нет сильной христианской группы, Student LINC

может помочь вам организовать ее. Для дополнительной информации позвоните по телефону 1-800-678-LINC (5462).

Не выходите из дома, пока не позвоните!

Давайте продолжим знакомство

Если вы лично выросли духовно, прочитав этот материал, мы должны оставаться в общении. Возможно, вы захотите продолжить ваш христианский рост и позволить вашей вере стать еще сильнее. Наша группа постоянно разрабатывает новые материалы.

Мы публикуем ежемесячные новости под названием «Пять минут с Джошем», которые: 1) расскажут о тех новых материалах, которые выпускаются; 2) ответят на ваши прямые вопросы; 3) дадут полезные советы, как быть эффективным родителем; 4) позволят вам узнать о нуждах нашего служения и 5) будут держать вас в курсе расписания выступлений Джоша Мак-Дауэлла.

Если вы хотели бы получить эту публикацию, сообщите ваше имя и адрес Джошу Мак-Дауэлли – 5 Minutes with Josh, Campus Crusade for Christ, 100 Sunport Lane, Fla. 32809.

ОБЛОЖКА:

В чем секрет вечной любви?

Это кажется таким простым: мальчик встречает девочку, возникает симпатия, следуют свидания, затем приходит истинная любовь. Но для студентки высшей школы Крайстел Уэйн это не так легко. Она пережила крах одних взаимоотношений за другими в поисках любви, которая может длиться вечно.

Выросшая в семье с отцом-алкоголиком, обладающей трудным характером матерью и «правильной» сестрой, Крайстел, движимая надеждой, ищет любовь, где только возможно.

Брэд, казалось, был всем, о чем она могла мечтать: красивый, обходительный, совершенный джентльмен. Но, пока Крайстел искала любви, он искал чего-то другого. Это «другое» кажется волнующим, заманчивым, естественным выражением «истинной любви». Но команда адских демонов, работающая круглосуточно, вынашивала коварный план. Счастье молодых людей готов был разрушить *Убийца Любви*.

Новел Плюс

Джош Макдауэлл и Боб Хостетлер приводят библейские ссылки и комментарии к удивительной истории Крайстел и ее друзей в разделах, называемых «Отступление», в которых вы:

- Узнаете правду о сексе, убивающем ту самую любовь, которую многие так отчаянно ищут.
- Поймете истинное назначение и цели секса.
- Раскроете секрет любви, длящейся всю жизнь.
- Узнаете, как должным образом встречать дезинформацию о «безопасном сексе», которую вы

получаете от учителей и через средства массовой информации.

В этой книге Джош Макдауэлл и Боб Хостетлер не только расскажут вам, что такое настоящая любовь, но и помогут поддерживать ваше чувство живым.